

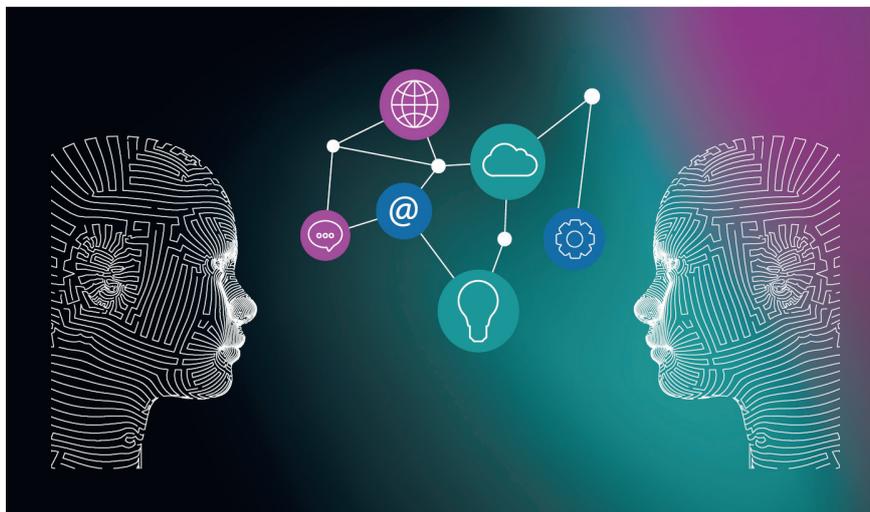
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Псковский государственный университет
Белорусский государственный университет

**«Homo faber — Homo loquens — Homo scriptor.
Россия — Беларусь:
Ценности единого научно-образовательного
пространства приграничья»**

Материалы международной научно-практической конференции

г. Псков
24–25 марта 2022 г.

Электронное сетевое издание

УДК 514.11
ББК 72+74.58
Н76

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук, проф. Л. А. Капитанова (ПсковГУ);
канд. филол. наук, доц. Е. В. Ковалых (ПсковГУ);
канд. пед. наук, доц. И. Н. Коренецкая (ПсковГУ);
канд. филол. наук, доц. З. В. Митченко (ПсковГУ);
канд. филол. наук, доц. Н. А. Федотова (БГУ).

Рецензенты:

— Н. М. Ильченко, д-р. филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии факультета гуманитарных наук Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина.
— Л. С. Головина, канд. филол. наук, доцент кафедры образовательных технологий Псковского государственного университета.

Н76

«Homo faber — Homo loquens — Homo scriptor. Россия — Беларусь: Ценности единого научно-образовательного пространства приграничья»: материалы Международной научно-практической конференции. Псков. 24–25 марта 2022 г. / Под ред. проф. Л. А. Капитановой; сост. Е. В. Ковалых, И. В. Коренецкая, З. В. Митченко. — Псков : Псковский государственный университет, 2023. — 102 с. — Режим доступа: <https://lib.pskgu.ru/page/d1f45f6d-f629-4fa1-94fd-6449031c1269>

ISBN 978-5-00200-130-9

В материалах настоящего сборника рассматривается круг вопросов, связанных с формированием и развитием базовой основы и содержательных приоритетов единого научно-образовательного пространства приграничья, включающего учебные заведения Псковского региона и Беларуси. Анализируются механизмы международного объединения в сфере образования, науки, просветительской деятельности, критерии эффективности совместной деятельности; исследуются новые организационные формы сетевого взаимодействия; осмысливается процесс создания общей системы гуманистических, культурных и профессиональных ценностей, актуальных для национальной повести России и Беларуси; уделяется внимание современным процессам развития информационно-коммуникационной сферы в условиях приграничья.

Для преподавателей и студентов учебных заведений приграничья, всех интересующихся проблемами международного сотрудничества в научно-образовательной сфере.

УДК 514.11
ББК 72+74.58

ISBN 978-5-00200-130-9

© Коллектив авторов, 2023
© Псковский государственный университет, 2023

Содержание

Предисловие	4
<i>Алиева Л. В., Побужанская А. А.</i> Научно-образовательная деятельность исторического факультета Псковского государственного университета как информационно-интеллектуальный инструмент публичной дипломатии в пространстве приграничья	5
<i>Бабук А. В.</i> Fake news как проблема современных англоязычных социальных медиа и возможность ее решения	10
<i>Быстрова П. В., Разумовская А. Г.</i> Повести В. В. Быкова в советском и российском кинематографе («Сотников» и «Пойти и не вернуться»)	15
<i>Вергун И. И.</i> Социальные медиа как источник дезинформации и инструмент фактчекинга	21
<i>Воробьева Л. Б., Митченко З. В.</i> Акция «Чистый город – хорошая речь!» как модель организации научно-образовательного взаимодействия в академической среде вуза	24
<i>Грицкевич Ю. Н., Попкова Л. М.</i> Медиа текст приграничья и его использование в учебном процессе	28
<i>Капитанова Л. А., Ковалых Е. В., Лукьянова С. В.</i> Международная сетевая программа «Цифровая журналистика» в призме вызовов современного цифрового мира	34
<i>Касперович-Рынкевич О. Н.</i> Медиапотребление миллениалов и зумеров Беларуси	41
<i>Колтаков М. Ю., Колтакова Ю. В.</i> Дорожные знаки и ориентиры на путях псковского пограничья в XVI–XVII вв.	44
<i>Колядко С. В.</i> Литературоведческая и лингвистическая эмотиология: общее и различное	50
<i>Кривоносов А. Д.</i> Специалист по коммуникациям в постпандемийное время	56
<i>Лищенко Н. Ф.</i> В. В. Быков в системе занятий по русской литературе с инофонами (опыт работы с туркменскими студентами)	59
<i>Луцинская О. В.</i> Медиа текст как инструмент функционирования конвергентных средств массовой коммуникации	62
<i>Лытаева М. А., Маслова Г. Г., Соловьева И. О.</i> Программа двойных дипломов российских вузов: Что делать? Кому выгодно?	68
<i>Попкова Л. М.</i> Медиа текст в фокусе экологии языка	72
<i>Семенова М. Г.</i> Образ Беловежской пуши в рассказе В. Я. Ирцкокого «Легенда»	76
<i>Смирнова Н. А.</i> Супервизия как способ овладения специальностью «Реклама и связи с общественностью»	79
<i>Улейчик Н. Л.</i> Этносоциальные процессы в гродненской губернии на рубеже XIX–XX вв.	84
<i>Федотова Н. А.</i> Программа сетевой магистратуры «Цифровая журналистика» как опыт междууниверситетского взаимодействия	89
<i>Хмель Е. Р.</i> Агрессивное речевое поведение в белорусском телеэфире	92
<i>Цветкова Н. В.</i> Философия имени в повести В. Быкова «Сотников» (1970)	96

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Homo faber — Homo loquens — Homo scriptor. Россия — Беларусь: Ценности единого научно-образовательного пространства приграничья» (24.03.2022 — 25.03.2022), инициатором которой стал Псковский государственный университет, а соорганизатором выступил Белорусский государственный университет.

В контексте основной тематики конференции прежде всего активно обсуждались проблемы, связанные с выстраиванием информационно-коммуникационных связей научно-образовательного пространства приграничья. Подтверждением этому является корпус материалов сборника, посвященных и вопросам медиалингвистики.

В фокусе научно-образовательных российско-белорусских связей также находилась тема истории и современности приграничья. Еще один содержательный уровень материалов сборника — это осмысление российско-белорусских литературных и культурных связей: с одной стороны, творчество писателей-белорусов, вошедшее в «золотой фонд» советской литературы, белорусская проза в советском и российском кинематографе, с другой — легендарные места белорусской земли в русской литературе первых десятилетий XX века.

Кроме того, в сборнике представлен материал, обращенный к актуальной проблеме сегодняшнего времени — медиапотребления молодежи, в том числе склоняющий поразмыслить о выстраивании информационно-коммуникационных «мостов» в студенческом пространстве приграничья. С темой «студенчество приграничья» сопряжен и материал, отражающий состоявшийся на конференции «прямой разговор» с непосредственными представителями информационно-коммуникационной сферы, ожидающими от университетов «современные кадры», отвечающие запросам цифрового времени.

Созвучными проблематике конференции являются материалы о сетевых образовательных программах — одном из основных компонентов единого научно-образовательного пространства приграничья. При этом наряду с традиционными организационными вопросами (правовые, экономические и пр.) функционирования сетевых программ, представленные в сборнике материалы касаются таких значимых аспектов сетевого обучения, как, например, его образовательный дизайн.

В заключение нашего «предисловия» особо подчеркнем, что ПсковГУ в лице коллектива кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного и факультет журналистики Белорусского государственного университета приглашают всех заинтересованных в обсуждении проблем ценностных ориентиров единого научно-образовательного пространства приграничья, а также круга конкретных вопросов, связанных с формированием и развитием базовой основы и содержательных приоритетов единого научно-образовательного пространства учебных заведений Псковского региона и Республики Беларусь, к сотрудничеству.

Редакционная коллегия

Алиева Л. В.
Псковский государственный университет
alieva@pskgu.ru
Побужанская А. А.
Псковский государственный университет
pobuzhan@pskgu.ru

Научно-образовательная деятельность исторического факультета Псковского государственного университета как информационно-интеллектуальный инструмент публичной дипломатии в пространстве приграничья

В статье приводятся примеры реализации научно-образовательных проектов, которые выходят за границы региона и позволяют знакомить мировую общественность с российской точкой зрения на международные процессы и содействовать развитию конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и цивилизаций. Автор показывает, что научно-образовательная деятельность факультета вуза приграничной территории является информационно-интеллектуальным инструментом публичной дипломатии, позволяющим решать задачи государственной важности на уровне региона.

Ключевые слова: публичная дипломатия, вуз, мягкая сила, образование.

В современном мире происходит усложнение структуры международных отношений связанной с формированием полицентричной международной системы. Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование инструментов публичной дипломатии, в том числе возможностей университетского образования.

Доведение до широких кругов мировой общественности российской точки зрения на международные процессы, содействие развитию конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и цивилизаций соответствуют задачам, зафиксированным в Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640).

Содействие решению данных задач внешней политики Российской Федерации в пространстве приграничья способна оказать научно-образовательная деятельность факультета вуза, каковым, например, является исторический факультет Псковского государственного университета. Целью исследования является рассмотрение научно-образовательной деятельности факультета вуза приграничной территории как информационно-интеллектуального инструмента публичной дипломатии.

Образовательные программы сегодня признаются одним из эффективных инструментов «мягкой силы» и публичной дипломатии. Благодаря взаимодействию вуза с представительствами Россотрудничества в разных странах, на историческом факультете проходят обучение студенты из разных стран бывшего СССР: Узбекистана, Туркменистана, Латвии, Эстонии, Украины, Белоруссии. Практика обучения показывает успешную адаптацию обучающихся и усвоение культурных норм, практик и традиций русского мира, что важно для усиления роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространения и укрепления позиций русского языка в мире, популяризации достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки.

Учебная деятельность студентов исторического факультета предполагает освоение таких дисциплин как «История», «Русский язык и культура речи», «Теория международных отношений», «История международных отношений», «Современные международные отношения», «Международные конфликты в XXI веке», «Международные экономические отношения», «Институты современной дипломатии», «Внешняя политика Европейского Союза», «Процессы интеграции в европейском регионе», «Страны Запада и Востока в процессах глобализации», «Религиозные традиции европейского региона», «Содружество наций: история и современность», «Европейское культурное пространство: традиции и ценности», «Россия в системе международных отношений», «Содружество независимых государств», а также целого ряда других дисциплин, способствующих пониманию того, что Российская

Федерация проводит внешнюю политику, направленную на создание стабильной и устойчивой системы международных отношений на основе общепризнанных норм международного права и принципов равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств в целях обеспечения надежной и равной безопасности каждого члена мирового сообщества.

В рамках реализации образовательных программ осуществляются зарубежные стажировки. На историческом факультете Псковского государственного университета на протяжении нескольких лет до начала действия ограничений, связанных с противодействием распространению коронавирусной инфекции, действовала практика выездных стажировок магистрантов на базе исторического факультета Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. Стажировку на базе факультета проходили преподаватели ВГУ им. П. М. Машерова. Такого рода обмен, безусловно, не только способствует налаживанию, поддержанию и сохранению долгосрочного сотрудничества между двумя ведущими образовательными учреждениями Витебско-Псковского пограничья, значимость которого сложно переоценить сегодня, но и является базой для принятия ценностных установок партнеров, «иных» с точки зрения мировой политики.

В качестве дополнительных инструментов просвещения обучающейся молодежи используются возможности международных образовательных проектов. Например, студенты исторического факультета Псковского государственного университета стали участниками Международного форума «Точки роста: историческая политика, ценностные и мировоззренческие основания Евразийской интеграции» в рамках Международного проекта в сфере публичной дипломатии «Точки Роста», который был реализован АНО «Институт Русского зарубежья» и Ассоциацией «Содействие развитию интеграции, международному социально-культурному и деловому сотрудничеству» при поддержке Фонда президентских грантов.

В современном мире центральной является тема Второй мировой войны, ведь на международной арене ведется жестокая информационная война за массовое сознание, целью которой является не только искажение действительной картины хода и итогов Второй мировой войны, не только оправдание нацизма, но и формирование новой картины мира. Научно-образовательная и воспитательная деятельность на факультете направлена на противодействие попыткам фальсификации истории и сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны как основе уважения к истории Родины [1], а, следовательно, закладывает нравственный фундамент целостной личности, не страдающей комплексами национального стыда и готовой конструктивно работать для приумножения славы и богатства своей страны. Эта деятельность уже сегодня дает свои результаты. От традиционных и периодических активностей студенчество перешло к активному участию в проектной деятельности. Приведем лишь несколько примеров.

Год памяти и славы определил основную тематику, цели и задачи проекта «Малая Родина в зеркале устной истории о Великой Отечественной войне» [4]. Студенты факультета в рамках организованной экспедиции собирали рассказы свидетелей войны, тех людей, детство и юность которых пришлось на то страшное время, познакомились с экспонатами школьных и сельских музеев, хранящих память о героях войны, что само по себе уже способствовало более глубокому и живому познанию культурного, исторического, национального наследия России. Силами студентов была подготовлена одна из экспозиций онлайн-музея «Псковская деревня в годы Великой Отечественной войны» [6]. Работа над проектами широко освещалась в СМИ, что способствует становлению миропонимания молодежи на качественных и принципиально новых материалах и подходах.

Научно-исследовательская деятельность на факультете базируется на кафедрах отечественной истории, всеобщей истории и регионоведения, философии и теологии, а также в рамках научно-образовательного центра социальной истории и Центра комплексных исследований проблем региональной безопасности, который возглавляет директор Института США и Канады РАН, доктор исторических наук В. Н. Гарбузов. Разработка образовательных программ и актуальных курсов способствует публикации учебных пособий, в том числе на английском языке. Результаты научных исследований преподавателей факультета представлены научными статьями, которые публикуются, в том числе, в журналах, проиндексированных в WoS и Scopus. Преподаватели факультета регулярно участвуют в научных конференциях, а также имеют огромный опыт их организации. Традиционными для факультета являются такие научные мероприятия, как научные конференции «Проблемы войны и мира в свете всемирно-исторического опыта», «Актуальные проблемы теории и методики обучения истории и обществознанию» (совместно с историческим факультетом Белорусского государственного университета), «Внутренний туризм и экскурсионная деятельность: теория и практика», «Музей и дети».

В декабре 2020 г. результаты исследований проблем пограничных территорий, внешнеполитических устремлений России и особенностей развития системы международных отношений были представлены на Всероссийском общественно-научном онлайн-форуме «Дихотомия войны и мира: приграничные регионы России в переломные исторические эпохи», организованном историческим факультетом Псковского государственного университета. В рамках форума состоялись: Всероссийская научно-практическая конференция «Дихотомия войны и мира: приграничные регионы в переломные исторические эпохи»; панельные дискуссии: «Территориальные претензии к России в контексте понятий «право» и «справедливость», «Русская Православная Церковь и пограничье: духовное измерение геополитических процессов», «Русский мир: общество и государство. Диалектика взаимодействия»; стратегическая сессия «Взаимоотношения России и сопредельных государств: основные проблемы и пути их решения»; заседание молодежного дискуссионного клуба «Приграничье — территория сотрудничества и конфликта»; XV «Псковские архивные чтения», посвященные итогам реализации проекта «Без срока давности»; Фестиваль визуализаций. Материалы форума были опубликованы и доступны для ознакомления как в России, так и за ее пределами [5; 7].

Позиция научного сообщества в отношении попыток пересмотра уроков Второй мировой войны была заявлена в рамках XVI Международной научно-практической конференции «История, архивы и общество», посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (май 2021 г.) и Международной научно-практической конференции «Фашизм 2.0: актуальные вызовы международной безопасности» (март 2022 г.).

Работа с молодежью традиционно является одним из самых активных и масштабных направлений программ гуманитарного университетского сотрудничества. Такое внимание к молодежи уходит корнями в советское прошлое, когда молодежь рассматривалась как одна из самых главных целевых аудиторий советской мягкой силы. В современной России эта традиция продолжается, приобретая новые формы.

Летом 2021 г. историческим факультетом была реализована основная общеобразовательная программа для учащейся молодежи Республики Беларусь «Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия России и приграничных стран» в рамках масштабного проекта «Летний университет–2021» [3]. В рамках программы были рассмотрены следующие вопросы: основные направления изучения и сохранения историко-культурного наследия России и соседних стран в контексте становления и развития исторической науки, археологии, специальных исторических дисциплин; место историко-культурного наследия в современной экономической и социокультурной ситуации; основные проблемы охраны культурного наследия на современном этапе. Актуальные проблемы приграничного сотрудничества, в том числе в сфере культуры стали предметом рассмотрения на встречах участников Летнего университета с Алексеем Громыко, доктором политических наук, директором института Европы РАН, члена-корреспондента РАН и Михаилом Швыдким, министром культуры Российской Федерации (2000–2004), спецпредставителем президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству.

Свыше 500 человек стали участниками Круглого стола «Русский мир: диалектика взаимодействия общества и государства» [2], который прошел в онлайн-формате на web-платформе «Конгресс-холл ПсковГУ» 03 декабря 2021 г. при поддержке фонда «Русский мир», Псковской областной общественной организации «Ассоциация гуманитарной культуры», Института США и Канады РАН, Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация политических наук», отделения Российского исторического общества в г. Пскове, Псковского агентства информации, Латвийской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Участниками круглого стола стали ученые, преподаватели высших учебных заведений и школ, представители органов власти и молодежных объединений, политики, общественные деятели и все, кому интересна тема формирования идеологического фундамента для укрепления положения России на международной арене, поиска ответа на риски и угрозы, возникающие в современном мире. В рамках мероприятия состоялось всестороннее обсуждение актуальных вопросов, связанных с популяризацией русского языка, российской истории и культуры, а также роли России в развитии мировой цивилизации.

Сегодня одни из самых распространенных разновидностей сетевых технологий — социальные сети, превратились в своеобразное оружие в «борьбе за умы и сердца», поэтому научная, проектная, образовательная и внеучебная жизнь факультета широко освещается в различных социальных сетях, список которых в последнее время претерпел изменения, однако проводимая работа даже в условиях ужесточающихся санкций будет давать свои результаты, способствуя формированию позитивного кон-

тента социальных сообществ, которые, к сожалению, все еще переполнены картинками насилия, пропагандой низменных ценностей и эгоцентричными постами, претендующими на анализ происходящих в России и за ее пределами событий.

Следует признать, что научно-образовательная деятельность факультета вуза приграничной территории является информационно-интеллектуальным инструментом публичной дипломатии, дополняющим существующие механизмы продвижения национальных интересов на международной арене, обеспечения национальной безопасности, укрепления геополитического положения нашей страны.

Список использованной литературы

1. Великая Отечественная война: без срока давности (типовые учебно-методические материалы по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи). Фролов В. В., Алиева Л. В., Никитина Н. П., Корольков О. П., Хришкевич Т. Г., Филимонов А. В., Филиппова Т. В. Свидетельство о регистрации базы данных 2021623127, 23.12.2021. Заявка № 2021622835 от 06.12.2021. [Электронный ресурс]: URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47778821> (дата обращения: 10.03.2022).
2. Круглый стол «Русский мир: диалектика взаимодействия общества и государства». [Электронный ресурс]: URL: <https://vk.com/kruglyistolrusskiymir> (дата обращения: 10.03.2022).
3. Летний университет. [Электронный ресурс]: URL: <https://vk.com/summer.university> (дата обращения: 10.03.2022).
4. Малая родина в зеркале устной истории о Великой Отечественной войне. Большакова Н. В., Алиева Л. В., Воробьева Л. Б., Митченко З. В., Муратова М. И., Фролов В. В. Свидетельство о регистрации базы данных 2021622917, 13.12.2021. Заявка № 2021622886 от 08.12.2021. [Электронный ресурс]: URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47433599> (дата обращения: 10.03.2022).
5. Приграничные конфликты и пути их разрешения в исторической ретроспективе. Сборник материалов Всероссийской научно-практической онлайн-конференции «Дихотомия войны и мира: приграничные регионы в переломные исторические эпохи». Псков, 2021. [Электронный ресурс]: URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44272531> (дата обращения: 10.03.2022).
6. Псковская деревня в годы Великой Отечественной войны (онлайн-музей). Фролов В. В., Алиева Л. В., Никитина Н. П., Большакова Н. В., Муратова М. И. Свидетельство о регистрации базы данных 2021623054, 21.12.2021. Заявка № 2021622826 от 06.12.2021. [Электронный ресурс]: URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47778736> (дата обращения: 10.03.2022).
7. Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 13. № 2 (112). Тема номера: Приграничные регионы в переломные исторические эпохи. [Электронный ресурс]: URL: <https://ras.jes.su/history/issue.2022.1.2.2-112> (дата обращения: 10.06.2022).

Об авторах

Алиева Людмила Владимировна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), доцент кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук, доцент; alieva@pskgu.ru.

Побужанская Анна Александровна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), старший преподаватель кафедры европейских языков и культур; robuzhan@pskgu.ru

Alieva L. V.
Pskov State University
Pobuzhanskaya A. A.
Pskov State University

Scientific and Educational Activity of the Historical Faculty of the Pskov State University as an Informational and Intellectual Tool of Public Diplomacy in the Border Area

The article provides examples of the implementation of scientific and educational projects that go beyond the borders of the region and make it possible to acquaint the world community with the Russian point of view on international processes and promote the development of a constructive dialogue and partnership

in the interests of harmony strengthening and mutual enrichment of various cultures and civilizations. The authors show that the scientific and educational activity of the faculty of the university of the border area is an informational and intellectual tool of public diplomacy, which allows to solve problems of national importance at the regional level.

Keywords: public diplomacy, university, soft power, education.

About the authors

Alieva Liudmila Vladimirovna — Pskov State University (PskovSU), Associate Professor of the Department of Russian History, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; alieva@pskgu.ru.

Pobuzhanskaya Anna Alexandrovna — Pskov State University (PskovSU), Senior Lecturer of the Department of European Languages and Cultures; pobuzhan@pskgu.ru.

Fakenews как проблема современных англоязычных социальных медиа и возможность ее решения

В статье предпринимается попытка изучения понятия фейковых новостей как инструмента распространения лжи и манипуляции сознанием людей в современных англоязычных социальных медиа. В исследовании плана содержания фейков затрагивается также аксиологический аспект, который является их неотъемлемой частью и используется с целью навязывания определенных ценностей. На примере некоторых новостей, распространяемых посредством англоязычных социальных сетей, таких как *Facebook* и *Twitter*, показываются коммуникативные тактики и маркеры, по которым рядовой читатель может распознать феномен фейковых новостей.

Ключевые слова: фейковые новости, англоязычные социальные медиа, ценности, манипуляция.

Интернет-среда и компьютерно-опосредованная коммуникация является неотъемлемой частью жизни современного человека. Это объясняется потребностью и желанием высказать какую-то информацию в публичном пространстве с целью самовыражения. В последнее время для удовлетворения этой потребности человек все чаще прибегает к использованию социальных медиа (от англ. *socialmedia* — социальная сеть) — интернет-приложений и сервисов, основанных на идеологической и технологической базе Web 2.0, позволяющих пользователям создавать свой собственный контент и обмениваться им в публичном пространстве [5, с. 4]. К типовым социальным медиа относят блог-платформа «Живого журнала», видеоплатформа *Youtube*, а также социальная сеть *Vkontakte*, *Facebook*, мессенджер *Telegram* и т. д. Все эти Интернет-платформы созданы на основе специальных технических стандартов (SaaS, Ajax), которые позволяют пользователям быстро создавать и распространять контент различного жанра от интервью до интернет-стримов (от англ. *stream* — поток) «в процессе социальной интеракции» [5, с. 5]. Мы же социальные медиа предлагаем рассматривать в более широком смысле: это не только социальные сети, а любые электронные издания, создающие и распространяющие информацию преимущественно в интернет-дискурсе.

Главная характеристика современных социальных медиа заключается в персонализме [10, с. 11–12], который включает в себя некоторые особенности. Во-первых, несмотря на то, что социальные медиа имеют широкий охват аудитории и их контент имперсонален, тем не менее, он создается таргетировано с учетом интересов аудитории своих потенциальных читателей. Во-вторых, за каждым постом (текстовым сообщением), репостом и перепостом статей в социальных медиа стоит определенная личность автора, причастная к созданию контента. Если в эпоху господства газет и телевидения этим создателем был журналист с группой технических редакторов, менеджеров и маркетологов, составляющих суть редакционной политики представляемой газеты, то с распространением социальных медиа этим автором может быть абсолютно любой человек, имеющий доступ в интернет. При этом роль редакционной политики и цензуры в социальных медиа теперь отводится администраторам, которые проводят мониторинг и различные мероприятия по информационной безопасности (защиту пользователей от публичного оскорбления, клеветы, различных угроз, проявлений экстремизма и т. д.), т. е. осуществляют своего рода цензурирование информации и следят за недопущением нарушения различных прав Интернет-пользователей. В случае нарушения этих прав администраторы могут запретить контент к публикации или вовсе заблокировать пользователя к опубликованию собственного материала.

Высокая популярность не только среди профессиональных журналистов, но и рядовых граждан трансформировала социальные медиа из средств массовой информации в средства массовой коммуникации, что в свою очередь предоставило производителям контента не просто информировать, но и манипулировать пользователями, т. е. воздействовать на своих потенциальных читателей определенным образом с целью изменения общественного сознания в необходимом ключе без учета их желания. Одним из таких средств манипуляции является намеренное распространение фейковых новостей.

Феномен фейковых новостей (от англ. *fakenews*) не является новым в современной коммуникации. В Оксфордском толковом словаре английского языка прилагательное *fake* означает «поддельный, фальшивый», а глагол *fake* — «намеренная выдача лжи за истину с целью обмана людей» [7, с. 170], из чего следует, что в сочетании со словом *news* глагол *fake* будет означать «намеренная выдача ложной недостоверной информации за истинную с целью обмана». Исторически данный термин связан с понятием информационной мистификации и распространением ложных сведений о противнике с целью его дезориентации во время крупных военных сражений и войн. Так, например, монголо-татары часто распространяли слухи о своей многочисленности и количественном перевесе среди населения с целью создания образа непобедимой армии в глазах русского войска; во время Второй мировой войны одной из распространенных тактических действий гитлеровцев было использование в тылу союзных войск диверсионных отрядов, переодетых в военную форму союзников, которые активно нарушали линии связи и отдавали ложные приказы с целью введения в заблуждение и дезориентации противника. С развитием средств массовой информации и коммуникации феномен фейковых новостей стал частью информационного противодействия и информационной политики, осуществляемой в том числе и в Интернет-пространстве.

В современных условиях вследствие все большего разрастания нестабильности и локальных военных конфликтов в мире распространение фейковых новостей является одним из тактических средств так называемой кибервойны, представляющей собой «целенаправленное деструктивное воздействие информационных потоков и сетевых структур одного государства на компьютерные системы другого государства, квалифицируемого как потенциальный или реальный противник... <...> Цель кибервойны — причинить ущерб военной, технологической, экономической, политической и информационной безопасности, телефонным системам, транспорту, водоснабжению, электрической энергии, осуществить шантаж, распространить дезинформацию и тревожные слухи, подрывающие доверие народа к государственно-политической системе и вооруженным силам страны» [1, с. 4]. В этих же стратегических целях действуют также современные средства массовой информации и коммуникации.

Одним из мейнстримов современной информационной войны в англоязычных социальных медиа стало использование различных Интернет-платформ с целью представления конкретного предмета речи в негативном свете. Для этого адресант прибегает к различным средствам коммуникативных тактик, которые выдают абсурдную информацию за истинную. До недавнего времени таким предметом речи была личность американского президента Дональда Трампа, которого многие англоязычные средства массовой информации пытались представить в негативном ключе. Так, например, одной из распространенных фейковых новостей в англоязычных медиа в 2016 году были новости о якобы имеющих связи Дональда Трампа с русскими хакерами, которые «своровали» данные избирателей партии Демократов, чтобы передать их представителям Республиканской партии и тем самым помочь Трампу выиграть выборы в США. Большинство авторитетных англоязычных социальных медиа, такие, как Интернет-газеты *the Guardian*, *Washington Post*, *New York Times* публиковали информацию о том, что Дональд Трамп использовал власть России для осуществления своего прихода к власти в 2016 году [9]. В этом смысле Дональд Трамп стал политической фигурой, из чьих уст словосочетание *fakenews* в 2016–2018 гг. звучало наиболее часто.

Как сообщает О. Е. Головацкая, термин *fake* в настоящее время является наиболее употребляемым понятием в социальных медиа. «Так, согласно данным информационно-аналитической системы «Медиалогия», за период с 25 августа по 25 ноября 2018 года в сети он был использован 29 631 раз, и преимущественное большинство упоминаний приходится на социальные сети. По количеству сообщений и аудитории лидирует платформа *Vkontakte*, а по вовлеченности лидирует сервис *Youtube*» [2, с. 143]. Это значит, что англоязычные социальные медиа используют фейковые новости для манипуляции и воздействия на сознание своих потенциальных читателей наиболее часто.

Современные социальные медиа играют в том числе и аксиологическую роль, осуществляя трансляцию определенных ценностей в мировое общественное сознание. Ценностная парадигма, мировоззрение человека являются базисом для механизма создания и распространения фейковой информации. С точки зрения лингвистики можно сказать, что в корне этого механизма лежит дихотомия объективной реальности и индивидуального субъективного представления о действительности. Первый феномен в лингвистике называют денотатом, второй — сигнификатом. Основу денотата составляет факт реальной действительности, основу сигнификата — соотнесенность с референцией высказывания, в основе которой лежит субъективная интерпретация этого факта человеком в соответствии со своим мировоззрением и миропониманием. И. М. Кобозева пишет, что «различие между денотатом и

сигнификатом особенно ясно проявляется в том, что один и тот же актуальный денотат (=референт) может быть обозначен языковыми выражениями различными сигнификатами» [4, с. 64]. На уровне пропозиционального содержания эта разница будет заключаться в интерпретации действительности, когда одно и то же событие может быть по-разному интерпретировано:

«Челси» выиграло у «Реал Мадрида» со счетом 5:2

«Реал Мадрид» проиграл «Челси» со счетом 2:5

Данные пропозиции идентичны в денотативном аспекте, но различны в сигнификативном. Денотативный аспект заключается в том, что матч команд «Челси» и «Реал Мадрид» закончился со счетом 5:2.

Аксиологическую основу новостных лент англоязычных социальных медиа составляют принятые ценности западноевропейского и американского общества. Такими актуальными для западного общества ценностями являются права человека, которые вписываются в различные тренды современных глобализационных процессов, происходящих в мире. Так, например, одним из таких трендов является стремление навязать всему миру легализацию прав однополых отношений, усыновления детей и желания смены собственного пола. Для этого, например, администрацией социальной сети *Facebook* постоянно производится тщательный отбор и слежение за дихотомичными сообщениями, в которых приветствуется и отрицается нормализация смены пола: адресант публичного сообщения (поста), в котором не приветствуется однополые отношения и возможность смены пола, налагается запретом к отправке публикаций вплоть до 30 дней («Тюрьма Фейсбука»). Свой запрет *Facebook* также накладывает на критику таких актуальных для современного западного мировоззрения тем, как нелегальная иммиграция, преступления против афроамериканцев, ЛГБТ-сообщество, радикальный ислам и другие. Любые сообщения, в которых каким-то образом критикуются эти «трендовые» темы, принудительно удаляются администрацией социальной сети.

Наиболее удобной англоязычной платформой для продвижения современных фейков является *Twitter*, где информация распространяется наиболее быстро в связи с наличием интегрированных с ней хештегов, позволяющих помещать сообщения в определенный тематический контекст и задавать им трендовый характер. Посредством хештегов создаются и формируются мемы — группа цифровых данных, быстро публично распространяемых в Интернет-дискурсе посредством имитации каждым последующим пользователем. В качестве мемов могут выступать какие-то публичные высказывания, крылатые фразы, слова из песен, цитаты из известных книг или кинофильмов, использование которых создает определенный контекст с целью смены взглядов и убеждений у потенциального читателя. Наиболее известным мемом, распространяемым в социальной сети *Twitter* в последнее время, стал мем *#Blacklivesmatter* («Жизнь черных имеет важное значение»), возникший как реакция на известное событие — убийство полицейским чернокожего американца, преступника и наркомана Джорджа Флойда. С помощью мема *#Blacklivesmatter* в англоязычном Интернет-дискурсе активно продвигалась и по сей день продвигается идея о том, что чернокожий Джордж Флойд был убит белокожим полицейским расистом, став, таким образом, невинной «сакральной» жертвой. Широкое распространение данного мема в массы привело к протестам в США, а также к формированию одноименного общественного движения, идеологическая позиция которого оказалась направленной на борьбу с расовым насилием против чернокожих. Обратной стороной этого движения стала пропаганда чернокожими насилия в отношении белокожих.

Создание и распространение фейковых новостей в англоязычных социальных медиа тесно сопряжено с понятием недостоверной диффамации (от лат. *diffamo* — порочить, лишать доброго имени), под которой понимают «распространение для одного или более лиц любым способом порочащих сведений (действительных или ложных) о физическом или юридическом лице без его согласия» [3, с. 18]. В фейковых новостях вся распространяемая диффамация носит недостоверный характер. Распространение заведомо ложных сведений в юридическом дискурсе получило название клеветы, за которую в более чем ста странах мира введена определенная ответственность. Для установления клеветы в конкретном имеющемся тексте привлекаются судебные эксперты, которые по поручению инициатора проводят судебную лингвистическую экспертизу представленного текста с целью проверки достоверности представленной информации. Однако проводить экспертизу текстов, составленных на иностранном языке, судебные эксперты русскоязычного пространства не могут, поскольку это не входит в их компетенцию.

Распространяемые фейковые новости бывают различных видов. Так, И. А. Стернин выделяет фейки в зависимости от степени искажения информации (*абсолютная ложь, частичная ложь, ис-*

кажение информации, сокрытие информации), степени достоверности пространственно-временных характеристик (*по времени, по месту и пространственно-временной фэйк*), степени достоверности и надежности источника информации (*недостоверный источник, ненадежный источник, панический свидетель, второстепенный источник, непроверенный источник*), цели создания (*привлечение внимания к автору или платформе, привлечение внимания к проблеме, дискредитация человека или организации, дискриминация, манипуляция аудиторией с целью получения преимуществ, мошенничество, развлечение*), типу репрезентации (*откровенная ложь, профессиональная ложь, сомнительная правда, невольная ложь*) [6, с. 4–6]. Не является фэйком ошибочное оценочное суждение, создаваемое с целью выражения и представления человеком собственного мнения по какому-либо поводу [6, с. 4] и снабженное соответствующим маркером (*я думаю, я считаю, по моему мнению* и т. д.). Типичным примером фэйковой новости, распространяемой в англоязычных социальных медиа, является новость о том, что белорусские ракеты обстреливают территорию Украины [8]. Данная новость общественно-политического характера содержит острую информацию для целевой Интернет-аудитории, но не предоставляет никаких конкретных атрибутивных фактов (названия пускаемых ракет, даты и места пуска и т. д.) и ориентирована на вызов у читателя сильной эмоции испуга.

Все эти текстовые маркеры указывают на то, что данная новость является распространяемым фэйком.

Одним из наиболее простых и популярных средств борьбы с распространением фэйковых новостей является так называемый факт-чекинг (от англ. *fact-check* — проверка на достоверность). Стоит отметить, что выявление фэйковых новостей, распространяемых в англоязычных социальных медиа, представляет собой для настоящего времени довольно непростую задачу, поскольку публикуемые в виртуальной среде новости являются трудными для верификации. Кроме того, скорость распространения информации в интернет-дискурсе значительно выше скорости распространения информации в традиционном формате устного пересказа. Если в правовом смысле формой факт-чекинга конкретного текста является проведение процессуального действия судебной лингвистической экспертизы, то для рядового гражданина такой формой факт-чекинга может оказаться изучение различных источников информации (скажем, зарубежных и отечественных) и сопоставление их друг с другом с целью получения более менее объективной картины описываемых событий или рассматриваемых явлений в социальных медиа. При возникновении необходимости в русскоязычном пространстве каждый гражданин в своей стране может обратиться в соответствующие инстанции для проведения судебной экспертизы, по результатам которой будут сформулированы выводы, содержащие ответ на поставленный вопрос, а суд в свою очередь по результатам экспертизы вынесет судебное решение о наличии или отсутствии факта клеветы.

Таким образом, феномен фэйковых новостей представляет собой сложное явление, которое имеет давнее происхождение и на протяжении долгого времени используется в качестве средства информационно-войны. В настоящее время распространение фэйковых новостей является эффективным средством ведения информационной войны в интернет-пространстве на площадках различных социальных медиа, таких как *Facebook* и *Twitter*, которые пользуются большой популярностью в мире. При этом стоит отметить, что распространяемые фэйковые новости касаются не только диффамации, но и ложной аксиологии, которую стремятся навязать миру в Интернет-дискурсе. Это такие ценности, как легализация однополых отношений и усыновление детей, право смены своего пола, гендерное равенство и т. д. Борьба с распространением фэйковых новостей может осуществляться как правовым путем проведения судебных лингвистических экспертиз по делам о клевете, так и на бытовом уровне путем сопоставления различных источников информации, как отечественных, так и зарубежных.

Список использованной литературы

1. Бабосов Е. М. Угрозы гибридной и сетевцентричной войны и обеспечение национальной безопасности / Е. М. Бабосов // Вестник Военной академии Республики Беларусь. Минск: Военная академия Республики Беларусь, 2018. № 3 (60). С. 3–9.
2. Головацкая О. Е. Значение и происхождение термина «Fake news» / О. Е. Головацкая // Коммуникология. 2019. Т. 7 (№2). С. 139–152.
3. Земскова С. И. Судебная экспертиза диффамационных материалов / С. И. Земскова. М.: Юрлитинформ, 2013. 173 с.
4. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. Изд. стереотипное. М.: URSS Ленанд, 2016. 349 с.

5. Степанов В. А. Социальные медиа / В. А. Степанов. Минск: БГУ, 2020. 114 с.
6. Стернин И. А. Шестернина А. М. Маркеры фейка в медиатекстах. Рабочие материалы И. А. Стернин, А. М. Шестернина. Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. 34 с.
7. Хоккинс Д. М. Толковый словарь английского языка Oxford / Д. М. Хоккинс. М.: Астрель. 2008. 556 с.
8. Astapenia R. Lukashenko is dragging Belarus closer to a war that most of its citizens don't want / R. Astapenia // The Guardian. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/21/lukashenko-belarus-war-citizens-dont-want-putin-sanctions> (Date of Access: 20.03.2022).
9. Gayle, D. CIA concludes Russia interfered to help Trump win election, say reports [Electronic resource] / D. Gayle // The Guardian. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/10/cia-concludes-russia-interfered-to-help-trump-win-election-report> (Date of Access: 20.03.2022).
10. Landert, D. Personalisation in mass media communication / D. Landert. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2014. 294 p.

Об авторе

Бабук Александр Вадимович — Белорусский государственный университет (БГУ), факультет международных отношений, доцент кафедры английского языка международной профессиональной деятельности, кандидат филологических наук; alexander-babuk@yandex.ru. Тел. +375 29 785-81-92.

Babuk A. V.
Belarusian State University

Fake News as a Problem of Modern Social Media and a Way to Solve It

The article attempts to study the concept of fake news as a tool for spreading lies and manipulating people's minds in modern English social media. The study of content outline of fakes also touches upon the axiological aspect, which is an integral part of them and which is used to impose certain values. The example of some news, posted and reposted in such English social networks as *Facebook* and *Twitter* show communicative tactics and markers by which an average reader can recognize fake news phenomenon.

Keywords: fake news, English social media, values, manipulation.

About the author

Babuk Alexander Vadimovich — Belarusian State University (BSU), Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of English of International Professional Activity, Candidate of Philological Sciences; alexander-babuk@yandex.ru. Tel. +375297858192.

Быстрова П. В.
Псковский государственный университет
polli22101@mail.ru
Разумовская А. Г.
Псковский государственный университет
aidal@list.ru

Повести В. В. Быкова в советском и российском кинематографе («Сотников» и «Пойти и не вернуться»)

В статье рассматривается нравственная проблематика и художественная специфика повестей В. В. Быкова «Сотников» и «Пойти и не вернуться», своеобразие конфликта, «быковской ситуации» и «быковского героя». Также анализируются киноверсии этих произведений, созданные как в советскую эпоху, так и в XXI веке, позволяющие объяснить неослабевающий интерес кинематографа к наследию белорусского прозаика.

Ключевые слова: В. В. Быков, «Сотников», «Пойти и не вернуться», притча, нравственная проблематика, кинематограф, Л. Е. Шепитько, «Восхождение», Н. П. Князев, О. Н. Жулина, «Обреченные на войну», мотив пути.

Василь Владимирович Быков (1924–2003 гг.) — советский и белорусский писатель, общественный деятель, участник Великой Отечественной войны. По произведениям Василя Быкова снято более 20 фильмов, среди которых «Третья ракета», 1963 г. Режиссер: Р. Н. Викторов. Киностудия: «Беларусьфильм»; «Альпийская баллада», 1965 г. Режиссер: Б. М. Степанов. Киностудия: «Беларусьфильм»; «Долгие версты войны», 1975 г. По произведениям: «Журавлиный крик», «Проклятая высота», «На восходе солнца». Режиссер: А. Я. Карпов. Киностудии: «Беларусьфильм», «Творческое объединение «Телефильм»; «Знак беды», 1986 г. Режиссер: М. Н. Пташук. Киностудии: «Беларусьфильм», «Творческое объединение художественных фильмов»; Сериал «Блиндаж», 2011 г. Режиссер: А. В. Горновский. Киностудия: «Фаворит-фильм», Россия; «В тумане», 2012 г. Режиссер: С. В. Лозница. Производство: MA.JA.DE Fiction GmbH, «Беларусьфильм», Rija Films, Lemming Film, при участии «Джи Пи», телеканал ZDF/ART. Страны: Беларусь, Германия, Латвия, Нидерланды, Россия.

В создании многих картин, поставленных при жизни Василя Быкова, писатель участвовал в качестве сценариста. Большинство произведений Василя Быкова посвящены событиям Великой Отечественной войны, в которых автор изображает поступки рядовых участников, задаваясь вопросом: «Как должен вести себя человек в критической ситуации? Как он должен вести себя, если перед ним альтернативные... или — или?» [1, с.101].

В настоящей статье мы обратимся к двум наиболее известным повестям, которые привлекли внимание режиссеров, — «Сотников» (1970) и «Пойти и не вернуться» (1978), и попробуем объяснить неослабевающий интерес кинематографа к прозе замечательного писателя. Причем отметим, что обе повести относятся к тому этапу в творчестве В. Быкова, когда главным конфликтом было столкновение идеи жизни и идеи совести (1960-нач.1980 гг.) [11, с. 136–137, 143–145].

Быковские повести представляют своего рода притчи о человеке и его возможностях, это краткий иносказательный поучительный рассказ (по словарю Ожегова) [9, с. 1121]. Словарь В. И. Даля толкует притчу как «поучение в примере» [4, с. 489]. Для тех писателей, которые стремятся строить свои произведения по законам притчи, она ценна прежде всего тем, что позволяет поставить героев в общезначимую ситуацию этического выбора, имеющего принципиальное, основополагающее значение. Она говорит о силе человеческого духа, о верности человека идее нравственного долга.

Повесть «Сотников» приближена по своей сути к библейской притче об Иуде и Христе (Евангелие от Матфея, 26 глава) [10, с. 384]. Один из двенадцати апостолов Христовых Иуда, как известно, был очень жаден к деньгам, учение Христово не исправило души его. Он пришел к первосвященникам и сказал: «Что вы мне дадите, если я предам Его?». Они предложили ему 30 сребреников. После того, как Иисус Христос был приговорён к распятию, Иуда раскаялся и возвратил 30 сребреников первосвя-

щенникам и старейшинам, говоря: «Согрешил я, предав кровь невинную». Они же сказали ему: «Что нам до того?» (Мф. 27:4) И бросив сребреники в Храме, Иуда пошел и удавился.

Своеобразие «Сотникова» как притчи заключается в том, что типажи Сотникова и Рыбака — вечные. Читатель вместе с героями проходит сложный нравственный путь, причем ассоциировать себя с Рыбаком ему проще: открывается возможность погрузиться в сознание человека, который совершает предательство, найти свои черты в нём, понять каждый его шаг. И, конечно же, после прочтения повести читатель задает себе вопросы: «Могу ли я поручиться, что под пыткой не выдал бы друга? Какой бы выбор я сделал в подобной ситуации?».

Повествование ведется от лица обоих героев, чередуясь по главам. Причем особую напряженность внутреннему конфликту персонажей придает то, что один из них проигрывает перед другим в решимости и уверенности в себе, но физическая сила еще не является залогом силы внутренней. Между Сотниковым и Рыбаком идет непрекращающийся диалог: происходит столкновение их представлений о войне, их нравственных принципов, их решений. Почему же их пути разошлись? Проще было бы объяснить это мужеством одного и трусостью другого. Однако, это не так. Ведь на первом этапе партизанского пути герои сталкиваются с разными трудностями (патруль на пути, ранение Сотникова в ногу), с теми обстоятельствами, которые «нормальны» в условиях военных будней. И на данном этапе Рыбак ничуть не уступает Сотникову — ловкость, сила, мудрость решений, благородные чувства. Рыбак не бросает раненого товарища, а помогает ему, рискуя собственной жизнью. Но на втором этапе пути, когда герои попадают к полицаям, многое меняется. Здесь жизнь зависит уже не от шальной пули, а от собственного решения: предать или не предать. Рыбак решает пойти на компромисс с фашистами — выдать расположение своего отряда, пожертвовать Демчихой, Петром, Сотниковым, НО с благородной (для Рыбака) целью: проникнуть в тыл врага и подорвать его изнутри. Это, конечно, невозможно. Сотников, понимая это, делает свой сознательный выбор и сразу выбирает смерть. Его решимость поддерживает чувство долга перед Родиной и людьми. В ночь перед казнью он рассуждает так: «Что ж, надо было собрать в себе последние силы, чтобы с достоинством встретить смерть... Иначе зачем тогда жизнь? Слишком нелегко дается она человеку, чтобы беззаботно относиться к ее концу» [3, с. 112]. Сотников пытается спасти других ценой собственной жизни, чтобы его смерть не была напрасной, он требует следователя и заявляет: «Я — партизан, остальные тут ни при чем». Сотников совершает достойный выбор. В то время как Рыбак любой ценой пытается спасти свою жизнь. Он старается убедить себя, что он не предатель, что он убежит, но на самом деле он УЖЕ предатель. Рыбак совершает полуосознанный и низкий выбор, еще до конца не понимая, чем он обернется. В финале повести Рыбак решает повеситься, его мучает совесть. Спасая себя, он не только казнит бывшего товарища — у него не хватает решимости даже на иудину смерть. Вдвойне унижительна его попытка повеситься в отхожем месте. Однако духовно Рыбак уже давно мертв, и даже самоубийство не спасло бы его от позорного клейма предателя.

Прославленный советский режиссер Л. Е. Шепитько, впечатленная психологически тонкой повестью, обратилась к созданию фильма на ее материале. Фильм под названием «Восхождение», был выпущен на «Мосфильме» в 1976 г. По признанию Л. Шепитько, «повесть дает возможность показать в кино, как и благодаря каким качествам человек остается человеком, личностью в любых, даже самых бесчеловечных обстоятельствах, перед любым, даже предельным испытанием» [6, с. 85].

Сценарий фильма, написанный Юрием Клепиковым, во многом следует повести, которую он позже охарактеризовал, как «обжигающе философскую притчу, которая сталкивала высокое духовное начало человека с его понятным стремлением сохранить тело как вместилище духа» [6, с. 87].

Фильм не зря назван «Восхождение». В нем показано своеобразное восхождение на Голгофу-виселицу четырех абсолютно разных человек. Это и бесстрашный учитель математики, партизан, и мать-одиночка, которая по своему малодушию умоляет фашистов пощадить ее, это и девочка, которая сама натягивает петлю на свою шею, и это сельский староста, горячо верящий в Бога человек. Эпизод, где он молится в темнице, показывает, что причина его бесстрашия кроется в Боге и вере в Него. У каждого из них была своя, личная Голгофа, на которой они были казнены. Враги думали, что они поднимаются туда на казнь, а на самом деле они поднимаются к высшей степени нравственности. Голгофа ожидала и пятого, но он, вроде бы самый смелый и преданный, оказался сам предавшим. Режиссер акцентирует внимание на взгляде, который в фильме заменяет целые диалоги. Стоя на эшафоте, Сотников (актер Б. Плотников) встречается взглядом с мальчиком в буденовке, и этот взгляд является не только кульминационным, но и символическим моментом. «Среди их безликого множества его внимание остановилось на тонковатой фигурке мальчика лет двенадцати в низко надвинутой на лоб старой армейской

буденовке. Тесно запахнувшись в какую-то одежду, мальчонка глубоко в рукава вбирал свои озябшие руки и, видно было отсюда, дрожал от стужи или, может, от страха, с детской завороченностью на бледном, болезненном личике следя за происходящим под виселицей. Отсюда трудно было судить, как он относится к ним, но Сотникову вдруг захотелось, чтобы он плохо о них не думал. И действительно, вскоре перехватив его взгляд, Сотников уловил в нем столько безутешного горя и столько сочувствия к ним, что не удержался и одними глазами улыбнулся мальцу — ничего, браток. <.....>

Вот и все кончено. Напоследок он отыскал взглядом застывший стебелек мальчишки в буденовке. Тот стоял, как и прежде, на полшага впереди других, с широко раскрытыми на бледном лице глазами. Полный боли и страха его взгляд следовал за кем-то под виселицей и вел так, все ближе и ближе к нему. Сотников не знал, кто там шел, но по лицу мальчишки понял все до конца.

Подставка его опять пошатнулась в неожиданно ослабевших руках Рыбака, который неловко скорчился внизу, боясь и, наверное, не решаясь на последнее и самое страшное теперь для него дело. Но вот сзади матерно выругался Будила, и Сотников, вдруг потеряв опору, задохнувшись, тяжело провалился в черную, удушливую бездну» [3, с. 118].

Это победа над страхом смерти, это обретение бессмертия. После казни Сотникова мальчик в буденовке встречается взглядом с Рыбаком (актер В. Гостюхин). Кажется, будто этот пронзительный взгляд принадлежит самому Сотникову — эстафета передачи мужества, чести и долга состоялась, «он остался жить, и сегодня он среди нас, этот новый Сотников» (Л. Шепитько) [6, с. 89].

Л. Шепитько придала своему фильму предельно ясную и яркую религиозную окраску. Она говорила о той высшей силе, которая живет в нас. Предательство этой силы заставляет влачить одно лишь внешнее, физическое существование, а кого-то, как некогда Иуду, доводит и до самоубийства. Рыбак же здоров, силен, искренне хочет жить, чтобы продолжать бороться с врагами. Но в этом стремлении он делает один шаг за другим — и эти шаги незаметно заводят его в тупик. Ему кажется, что его «совесть умеет думать», а на самом деле он заглушает ее. В конце фильма мы видим, что путь к свободе для него открыт, а бежать Рыбак уже не может: он запятнал себя участием в казни. Режиссер открывает нам важную истину: этот человек, сам не ведая того, любил жизнь только в условиях своей незапятнанной совести. Именно она давала ему силы действовать вопреки всем окружавшим его нестерпимым тяготам войны. Как только он изменил ей, его покинула и жажда жизни. Рыбак теперь чувствует лишь безысходное отчаяние. Он ищет и не находит для себя смерти, а его духовная трагедия отзывается острой болью в нашей душе.

В повести «Пойти и не вернуться» В. Быков продолжает размышлять над сущностью человека и его нравственным выбором в нечеловеческих условиях войны, но конфликт предельно заостряется: сталкиваются мужчина и женщина, к тому же влюбленные друг в друга. Как будут действовать герои, если нужно будет выбирать между любимым человеком и своими нравственными принципами?

Зося Нарейко, 19-летняя партизанка, отправляется на выполнение задания. Она любит свою страну и ненавидит фашистов: «за то, что они убили ее свояка-учителя, уничтожили всех ее подруг евреек в местечке, пожгли окрестные хутора и принесли столько горя народу. И она сказала себе, что жить на одном свете с этим зверьем невозможно, что она будет вредить им, как только сумеет, если только они не порешат ее раньше» [2, с. 15]. Зоська знает, что немцы — это сила, но «она отчетливо чувствовала, что в этой войне, кроме как выстоять и победить, другого выхода нет. Иначе не стоит и жить, лучше сразу головой в прорву, чтобы не обманывать себя и не мучиться» [2, с. 15], поэтому девушка подалась в партизаны.

Неожиданно ее спасает Антон Голубин. Это красивый мужчина 30-лет, ловкий, бывалый, он давно нравится Зоське. Антон не сразу решает идти в партизаны, он соглашается вступить в отряд после приглашения начальника местного НКВД. В отряде Антон слышит разговор двух партизан о том, что, если немцы возьмут Сталинград, то они победят. Сам Антон не верит в возможность русской армии отстоять этот город.

Сначала Антон говорит Зоське, что его отправили ей в помощь. Потом признается, что он самовольно ушел из отряда, узнав о таком опасном задании Зоськи. Девушке не нравится такой поступок Антона, она не знает, что делать, но со временем убеждает себя, что одной ей будет непросто.

Зоська держит путь в Скидель. Антон тоже стремится туда, чтобы увидеться со своим товарищем Жоркой Копыцким, который стал начальником полиции. Антон рассчитывал, что друг поможет ему устроиться, особенно если он придет не один. Поэтому, когда Антон слышит обрывки фраз из разговоров двух полицаев о том, что немцы якобы взяли Сталинград, он решается предложить Зоське уйти вместе с ним из отряда, поселиться в Скиделе и жить как муж и жена. Для Зоськи эта мысль была

невозможной, и сначала она думает, что Антон неудачно пошутил. Предательство для Зоськи было хуже смерти: «То, что ты предлагаешь, в другое время было бы... было бы счастьем. А теперь ... <...> А теперь подло. И даже больше, чем подло», [2, с. 101] — отвечает она на предложение Антона. Но Антона уже не переубедить, он твердо уверен, что совершает правильные поступки, ведь его беспокоит только своя жизнь. И из ловкого, смекалистого партизана он превращается в предателя, способного выстрелить в спину девушке, которой недавно признавался в любви. Только ли из-за страха, что в отряде узнают о предательстве, или из-за того, что Зоська оказалась морально сильнее?

У Быкова сталкиваются герои, воплощающие идею совести и идею жизни любой ценой, даже ценой предательства. Сила Зоси — в непоколебимости ее убеждений, в «способности к сопротивлению самым тяжелым обстоятельствам» [5, с. 192], а Антон всегда зависит от обстоятельств, он — «перевертыш». В финале Антон чувствует себя незаслуженно наказанным, винит всех, кроме себя. Он стреляет Зосе в спину, но и это не приносит ему утешения. Теперь он чувствует себя изгнанным — не только из партизанского отряда, но из людского сообщества вообще. Писатель считал, что человек должен сделать такой выбор, чтобы не уйти от самого себя. Именно Зося, хотя и обманутая, и униженная, и раненая, одерживает моральную победу, потому что не изменяет своим нравственным принципам. Главное для нее — быть или не быть человеком, и она выдерживает испытание на право называться Человеком.

Так Быков развенчал представление о герое как изначально готовом к подвигу. Он намеренно создавал негероические характеры, чтобы показать потенциальные возможности человека, раскрывающиеся в критическую минуту, и тем самым поддерживал в читателях веру в человеческое достоинство, в силу духа. «Героизм у В. Быкова понятен каждому; никто не хочет, геройствуя, погибать, все хотят жить, но беда в том, что жить дальше на предлагаемых условиях не получается, невозможно» [5, с. 204].

Повесть неоднократно экранизировалась: и в перестроечную эпоху («Пойти и не вернуться», 1992 г. Режиссер: Н. П. Князев. Киностудии: «Беларусьфильм», «Останкино»), и в наше время («Обреченные на войну», 2008 г. Режиссер: О. Н. Жулина. Киностудия: «Кинопродвижение», Россия). Первый фильм снят по сценарию Александра Карпова и Василя Быкова, второй — Ольги Жулиной и Елены Исаевой.

После премьеры картины 1992 года В. Быков пожал руку Николаю Князеву и сказал: «Спасибо. Вам удалось создать ощущение холода». Действительно, данная кинокартина не только хорошо передает физический холод того времени, но также изображает холод в отношениях между людьми, холод как зло, разъединяющее людей.

Герои фильма соответствуют повести В. Быкова. Зоська (актриса Юлия Высоцкая) сначала предстает неопытной и доверчивой молодой девушкой, но под влиянием обстоятельств она меняется. Особенно показателен эпизод, где девушка говорит партизанам, что Антон «свой», и вытирает кровь с его лица. Она жалеет его, потому что любит. И плачет, осознавая, что он на самом деле предатель, а её чувства для него ничего не значат. Но, тем не менее, Зоська тоже не собирается поступиться своими принципами.

Антон Голубин (актер Игорь Шуть) предстает мужественным и смелым парнем, но дальше он раскрывается как очень жестокий и практичный человек, который беспокоится только о своей выгоде, и только ради этого готов на любые поступки. «Зося, не уходи! Слышишь? Стой!» — кричит он вслед девушке, когда понимает, что она может дойти до деревни, и его предательство раскроется, поэтому стреляет ей в спину.

В повести В. Быкова есть продолжение истории. Раненая Зося добирается до ближайшей деревни и теряет сознание. Местные жители отпаивают ее молоком, на санях отвозят к доктору. У автора открытый финал: неясно, выживет ли разведчица. Есть и другая недосказанность: Голубин бежит к родственнику-полицая в Скидель, а Зосю везут именно в этот районный центр.

В фильме тоже сохраняется эта недосказанность. Голубин решает проверить, точно ли мертва девушка, и возвращается на место выстрела, но уже не находит там тело Зоси. От осознания того, что вся правда может раскрыться, от безысходности, он рыдает и кричит: «Зося! Зо-о-о-ся!». И дальше перед зрителем предстают портретные кадры девушки, которая как бы оборачивается на зов Антона. Она смотрит на него с некоторым упреком, сожалением и разочарованием. Эти кадры оставляют зрителю надежду на то, что Зоське удастся выжить. Но даже если нет, то правда всё равно останется за ней.

Другую интерпретацию повести находим в фильме «Обреченные на войну». Сценарист и режиссер картины так понимает характеры героев: «Девочка, наша героиня, — деревенская. Она — «соц. продукт советской эпохи». Она воспитана правильно. Конечно, религия запрещалась, но, тем не менее,

некая религиозность в ней присутствует, а значит — это совсем другие параметры духовности. Мальчик, наш главный герой, — городской парень. Он рос без родителей, и ему приходилось выживать на улице. С одной стороны, из-за этого чувства, когда надо постоянно выживать, на войне он чувствует себя как «в своей тарелке», а с другой стороны — принимает обстоятельства и быстро адаптируется к ним. Мне не хотелось его представлять однозначным предателем. Он, прежде всего, человек, который хочет жить» [12]. Действительно, в данном фильме Антон Голубин в исполнении Юрия Колокольникова не изображается как жестокий и циничный предатель, он больше похож на человека, который запутался в своих действиях и не может понять, как ему поступать дальше.

Финал картины отличается от повести — главная героиня (образ которой создан актрисой Ниной Лоцининой) трагически погибает. По мнению режиссера, Антон убил Зою, так как «катясь по наклонной все глубже, он понимал, что не может захватить ее с собой, сломав ее внутреннюю целостность, склонить ее спуститься на один уровень с собой» [8]. После выстрела Зоя падает с раскинутыми крестом руками, и эта аллюзия на Иисуса Христа подчеркивает мысль об обреченности героини.

Как и в «Восхождении», в этой киноленте присутствует не только образ библейского распятия, но и символический образ немого перевозчика, доставляющего главных героев на другой берег Немана. Он ассоциируется с Хароном, переправляющим души умерших через реку Стикс в подземное царство мёртвых. Другой берег Немана символизирует невозможность героев возвратиться, только Зоська умрет физически, а Антон — духовно.

Повести В. Быкова объединяет мотив дороги, которая традиционно символизирует жизненный путь. Но его герои движутся не столько в пространственных, сколько в экзистенциальных координатах: они ищут путь к себе, к своей совести, человеческому достоинству. И на этой дороге одни совершают нравственное падение, а другие — восхождение к высотам человеческого духа.

Как в советские годы, так и в современном мире обращение кинематографа к жгучим, пронзительным по своему духовному накалу произведениям В. Быкова объясняется стремлением ответить на сегодняшние вопросы. Остаются актуальными слова Л. Шепитько: «...мы обязаны встряхнуть погрузившихся в сон. Тех, кто всегда готов плакать от смеха, потому что это очищает легкие, но разучился плакать от сострадания, от того, что вот сейчас перед нами раскрылась на экране какая-то важнейшая для человека истина. А ведь нравственное потрясение не легкие очищает — душу.

Искусству надо непримиримо бороться с малейшей опасностью потребительского отношения к жизни, с бездуховностью в любом ее проявлении. Невнимание даже к мелким симптомам усыхания души может потом обернуться большой сытостью и равнодушием» [6, с. 87].

Негероичные герои Василя Быкова и в наше время продолжают преподавать нам уроки чести, совести, мужества, человечности, следуя зову своего сердца, и потому являются Героями в самом высоком смысле этого слова.

Список использованной литературы

1. Быков В. В. Как создавалась повесть «Сотников» // Литературное обозрение. 1973. № 7. С. 101–102.
2. Быков В. В. Пойти и не вернуться. М.: Агентство ФТМ, 2009. 177 с.
3. Быков В. В. Сотников. М.: Эксмо, 2005. 126 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 3. СПб.; М.: Изд-во М. О Вольф, 1903–1911. 576 с.
5. Дедков И. А. Момент правды — определяющий // Дедков И. Живое лицо времени: Очерки прозы семидесятых — восьмидесятых. М.: Сов. писатель, 1986. С. 190–218.
6. Карахан Л. Крутой путь «Восхождения» // Искусство кино, 1976. № 10. [Электронный ресурс]: URL: <https://kinoart.ru/texts/krutoy-put-voshozhdeniya> (дата обращения: 10.03.2022).
7. Климов Э. Г. Лариса: книга о Ларисе Шепитько. М.: Искусство, 1987. 290 с.
8. Народный корреспондент. «Обреченные на войну»: история о Ромео и Джульетте для любителей Джармуша // Смоленская газета. 3.07.11. [Электронный ресурс]: URL: <https://smolgazeta.ru/replenews/6888-obrechyonnye-na-voynu-istoriya-o-romeo-i.html> (дата обращения: 10.03.2022).
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: ИТИ Технологии, 2006. Издание 4-е, доп. 1732 с.
10. Протоирей Серафим Слободской. Закон Божий. 4-е изд. Типография преподобного Иова Почаевского, 1987. 723 с.
11. Разумовская А. Г. Эволюция темы Великой Отечественной войны в литературе второй половины XX века // Победа в Великой Отечественной войне — величайший народный подвиг: Материалы

научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (18–19 апреля 2005 г.). Псков, 2005. С. 134–149.

12. Романова О. «Обреченные на войну» скоро на экранах столицы // РадиоКультура. 05.05.09. [Электронный ресурс]: URL: <http://old.cultradio.ru/doc.html?id=245760&cid=44> (дата обращения: 10.03.2022).

Об авторах

Быстрова Полина Витальевна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), студентка 5 курса факультета русской филологии и иностранных языков; polli22101@mail.ru. Тел. +7 911 356-11-38.

Разумовская Аида Геннадьевна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, коммуникаций и РКИ, руководитель Научно-просветительского центра русского языка и литературы имени профессора Е. А. Маймина; aida1@list.ru. Тел. +7 960 224-04-09.

Bystrova P. V.
Pskov State University
Razumovskaya A. G.
Pskov State University

The Short Novels by V. V. Bykov in Soviet and Russian Cinema ("Sotnikov" and "To Go and Not to Return")

The article considers the moral issues and artistic specificity of the short novels by V. V. Bykov "Sotnikov" and "To Go and Not to Return", the originality of the conflict, "Bykov's situation" and "Bykov's hero". The film versions of these works, created both in the Soviet era and in the 21st century, are also analyzed, which make it possible to explain the unflagging interest of cinema in the heritage of the Belarusian prose writer.

Keywords: V. V. Bykov, "Sotnikov", "To Go and Not to Return", parable, moral issues, cinematography, L. E. Shepitko, "Ascent", N. P. Knyazev, O. N. Zhulina, "Doomed to War", the motif of the path.

About the authors

Bystrova Polina Vitalievna — Pskov State University (PskovSU), 5th year student of the Faculty of Russian Philology and Foreign Languages; polli22101@mail.ru. Tel. +7 911 356-11-38.

Razumovskaya Aida Gennadievna — Pskov State University (PskovSU), Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Head of the Scientific and Educational Center of the Russian Language and Literature named after Professor E. A. Maimin; aida1@list.ru. Tel. +7 960 224-04-09.

Социальные медиа как источник дезинформации и инструмент фактчекинга

В данной статье рассматривается проблема дезинформации и фактчекинга в социальных медиа. Выявляются основные причины распространения дезинформации в интернет-пространстве, а также способы проверки правдивости опубликованной информации в социальных сетях. Практическая значимость работы заключается в выявлении причин появления дезинформации в современной информационной среде, что позволит журналистам тщательнее подходить к публикуемому материалу в социальных медиа.

Ключевые слова: социальные медиа, социальные сети, дезинформация, фактчекинг, достоверность информации.

В цифровой век популярность социальных медиа растет с каждым годом. Согласно итоговому отчету Digital 2022, выпущенному компанией DataReportal, на 9,44 млн жителей Беларуси приходится 8,03 млн интернет-пользователей, среди них 4,35 млн имеют аккаунты в соцсетях. В 10-ку самых популярных сайтов в белорусском интернет-пространстве входят социальные сети (вконтакте (3-е место) и одноклассники (8-е место)) и видеохостинг Youtube (1-е место) [5].

Социальные медиа становятся не только посредником социального взаимодействия. Они также во многом заменяют новостные ресурсы, тем самым создавая конкуренцию традиционным СМИ.

Сегодня наблюдается активная диверсификация каналов распространения контента, включая социальные сети, мессенджеры и рекомендательные сервисы (например, Яндекс Дзен). Социальные медиа становятся весомыми платформами, генерирующими информационный контент. Одной из ключевых проблем таких медиа является дезинформация. Под ней мы понимаем намеренное предоставление ложной, искаженной информации в целях манипулирования читателем.

К основным причинам дезинформации в социальных медиа можно отнести:

1) Отсутствие необходимой профессиональной компетенции в создании новостного контента

Сегодня каждый желающий имеет возможность создать свой паблик, профиль или канал, где может делиться любой информацией. Для этого не нужно быть журналистом. User Generated Content, как правило, эмоционально окрашен, ориентирован на формирование выгодного для автора имиджа и является одним из средств самореализации человека в обществе. Но предоставление качественной и правдивой информации в пользовательском контенте вызывает вопросы. Человек, получивший журналистское образование, как минимум ознакомлен с кодексом профессиональной этики журналиста. Согласно статье 2 данного документа, журналист не должен становиться проводником эгоистичного частного или группового интереса. Он призван содействовать тому, чтобы средства массовой информации объективно отражали плюрализм мнений. Недопустимы утаивание важной для общества информации, искажение фактов и их неправильная интерпретация [4].

2) Гибридизация новостного контента

В интернет-пространстве границы журналистики стираются. В современном мире читателям становится сложнее определить, к какой области относится тот или иной медиатекст: журналистике, сфере развлечений, рекламе, пропаганде или просто является сырой информацией. В университете Стоуни-Брук (Нью-Йорк, США) разработали специальную классификацию по разграничению целей, методов, участников и результатов между разными информационными сферами. Согласно данной таблице, журналистика своей основной целью ставит информирование общества, эртертейнмент — развлечение и вовлечение людей в какой-то досуг, промоушн — продажу товаров и привлечение потребителей, пропаганда — выстраивание поддержки идеологии, а сырая информация — обхождение фильмов и затрат на распространение контента для продвижения своей точки зрения и информирования [3].

С помощью данной классификации становится проще проводить границы между медиаформатами и выделять разные «гибридные жанры».

Необходимо отметить, что жанровая гибридизация усложняет ориентирование читателя в информационном пространстве. Любая независимая, на первый взгляд, статья может оказаться скрытой рекламой или пропагандой.

3) Информация не отделяется от мнения

Медийные личности, пользующиеся популярностью у большой аудитории, имеют возможность общаться со своими поклонниками напрямую в соцсетях. Любое мнение, публично выраженное в своем аккаунте, приобретает весомое значение и часто воспринимается как факт. Проект First Draft, защищающий общество от дезинформации и расследующий истории, связанные с искажением фактов, проанализировал роль инфлюенсеров в распространении информации о коронавирусе. Они пришли к выводу, что медиаперсоны нередко становятся источниками фейковой информации и конспирологических теорий [6]. Показательным случаем стала публикация в соцсети в июле 2020-го года певицы Мадонны, заявившей о том, что богатые люди в целях большего обогащения скрывают вакцину от Covid-19, которая уже разработана.

4) Анонимность

Во многих социальных сетях и мессенджерах есть возможность публиковать контент анонимно. В интернет-пространстве также без особого труда можно создать фейковый аккаунт, подписаться чужим именем или псевдонимом, скрывая реальную информацию о себе.

Это, как правило, снижает социальную ответственность, в результате чего легче прибегнуть к дезинформации. Достаточно вспомнить антиутопию У. Голдинга «Повелитель мух», в которой герои совершают самые ужасные преступления в маске, являющейся символом вседозволенности и потери стыда.

5) Эффект «эхо-камеры»

Социальные сети позволяют пользователям становиться участниками тех сообществ, тематика и идея которых им интересна и находит отклик. Эти сообщества представляют собой так называемые «эхо-камеры», в рамках которых ложная информация распространяется намного легче.

Как правило, участники сообщества придерживаются одной общей точки зрения на проблему и им легче принять информацию, пусть даже и ложную, которая публикуется в данном сообществе. Такой контент часто подкрепляется комментариями участников группы. Образуется не дискуссия, а полная поддержка даже непроверенной информации, фактоидов.

Постмодернистское мироощущение.

Течение постмодернизма сформировалось еще в 70-е годы XX века и до сих пор прослеживается в современной культуре. Постмодернизм — это своеобразная реакция на перенасыщение. Огромное количество идей, смыслов накладываются друг на друга и теряют свое первоначальное значение. Это приводит к смысловому хаосу. В это время приобретает популярность языковая игра. Представители постмодернизма играют с читателем, «отвязывая» слова от их первоначального смысла, придавая все больше значения их форме и контексту. Игровой подход к отражению действительности представляет собой своеобразный протест против хаоса и сложности реального мира.

Важная категория постмодернизма — симулякр, который представляет собой копию копии, не имеющей оригинала в действительности. Жан Бодрийяр отмечал, что огромное влияние на зарождение и распространение симулякров оказывают медиа. Под симулякром он подразумевает все то, «что уже никогда не обменивается на реальное, а обменивается на самое себя в непрерывном круговороте без референта и предела» [1, с. 38]. Как пишет исследователь Е. А. Емелин, «виртуальные информационные технологии — это одно из возможных воплощений симуляции, проявления которой мы можем найти и в сфере межличностных и сексуальных отношений, и в политике, и в искусстве, и в науке, и в образовании» [2, с. 45].

Сегодня понятие «власть» тесно связано с понятием симулякра. Легендарный афоризм Наташа Ротшильда «Кто владеет информацией — тот владеет миром» как никогда актуален. Так как на сегодняшний день огромный поток информации передается и хранится именно в виртуальной реальности, манипулирование информацией становится доступнее и проще. Медиа сегодня практически не отражают реальность, а сами производят симулякры.

В то же время социальные медиа становятся инструментом фактчекинга. Они значительно упрощают работу журналиста по поиску первоисточника, дают возможность связаться с людьми, которые были упомянуты в том или ином происшествии, и убедиться в том, что событие действительно произошло. Также социальные сети могут быть использованы для проверки информации о герое своего материала. Исследуя аккаунт автора публикации, можно узнать не только его биографию, но и определить его предпочтения, выявить, является ли он заинтересованной стороной.

Благодаря медиа стало значительно проще находить контакты очевидцев и ньюсмейкеров. Появилось все больше гражданских журналистов, которые ведут свои блоги, фиксируют события, публикуют видео, фотографии с происшествий в социальных медиа. В итоге любое громкое событие можно увидеть с разных сторон и прийти к объективным выводам.

Также это отличная площадка для быстрого и публичного опровержения недостоверной информации. Если медийная личность, вокруг которой появилось множество слухов и информационного шума, имеет официальный аккаунт в любой из социальных сетей и активно его ведет, информацию о том, являются ли распространяемые в СМИ слухи правдой, можно проверить, связавшись с ней или увидев опубликованное опровержение на официальной странице. В социальных медиа журналист, как правило, может проверить, кто загрузил тот или иной материал, когда и где данный материал был создан (благодаря отметке «локация»).

Кроме того, некоторые редакции проводят «открытые проверки», публикуя в соцсетях новость, призывая к обсуждению, которое может привести к объективному видению фактов. Такой метод фактчекинга активно использует интернет-издание dev.by. Данное медиа в своем телеграм-канале периодически публикует какой-то новостной лид с просьбами отписать очевидцев или участников происшествия в специально созданный для этого телеграм-бот.

Таким образом, социальные медиа не только становятся источником дезинформации, но с их помощью журналисты могут проверить правдивость опубликованной информации.

Список использованной литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2017. 204 с.
2. Емелин В. А. Симулякры: виртуальная реальность и инновации // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 2. С. 133–142.
3. Журналистика в мире дезинформации // FactCheck Academy. 2018. [Электронный ресурс]: URL: <https://factcheck.academy/блок-1-введение-журналистика-в-мире-де/> (дата обращения: 22.03. 2022).
4. Кодекс профессиональной этики журналиста от 18 октября 1995 года. Национальный сайт Белорусского союза журналистов. [Электронный ресурс]: URL: <http://bsj.by/bszh/kodeks/> (дата обращения: 12.05.2021).
5. Digital 2022 Удивительные изменения в Байнете за год: вышел отчет Digital Belarus 2022 // BelRetail.by, 2015. [Электронный ресурс]: URL: <https://belretail.by/article/udivitelnyie-izmeneniya-v-baynete-za-god-vyishel-otchet-digital-belarus> (дата обращения: 22.03. 2022).
6. Smith R., Cubbon S. The Covid-19 and other vaccines: Where we're failing to provide the right information // First Draft, 2022. [Electronic resource]: URL: <https://firstdraftnews.org/long-form-article/the-covid-19-and-other-vaccines-where-were-failing-to-provide-the-right-information/> (date of access: 07.03.2022).

Об авторе

Вергун Ирина Игоревна — Белорусский государственный университет (БГУ), магистрант специальности «Журналистика»; vergun.irina@mail.ru. Тел. +375 29 228-19-38.

Vergun I. I.
Belarusian State University

Social Media as a Source of Disinformation and Fact-Checking Tool

This article describes the problem of disinformation and fact-checking on social media. The main reasons for the spread of disinformation in the Internet space and the methods for verification of the published information on social networks are identified. Practical significance of the work refers to identification of the causes of disinformation in the contemporary information environment, which will allow journalists to approach the material on social media more carefully.

Keywords: social media; social media; disinformation; fact-checking; accuracy of information.

About the author

Vergun Irina Igorevna — Belarusian State University (BSU), Master's Degree in Journalism; vergun.irina@mail.ru. Tel. +375 29 228-19-38.

Воробьева Л. Б.
Псковский государственный университет
lina5558@yandex.ru
Митченко З. В.
Псковский государственный университет
pzina79@mail.ru

Акция «Чистый город — хорошая речь!» как модель организации научно-образовательного взаимодействия в академической среде вуза

Статья посвящена проблеме использования междисциплинарных связей в образовательном процессе университета. Актуальность темы обусловлена возросшей значимостью поиска инновационных методов обучения, способных повысить практико-ориентированность учебных курсов и сформировать у обучающихся активную позицию в процессе усвоения знаний. В работе обобщен опыт проведения образовательной акции «Чистый город — хорошая речь!», целью которой является популяризация идеи бережного обращения с языком при создании визуального образа города посредством организации взаимодействия широкого круга участников. Исследование позволило авторам сделать вывод о том, что межпредметное взаимодействие способствует комплексному подходу в решении проблем информационного пространства города и формированию активной позиции молодежи как значимого субъекта совершенствования коммуникативной среды.

Ключевые слова: эпиграфика, образовательная акция «Чистый город — хорошая речь!», междисциплинарность, практико-ориентированный подход, информационное пространство города.

Языковой облик современного города давно привлекает внимание специалистов разных гуманитарных научных направлений: социологов, культурологов и лингвистов.

Многие исследователи отмечают, что языковая среда города включает как устную спонтанную непринужденную речь, так и письменные тексты — городскую эпиграфику (вывески, баннеры, рекламные плакаты, лайтбоксы, объявления и т. п.). Все это в целом формирует естественное речевое пространство, в котором существует горожанин.

Письменная речь, отраженная в различных внешних атрибутах, визуально воздействует на жителей города (мы говорим о Пскове) и создает впечатление об общей культуре Пскова у его гостей.

В настоящий момент актуальной педагогической задачей является поиск инновационных методов обучения, которые способны повысить практико-ориентированность учебных курсов и сформировать у обучающихся активную позицию в процессе усвоения знаний. Приблизиться к решению обозначенной проблемы позволяет привлечение студентов к реализации социогуманитарного проекта «Чистый город — хорошая речь!». Впервые акция с таким же названием была проведена в 2016 году и приурочена ко Дню русского языка в России (6 июня); в последующем она стала ежегодной. Акция носит городской характер и призвана привлечь внимание горожан и администрации на необходимость ответственного отношения к фактам письменной речи на улицах города. Целью акции является популяризация идеи бережного обращения с языком при создании визуального образа города посредством организации взаимодействия широкого круга участников.

Ключевым посылом проекта являются слова: «Чистому городу — хорошая речь!». Слово «хороший» подчеркивает качество речи: не только ее соответствие орфографическим, пунктуационным, лексическим и грамматическим нормам, но и уместность тех или иных форм в речевой ситуации. Хорошая речь также связана с пропедевтической способностью говорящего, с его умением предупреждать появление ошибок в чужих и собственных высказываниях.

К участию в проекте приглашаются учащиеся школ, студенты средне-специальных учебных заведений г. Пскова, Псковского государственного университета, учителя, преподаватели и все заинтересованные лица, не равнодушные к проблемам языка и речевой культуры.

Участие студентов в проекте может осуществляться в рамках учебных курсов (например, «Русский язык и межкультурная коммуникация»), воспитательных мероприятий (конкурсов эссе) и т. п. При

этом участие не является обязательным. Преподаватель приглашает к участию в проекте, обращает внимание студентов на речевые проблемы в псковской эпиграфической урбаносфере, показывает студентам возможность активного преобразования городской речевой среды. Участие студентов в проекте позволяет реализовать практико-ориентированный подход к освоению учебных курсов посредством наблюдения над языком, способствует осознанию молодыми людьми себя в роли инициативных участников городского сообщества.

Образовательная среда вуза создает широкие образовательные условия для студенческого сообщества, позволяет объединить учебные и научные усилия студентов для достижения социально значимого результата. В процессе изучения различных дисциплин общеобразовательного характера используется проектный метод обучения, который предполагает привлечение студентов различных направлений подготовки к участию в проекте «Чистый город — хорошая речь!».

Образовательная деятельность студентов как участников проекта заключается не только в поиске ошибочных написаний, но и в развитии способности к квалификации ошибки, объяснению ее причин. Медиабанк примеров позволяет студентам выделять типичные для городской эпиграфики нарушения, что может стать предметом самостоятельного исследования при выполнении курсовой работы. В ходе проекта студенты учатся работать со специальной литературой и ссылаться на авторитетные источники.

Участие в проекте требует от студентов и готовности к межличностному взаимодействию, умению работать в группе. Объединенные в рамках изучения лингвистических дисциплин, студенты разных направлений подготовки при реализации проекта актуализируют знания по своей специальности и привлекают методы исследования смежных наук для изучения городской речевой среды — так осуществляется междисциплинарное взаимодействие.

За пять лет было выявлено 195 ошибочных написаний, сопровождающих визуальный облик города. Фотоматериалы с речевыми ошибками и лингвистические комментарии к ним представлены в открытой группе акции (https://vk.com/lg_pskov).

Псковский речевой материал неоднороден как по составу, так и по типам регулярных ошибок. По составу примеров это рекламная продукция, объявления, вывески, указатели с историко-культурной туристической информацией. Материальные носители эпиграфики (вывеска, объявление, баннер, лайтбокс, указатель и др.) ограничены формой, что требует ограничений и со стороны длины текста. Совмещение, с одной стороны, предельной лаконичности, а с другой — максимальной информативности создает условия для появления ошибок в эпиграфическом тексте при выборе языковых средств и способах их передачи на письме.

Формат социогуманитарного проекта позволил установить в качестве перспективного междисциплинарное взаимодействие в образовательной среде вуза. Междисциплинарность здесь реализуется как взаимосвязь наук и учебных предметов, которая возникает при проектном, исследовательском методе изучения темы.

Проект позволяет выстраивать межпредметное взаимодействие с психологическими исследованиями, поскольку в настоящее время в психологической науке наблюдается повышение интереса к средовой психологии (*environmental psychology*). Именно в русле этого направления осуществляется описание психологических феноменов, обусловленных взаимодействием человека с окружающей его средой. Если традиционно на передний план в этой сфере выступало воздействие на человека неблагоприятных природных факторов, то в настоящее время акцент смещается к влиянию антропогенной среды, вплоть до повседневного взаимодействия с жизненным пространством — предметным, временным, социальным, информационным. В связи с этим городская среда становится популярным объектом изучения психологов, которые подчеркивают, что процесс урбанизации создает для человека особые условия жизнедеятельности.

Психологические идеи изучения городского текста как важного компонента среды находят встречный отклик в сфере языкознания, а именно в таком его направлении как эколингвистика, которая пытается оценить, насколько гармоничны взаимоотношения человека с окружающей его текстовой средой. Восприятие жителями города эпиграфической информации вызывает у них состояние дискомфорта, напряжения, неудовольствия, разочарования, раздражения, чувство неопределенности и неподконтрольности ситуации. Для изучения перечисленных проявлений психологического самочувствия горожан могут быть использованы модификации психосемантических методов, которые активно применяются психологами для исследования различных аспектов городской среды.

В юридической плоскости лежит изучение гражданского, торгового, международного права и экспертная оценка законодательных актов в правовом регулировании рекламной деятельности, что позволит установить требования, предъявляемые к рекламной продукции, еще на этапе ее изготовления с целью предотвращения проникновения ошибочных текстов в городскую речевую среду. В сфере взаимодействия с дизайнерами лежит разработка качественного информационного материала, сопровождающего проект (флаеров, буклетов, оформление лингвистического комментария к фотоматериалам в доступной и визуально привлекательной форме). Одной из перспективных задач считаем разработку QR-кодов, содержащих лингвистическую справку к каждому ошибочному написанию, посредством современного Интернет QR-код генератора, поскольку носителю языка необходимо показывать альтернативу отрицательному речевому материалу.

По отзывам студентов, формат проекта, отсутствие элементов принуждения к участию лишь повышает к нему интерес. За время реализации проекта силами студентов составлено более 70 лингвистических комментариев к выявленным ошибкам, разработаны буклет и флаер. В 2019 году применен лингвогеографический метод к описанию выявленных ошибок. Студенты нанесли на карту города все места, в которых фиксируется ошибочная эпиграфика, принцип частотности позволил выделить локацию наибольшего распространения отрицательного речевого материала в псковской урбаносфере — к ним относятся и историческая часть города.

Участие студентов в проекте имеет большое практическое значение, поскольку в доступной и привлекательной для современного носителя языка форме заостряется орфографическая и пунктуационная зоркость. В ходе реализации проекта вырабатывается навык работы с авторитетными словарями и справочниками при формировании лингвистического комментария, проявляется способность выявлять типичные ошибки в медиабанке и давать рекомендации по их устранению.

Работа в рамках проекта актуализировала необходимость реализации междисциплинарного понимания поставленной проблемы, которое может быть осуществлено путем объединения усилий специалистов, представляющих самые разные предметные отрасли. Так, изучение состава и качества исполнения городской эпиграфики может быть перспективным с точки зрения психологии, юриспруденции, маркетинга, дизайна, информационных технологий.

Развитие проекта в междисциплинарном направлении позволит студентам, обучающимся на различных направлениях подготовки, интегрировать свои специализированные предметные знания с общекультурными языковыми компетенциями. Это будет способствовать комплексному подходу в решении проблем информационного пространства города и формированию активной позиции молодежи как значимого субъекта совершенствования коммуникативной среды.

Об авторах

Воробьева Лина Бронислововна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного, кандидат филологических наук, доцент; lina5558@yandex.ru. Тел. +7 911 358-24-42.

Митченко Зинаида Васильевна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного, кандидат филологических наук; rzina79@mail.ru. Тел. +7 900 994-50-29.

Vorobieva L. B.
Pskov State University
Mitchenko Z. V.
Pskov State University

The Campaign «Clean City — Good Speech!» as a Model for Organizing Scientific and Educational Interaction in the Academic Environment of the University

The article is devoted to the issue of using interdisciplinary links in the educational process of the university. The relevance of the topic is due to the increased importance of the search for innovative teaching methods that can increase the practical orientation of training courses and form students' active position in the process of mastering knowledge. The paper summarizes the experience of conducting the educational campaign «Clean City — Good Speech!», the purpose of which is to popularize the idea of careful handling of the

language when creating a visual image of the city by organizing the interaction of a wide range of participants. The study allowed the authors to conclude that interdisciplinary interaction contributes to an integrated approach to solving the problems of the information space of the city and the formation of an active position of young people as a significant subject of improving the communicative environment.

Keywords: epigraphy, educational campaign «Clean City — Good Speech!», interdisciplinarity, practice-oriented approach, information space of the city.

About the authors

Vorobieva Lina Bronislovovna — Pskov State University (PskovSU), Associate Professor of the Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Candidate of Philological Sciences Associate Professor; lina5558@yandex.ru. Tel. +7 911 358-24-42.

Mitchenko Zinaida Vasilievna — Pskov State University (PskovSU), Associate Professor of the Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Candidate of Philological Sciences; pzi-na79@mail.ru. Tel. +7 900 994-50-29.

Грицкевич Ю. Н.
Псковский государственный университет
grickevich68@yandex.ru
Попкова Л. М.
Псковский государственный университет
popkova.larisa@mail.ru

Медиатекст приграничья и его использование в учебном процессе

В статье рассматриваются вопросы, связанные с необходимостью и возможностями использования медиатекста в учебном процессе. Авторы определяют особенности работы с текстами, в которых эксплицитно или имплицитно имеется конфликт, столкновение различных точек зрения. Особое внимание уделено вопросам подготовки магистрантов к работе с медиатекстами, относящимися к политическому дискурсу, и медиатекстами — объектами лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: массмедийный дискурс, медиатекст, политический дискурс, лингвистическая экспертиза.

Подготовка востребованных специалистов в той или иной сфере деятельности предполагает постоянный поиск новых методических подходов к формированию структуры и содержания образовательных программ. Каждая учебная дисциплина образовательной программы должна быть нацелена на подготовку выпускника к решению актуальных профессиональных задач. Оценочность медиатекстов, проявляющая малейшие общественно-политические, социальные, морально-нравственные и нормативно-правовые изменения, определяет необходимость преподавания таких учебных дисциплин, как «Лингвистическая экспертиза публицистического текста», «Политический дискурс» и т. п.

Названные дисциплины занимают особое место в структуре магистерской образовательной программы, так как предполагают работу с текстами, эксплицитно или имплицитно имеющими высокий уровень конфликтности, столкновения различных точек зрения. Умение правильно декодировать подобные тексты, интерпретировать их, подвергать всестороннему анализу является необходимым условием для специалиста в сфере журналистики, связей с общественностью, да и в любой сфере деятельности, предполагающей взаимодействие «человек — человек».

Потенциал медиаобразования заключается в индивидуальном добровольном освоении человеком современных средств массовой информации с целью самоопределения, социальной ориентации в окружающем социуме, его ценностях, проблемах (социальная адаптация, социальное, общественное, гражданское воспитание), культурного развития человека-индивидуальности [10, с. 267].

Все чаще в педагогическом дискурсе говорят о медиаобразовании как особой педагогической системе, позволяющей использовать современные методики и технологии с целью формирования коммуникативной компетенции [3; 9].

Медиатекст в силу присущих ему тексто- и стилеобразующих, коммуникативных, семиотических, прагматических свойств может быть использован в преподавании разных учебных дисциплин: разноаспектность исследования медиатекста в образовательной деятельности обусловлена его поликодовостью и полифункциональной природой как средства информации, инструмента механизма формирования общественного мнения, инструмента власти и воздействия на массового адресата.

В последнее время все больше приходит понимание того, что медиатекст должен быть предметом изучения как в научной, так и в образовательной среде. Медиатекст как единица информационного пространства активно и разнонаправленно воздействует на мировосприятие человека: он определяет эмоциональную сферу, формирует языковую картину мира. Информация стала одним из важнейших политических, идеологических и экономических ресурсов.

Потенциал медиатекста, отражающего активные процессы, происходящие в языке, предопределяет его место при изучении различных дисциплин в структуре бакалаврских и особенно магистерских образовательных программ [4, с. 101–106].

Л. Г. Лисицкая отдельно отмечает оценочный потенциал текстов СМИ, которые позволяют получить «ценностную информацию не только о состоянии языковой культуры общества, но и о его мо-

рально-нравственном статусе», вкусах и жизненных приоритетах, особенностях образа жизни, поведения, в том числе и речевого [4, с. 103].

Кроме того, важно не забывать, что одной из важнейших задач магистранта является написание диссертации как результата научно-исследовательской работы. Качество диссертационного исследования магистранта и уровень владения им различных компетенций, формируемых в ходе реализации основной образовательной программы, во многом зависит от того, насколько каждая учебная дисциплина базируется на научных и учебно-методических исследованиях преподавателей выпускающих кафедр [6, 8].

В современной действительности политическая сфера все больше перемещается в сферу массмедиа, где текст становится не только носителем информации, но и инструментом борьбы за возможность интерпретировать политически значимую информацию, а следовательно, влиять на формирование определенной картины мира, дисциплина «Политический дискурс» нацелена на подготовку выполнения магистрантами анализа политического дискурса в массмедийном пространстве. Обучающиеся в ходе освоения курса должны учитывать риторические, стилистические и языковые нормы и приемы, принятые в сфере политической массмедийной коммуникации, определять коммуникативные стратегии и тактики, характерные для политического дискурса, а также декодировать полученную информацию с учетом многих факторов, влияющих на политический дискурс.

Возникает вопрос о критериях отбора текстов для использования в учебном процессе. В последнее время понятие политического текста рассматривается исследователями широко: под таким текстом понимают вербализованную политическую деятельность во всех ее проявлениях, как знаковых / символических (номинативная и аккумулятивная деятельность), так и незнаковых (тексты / перформативы) [7].

Политический текст при переносе в сферу массмедиа выходит за пределы знаковой системы вербального уровня, становится поликодовым, что многократно усиливает его воздействие. Массмедийный текст отличается многослойностью, в том числе и за счет так называемых фоновых знаний, когда восприятие текста обеспечивается не только языковыми единицами и их соединением, но и необходимым общим фоном знаний, или коммуникативным фоном [2, с. 35].

Обучающиеся должны научиться не только извлекать из медиатекста политически значимую информацию, критически анализировать способы и средства (вербальные и невербальные) отражения событий, но и исследовать особенности репрезентации постоянно меняющейся политической картины, изучать лингвалитет общества.

Особый интерес в силу как своей неизученности в методическом аспекте, так и значимостью в плане создания благоприятного информационного пространства вызывает использование медиатекста приграничья в учебном процессе. Сопоставление законов и принципов реализации политического дискурса в общероссийских и региональных медиа с учетом всего многообразия влияющих на такой дискурс факторов (факторы автора и адресата политического дискурса, факторы, влияющие на выбор источника политической информации, фактор информации и информационного повода, фактор способа передачи информации политического дискурса и т. п.) способствует формированию умений и навыков, связанных с исследованием политической дискурсивной практики в медиа.

Магистранты должны знать тематическое и жанровое своеобразие политического дискурса, а также основные подходы к интерпретации политического текста, понимать законы политический дискурса как способа репрезентации реальности, вычленять в таком дискурсе речевые стратегии и тактики, определять социально-коммуникативные характеристики участников политического дискурса. На практических занятиях и в рамках самостоятельной работы студентов необходимо особое внимание уделять научно-исследовательскому и профессионально-прикладному анализам медиатекстов.

Считаем, что медиатекст приграничья с его тематической спецификой, небольшим жанровым своеобразием, ограниченным кругом информационных источников как нельзя лучше подходит для начального этапа работы с текстом политического характера.

При широком подходе в понимании политического дискурса можно обращаться на занятиях как к текстам, созданным политиками (институциональный политический дискурс), так и к текстам, созданным журналистами, текстам-комментариям к публикациям, т. е. вторичным текстам. В любом случае обучающиеся должны уметь оценивать языковой материал как средство контроля, убеждения и манипулирования в сфере политики, поэтому лингвистическая составляющая учебного материала также должна быть в центре внимания.

Причем, на начальном этапе работы, на наш взгляд, обращение к новостным текстам позволяет сконцентрировать внимание обучающихся на языковых средствах, часто не закрепленных за сферой

политики. Но в то же время такие средства в своей сочетаемости и специфике использования с учетом всех факторов создания и развития массмедийного дискурса помогают отражать политическую действительность региона и страны в целом. Анализ такого рода, казалось бы, периферийных для политического дискурса медиатекстов приучает магистрантов к декодированию опубликованной информации, вычленению основных явных и скрытых смыслов, способствует пониманию действия речевых средств в их взаимосвязи и законов создания и восприятия текста.

В политическую повестку приграничного региона все чаще стали включать события общероссийского и международного уровня. В таких случаях в медиатексте чаще всего почти дословно или с незначительными изменениями в новостной ленте размещается информация, данная в общероссийских медиаресурсах, поэтому авторское начало почти не ощущается, как и явно выраженная оценка информационного повода.

В научной литературе справедливо отмечается, что «методы изучения медиатекстов носят комбинаторный интегративный характер, что отражает саму сущность текстов массовой информации, представляющих собой сложное, многоуровневое и многомерное явление» [2, с. 43].

На начальном этапе анализ медиатекста строится на методах лингвистического анализа, позволяющих выявить базовые свойства и характеристики текста на различных языковых уровнях. Лингвистический ракурс способствует выявлению языковых законов формирования информационного массмедийного пространства, определению особенностей воздействия разных речевых средств на массового адресата дискурса. Кроме того, может использоваться и метод лингвокультурологического анализа: он важен для характеристики текста с точки зрения проявления оппозиции «свой — чужой», что в политическом дискурсе является основополагающим в создаваемой медиакартине. Эксплицитно или имплицитно в политическом дискурсе чаще всего прослеживается дифференциация по принадлежности / непринадлежности к кругу, обозначенному автором вокруг себя и себе подобных: *«Председатель правительства Российской Федерации Михаил Мишустин сообщил, что с 18 марта снимаются все ограничения на перемещение граждан между Российской Федерацией и Белоруссией. С 18 марта граждане России и Белоруссии смогут перемещаться в границах Союзного государства без ограничений, пишет РИА Новости. Ранее этот вопрос обсуждался на встрече Михаила Мишустина с премьер-министром Белоруссии Романом Головченко. Предложение согласовано с президентом Российской Федерации Владимиром Путиным. «Свобода передвижения людей важна с точки зрения развития торгово-экономического сотрудничества и гуманитарных контактов между нашими братскими народами», — сказал глава правительства. Михаил Мишустин подчеркнул, что укрепление интеграции в Союзном государстве станет лучшим ответом на санкционный прессинг России и Белоруссии»* (Россия и Белоруссия снимают все ограничения на перемещение граждан // Псковская лента новостей (электронное агентство информации): ЭР).

Лингвистический и лингвокультурологический анализы помогают в дальнейшем перейти к другим методам исследования медиатекста: — дискурсивному анализу, который позволяет определить взаимосвязь между языковой и экстралингвистической стороной медиатекста и медиадискурса, — интен-анализу, целью которого является выявление намерений, интенций говорящего, воплощающихся в речевых стратегиях и тактиках, — методу когнитивного анализа, который основан на изучении концептуальной стороны текстов массовой информации и направлен на выявление соотношения реальной действительности и ее медиарепрезентаций.

Обратимся к работе с медиатекстом на примере курса «Лингвистическая экспертиза публицистического текста», который позволяет посмотреть на языковой материал сквозь призму юридической лингвистики.

Основным источником анализа при проведении указанного курса являются конфликтные тексты. Само понятие конфликтного текста характеризуется в юридической лингвистике по-разному. Так, например, О. Н. Матвеева определяет конфликтный текст как текст, вовлеченный в сферу юридической практики, текст, представленный на лингвистическую экспертизу [5, с. 58]. В то время как Т. В. Чернышова говорит о том, что любой текст, обнаруживающий «столкновение противоположных сторон, мнений, сил; серьезные разногласия, острый спор», является конфликтным [11, с. 274]. Он потенциально конфликтогенен.

На занятиях по лингвистической экспертизе публицистического текста используются конфликтные медиатексты, как уже вовлеченные в сферу юридической практики, так и избежавшие судебных разбирательств; привлекаются к анализу с точки зрения юридической лингвистики и тексты, создаваемые на занятиях будущими журналистами. Такое привлечение является принципиально важным, так

как предпосылкой формирования конфликтного дискурса может быть присутствующий в публицистическом тексте субъективизм автора-журналиста, проявляющийся в том, как отбираются и понимаются факты, под каким углом зрения они подаются, какие лингвистические средства используются.

Анализируемые конфликтные тексты часто относятся к региональному медиаполю, поскольку, несмотря на всеобщую глобализацию и развитие Интернета, через медиатексты проявляются важнейшие *региональные* процессы. Высокая степень конфликтности жизни, которая отражается в медиадискурсе, приводит к высокой степени напряженности указанного дискурса. Это актуально для любого региона, но для пограничной территории — особенно.

Междисциплинарный характер анализа языкового материала в рамках курса «Лингвистическая экспертиза публицистического текста» требует объединения собственно лингвистического и юридического подходов к спорным текстам, формирующим конфликтный дискурс. Именно поэтому языковому анализу региональных медиатекстов предшествует знакомство будущих журналистов с понятиями юридической лингвистики как прикладной лингвистической дисциплины, с ее правовыми основами. Текст в данном случае рассматривается (при обращении к основным нормативно-правовым актам Российской Федерации) как объект возможной лингвистической экспертизы.

Сфера функционирования конфликтного текста является предельно широкой: это и бытовая сфера или сфера повседневного частного конфликтного общения, и сфера деловой (правовой) коммуникации. Для курса же «Лингвистическая экспертиза публицистического текста» актуальной является сфера массовой коммуникации, включающая публичное и публицистическое общение, рекламную и политическую коммуникацию.

В центре внимания лингвистов-экспертов часто оказываются спорные речевые произведения, связанные с делами о защите чести, достоинства и деловой репутации, тексты, имеющие рекламную направленность, и некоторые другие.

Важно отметить, что при исследовании конфликтных текстов в юридической лингвистике «выделяются два подхода: текстоцентрический и лексикоцентрический» [1, с. 86]. Оба эти подхода учитываются при проведении анализа конфликтных текстов псковского медиапространства.

Интерпретация конфликтного текста при лексикоцентрическом подходе связана, прежде всего, с выявлением степени конфликтности той или иной единицы, то есть ее способности порождать речевой конфликт; с определением уровня «напряженности» слова или идиоматического выражения в конфликтном тексте (под напряженностью языковой единицы понимаем ее особое состояние, при котором потенциальная конфликтность этой единицы увеличивается).

От коэффициента напряженности слова или идиоматического выражения зависит их положение на шкале инвективности. С использованием инвективных языковых ресурсов связан один из центральных концептов современной юридической лингвистики — концепт оскорбления.

Работе с инвективными словами в региональном медиатексте предшествует составление лексикографического портрета таких слов, что требует от будущих журналистов обращения не только к традиционным толковым словарям современного русского языка: Большому академическому словарю русского языка (БАСЛРЯ), Словарю русского языка в 4 томах (МАС), Толковому словарю русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (СОШ) и др., но и к специальным словарям, которые имеют определенную специфику. Это такие словари, как Большой словарь русского языка под редакцией В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (БСРЖ), Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь (РС) и Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы) (СРБ) указанных авторов, Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи В. В. Химика (БСРРЭР), Словарь современного русского города Б. И. Осипова (ССРГ) и др. Особое внимание уделяется Псковскому областному словарю с историческими данными (ПОС) и Русскому ассоциативному словарю под редакцией Ю. Н. Караулова (РАС).

Представим фрагментарно по данным современных источников лексикографический портрет слова «урод»:

«**Урод. Груб. разг.** 1. О человеке с несимпатичной, некрасивой или отталкивающей внешностью. 2. **Бран.** О ком-л., вызывающем у говорящего раздражение (часто о человеке с дурными свойствами характера)» (БСРРЭР: 639).

«**Урод.** 1. Человек с ярко выраженным физическим недостатком (часто психически неразвитый). 2. **Разг.** Человек с некрасивой внешностью. // О животных, имеющих безобразный, страшный вид. 3. **Разг.** О человеке какими-л. дурными свойствами характера, странностями в поведении и т. п.» (БТС: 874).

«Урод. 1. Человек с физическим недостатком. 2. Человек с некрасивой безобразной внешностью // Человекс какими-л. дурными свойствами характера, странностями в поведении и т. п. 3. Разг. Употребляется как бранное слово» (МАС IV: 512).

«Урод: страшный 8; моральный 5, несчастный 4; красавец, некрасивый, нравственный, от рождения, человек 3, безобразный, в семье, горбатый, дурак, мораль, по жизни, с рождения, ужасный 2; балбес. Бегемот, вампир <...> 1» (РАС: 690).

Опираясь на составленный лексикографический портрет с учетом стилистических помет, будущий журналист обязан определить, имеет ли слово, с точки зрения лексикографических источников, неприличную форму или нет. Ее наличие может говорить о невозможности использования такого слова в тексте.

Однако проблема инвективности как сложнейшая лингвистическая проблема не может решаться только с опорой на филологические словари. Это становится очевидным, когда лексическая единица вне медиатекста не обладает неприличной формой. Так, например, слово *жулик* в значении «тот, кто жульничает, плут, мошенник» не является обценным, инвективным или даже грубо-просторечным словом, а значит, не выступает как оскорбительное вне контекста. В этом случае необходимо работать в рамках текстоцентрического подхода при анализе конфликтного текста.

Ср.: «*"Многих почему-то очень интересует судьба господина Х. Мне кажется, мы, и СМИ в том числе, уделяем этому господину очень большое внимание. На мой взгляд, это **обычный жулик**. Может быть, в данном случае обремененный какими-то полномочиями — более серьезными, чем **обычный Бендер**", — высказал свое мнение прокурор*» (Псковская лента новостей (электронное агентство информации): ЭР).

В данном случае определение положения слова *жулик* на шкале инвективности невозможно без обращения к читательским комментариям, которые рассматриваются в современных лингвистических работах как вторичный текст, являющийся отражением и переработкой первичного текста статьи.

Рассуждения читателей о том, что представляет собой жулик обыкновенный, в чем его отличия от необычного жулика, предложения подобрать более точные, с точки зрения говорящего, синонимы *вор, преступник, бандит* увеличивают конфликтность слова *жулик*, ставя под сомнение отсутствие оскорбительных смыслов в первоначальном контексте и тем самым изменяя привычное положение указанного слова на шкале инвективности.

Общая негативная направленность читательских комментариев в псковском медиапространстве является существенным фактором, влияющим на уровень конфликтности псковского медиадискурса, что приводит к дисгармонии социокультурного пространства региона.

Курс «Лингвистическая экспертиза публицистического текста» дает возможность не только увидеть в медиатекстах эксплицитно выраженные единицы, нарушающие языковые, этические (а в ряде случаев и юридические) нормы, но и погрузиться в глубинные имплицитные текстовые смыслы, которые могут привести в дальнейшем к возникновению конфликтной речевой ситуации. Курс дает возможность предвидеть такую ситуацию и избежать ее при использовании определенных языковых средств.

Таким образом, массмедийный текст приграничья может рассматриваться в качестве важного источника репрезентации действительности, что обуславливает необходимость его использования в учебном процессе, тем более, если такой текст обладает высокой степенью конфликтности.

Список использованной литературы

1. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев; под редакцией Н. Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008.
3. Зеленова А. В. Медиаобразование будущих журналистов как основа медиабезопасности. Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80.
4. Лисицкая Л. Г. Современный медиатекст и его роль в языковой подготовке бакалавра // Высшее образование в России. 2014. № 4. С. 101–106.
5. Матвеева О. Н. Лингвистическая экспертиза: взгляд на конфликтный текст сквозь призму закона // Юрлингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка: Межвуз. сборник научн. трудов. Барнаул, 2005. С. 56–69.

6. Медиадискурс в фокусе современных гуманитарных парадигм: коллективная монография / Отв. ред. Л. М. Попкова. Псков: Псковский государственный университет, 2017.
7. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / Сост. и общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: БГУ, 2000.
8. Текст-Дискурс-Коммуникация: Коллективная монография / Отв. ред. Л. М. Попкова. Псков: «ЛО-ГОСПлюс», 2011.
9. Фатеева И. А. Медиаобразование: теоретические основы и практика реализации: моногр. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2007.
10. Хомутова К. В. Медиаобразование 2013: Сб. трудов Международного форума конференций «Медиаобразование 2013». Москва, 31 октября–02 ноября 2013 г. / Под редакцией И. В. Жилавской. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2013.
11. Чернышева Т. В. Аномальность как аспект изучения интенционального компонента конфликтного текста, вовлеченного в сферу судебного разбирательства // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка: Межвуз. сборник научн. трудов. Барнаул, 2005. С. 273–287.

Об авторах

Грицкевич Юлия Николаевна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного; grickevich68@yandex.ru. Тел. +7 921 500-72-19.

Попкова Лариса Михайловна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного; popkova.larisa@mail.ru. Тел. +7 921 214-66-87.

Grickevich Y. N.
Pskov State University
Popkova L. M.
Pskov State University

The Media Text of the Borderland and its Use in the Educational Process

The article deals with the issues related to the necessity and the possibilities of using media text in the educational process. The authors determine the peculiarities of working with texts with an explicit or implicit conflict, a clash of different points of view. Particular attention is paid to the preparation of undergraduates to work with media texts related to political discourse and media texts — objects of linguistic expertise.

Keywords: mass media discourse, media text, political discourse, linguistic expertise.

About the authors

Grickevich Yulia Nikolaevna — Pskov State University (PskovSU), Associate Professor of the Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; grickevich68@yandex.ru. Тел. +7 921 500-72-19.

Popkova Larisa Mikhailovna — Pskov State University (PskovSU), Associate Professor of the Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; popkova.larisa@mail.ru. Тел. +7 921 214-66-87.

Капитанова Л. А.
Псковский государственный университет
kapitanovala24@gmail.com
Ковалых Е. В.
Псковский государственный университет
kovalyh@yandex.ru
Лукьянова С. В.
Псковский государственный университет
svetlanaluk@mail.ru

Когда вы замечаете мир, он тоже вас замечает.
<...> Не стоит удивляться, что мир идет вам навстречу.
Дэнни Грегори. Творческие права.
Как открыть в себе художника и научиться видеть

Международная сетевая программа «Цифровая журналистика» в призме вызовов современного цифрового мира

Настоящая статья посвящена характеристике принципиальных сегментов образовательного содержания международной магистерской образовательной программы «Цифровая журналистика» [(сетевая программа совместно с Белорусским государственным университетом) по направлению подготовки 42.04.02 «Журналистика»], инициированных цифровой революцией в СМИ, начавшейся в последнее десятилетие XX века.

Ключевые слова: цифровая медиасреда, цифровая журналистика, сетевая программа, сетевое сообщество, мультимедийность, медиатекст, медийные практики, образовательные практики, журналистская культура.

9 ноября 2021 года «Российская газета» сообщила о том, что на факультете журналистики МГУ переименовали кафедру [16]. Знаменитая «кафедра периодической печати» теперь стала называться «кафедра цифровой журналистики». Многими этот факт был воспринят едва ли прощанием с классической журналистикой. Однако, как подчеркнула в своем интервью «Российской газете» декан факультета журналистики МГУ Е. Л. Варганова, в названии кафедры, с самого начала ее образования в 1952 году и во всех последующих ее переименованиях «никогда не было слова «журналистика»», что «кажется несправедливым». На факультете журналистики «должны говорить не только о носителях» информации, каковыми являются периодическая печать, телевидение, радио, а также новые медиа, «но прежде всего — о содержании профессии».

Разделяя точку зрения Е. Л. Варгановой, подчеркнем, что полнокровному освоению профессии журналиста, несомненно, препятствовало и буквальное «засилье» профиля «Периодическая печать» образовательной программы по направлению 42.03.02 «Журналистика». И потому, когда, следуя рекомендации Учебного управления ПсковГУ, данный профиль в 2020 году был заменен, по аналогии с МГУ, на профиль «Журналистика», — это означало, наряду с общим для всех вузов процессом модернизации образовательного пространства, релевантное восприятие программы бакалавриата по направлению «Журналистика», способствующей непосредственному освоению профессии журналиста. В этом отношении переименование кафедры периодической печати МГУ в кафедру цифровой журналистики также было закономерно: оно засвидетельствовало, как подчеркнула в интервью «Российской газете» Е. Л. Варганова, отнюдь «не похороны журналистики», но исключительно «ее новое видение». По мысли декана факультета журналистики МГУ, эпитет «цифровой» позиционирует «ту среду, в которой сегодня живет журналистика», в то время как «суть профессии неизменна» [16]. Тем самым и понятие «цифровая журналистика», и тем более функционирование кафедры цифровой журналистики на специализированном факультете, флагмане журналистского образования в России, оказались своевременны и органичны времени господства цифры, цифровому миру. Хотя справедливости ради заметим,

что это понятие до сих пор не имеет проясненной трактовки, возможно, по причине содержательной и смысловой многосложности самого артефакта «цифровая журналистика».

Между тем вполне объяснима сегодняшняя частотность образовательных программ профиля «Цифровая журналистика», способных, как представляется, оказать реальную помощь в действенном ответе высшего журналистского образования на цифровые вызовы [8].

Суть этого «ответа» заключается, с одной стороны, в преодолении «разрыва» университетской журналистики как базы подготовки специалистов цифровой медиасреды и современной медиаиндустрии, с другой — в «необходимости модернизации, но не разрушительном реформировании журналистского образования» [8].

И чтобы добиться эффекта в разрешении этих и других глобальных задач, современным факультетам журналистики необходимо вместе с редакциями, профессионалами, наконец, медиабизнесом ставить, обсуждать, стремиться решать вопросы, связанные с будущим журналистики.

Но как всех этих людей быстро соединить в работающую систему? Одним из реальных решений обозначенной проблемы может явиться сетевая программа, которой, несомненно, подвластны время и пространство.

Действительно, в сетевой программе реально может сойтись множество людей, преподавателей и студентов, теоретиков и практиков, из разных стран, вузов, сфер деятельности, разных возрастов, уровня образованности, ценностей, носителей разных картин мира и систем мышления, умеющих говорить, слушать и слышать, одновременно мечтать и твердо стоять на земле... И в нашем конкретном случае, в сетевой магистерской программе «Цифровая журналистика», сообща помочь молодым людям стать подготовленными журналистами-«цифровиками».

Подобно Карлу Мору, герою драмы Фридриха Шиллера «Разбойники», команда проекта «Международная магистерская образовательная программа «Цифровая журналистика» (сетевая программа совместно с Белорусским государственным университетом) по направлению подготовки 42.04.02 «Журналистика» задумала собрать на программе «смелые головы» — профессиональных наставников молодых адептов «цифровой революции» в СМИ, и это нам, смеем надеяться, по большей мере удалось.

Как представляется, наиглавнейшей компонентой сетевой образовательной программы априори является ее содержание. Именно оно делает программу значительной, и, главное, привлекательной для настоящих и будущих сетевых партнеров, в чем можно было наглядно убедиться при обсуждении содержания учебного плана магистерской сетевой программы «Цифровая журналистика» с белорусскими коллегами, руководителями учебных подразделений и преподавателями факультета журналистики БГУ.

Вместе с тем в выстраивании образовательного сотрудничества, в том числе и сетевого, присутствует еще одна не менее важная составляющая, сформулированная О. А. Серовой, первым проректором ПсковГУ, в онлайн дискуссии «Доверительный разговор: сбор и аналитика обратной связи от студентов»: «У каждой стороны должны быть сильные моменты. И тогда выстраиваются коммуникации» [14], — что сполна подтвердил процесс кристаллизации программы «Цифровая журналистика». Так, равный профессионализм «сторон» позволил привлечь к работе четырех докторов наук (в ближайшее время этот ряд пополнят еще двое белорусских коллег); в программе представлены семь авторских курсов (37 % от общего числа учебных дисциплин). Но главное, такие «три кита» внутренних коммуникаций, как диалог, искренность, интеграция, позволили коллективу сетевой программы «Цифровая журналистика» сделать ее реально осуществимой.

Безусловно, «цифровая эпоха требует от журналистов новых знаний и навыков» [6]. Отсюда образовательное содержание программы максимально заточено на профессиональную подготовку журналистов для работы в условиях мультимедийности. Безусловно, это профессиональное обстоятельство не перечеркивает базовый журналистский навык, определяющую компетенцию журналиста — умение рассказать историю [11, с. 2].

Тем не менее, на смену «классическим мономедийным журналистам», «отражавшим мир во всем его многообразии, но при этом фрагментарно и линейно», пришли те, кто умеет обогащать текст «целым набором средств разных знаковых систем: вербальной — словами, аудиальной — звуками, визуальной — статичными и движущимися изображениями, при необходимости — виртуальной или дополненной реальностью» [12]. Сообразно мультимедийным реалиям преподаватели совместно с журналистами, дизайнерами, фотографами и пр. познакомят магистрантов с адаптацией журналистских жанров под новые требования: аудио-, видеозапись, монтаж, инфографика...

Соответственно новая цифровая медиасреда потребовала от журналистов овладения новыми компетенциями, навыками, а также современными медийными практиками (подкаст, стрим, виар, социальные сети и др.) и инструментами (например, сайты и страницы в соцсетях). И программа «Цифровая

журналистика» способна реализовать потребности журналистов цифрового времени. Причем помимо специальных учебных дисциплин («Трансмедийность современной коммуникации», «Персуазивность сетевого медиадискурса: практика создания смыслов», «Текст и стиль: журналистская профессиональная речевая деятельность в эпоху цифровизации», «Digital-жанры современного медиатекста», «Технологии цифровой журналистики», «Интегративная методика дискурсного анализа в интернет-издании», и др.) в активе преподавателей находятся разнообразные практики и инструменты, помогающие усилить практическую сторону обучения магистрантов. Таковыми являются «социальные практики», позволяющие обучающимся рефлексировать определенные статусно-ролевые позиции представителей читательской среды; «коммуникативные практики» обеспечивают постоянное воспроизводство систем коммуникаций различного уровня, что также помогает журналистам-«цифровикам» быть мобильными в медийном поле. В числе наиболее востребованных инструментов выделяются мастер-класс [13] и онлайн-комьюнити, продуктивные в реализации компетентностного подхода в профессиональном журналистском образовании.

Оптимальной образовательной практикой, используемой на занятиях научно-исследовательского семинара «Проблематика и методология современных исследований цифровой журналистики», а также научных конференциях, является *tabletalks*, сориентированная, главным образом, на магистрантов, «желающих проверить свои научные идеи и получить обратную связь от опытных специалистов». Формат *tabletalks* «предполагает предельно короткую — в течение одной минуты — презентацию концепции исследования, которую затем обсуждают пятеро экспертов» [15], однако в рамках научно-исследовательского семинара в рабочем порядке можно допустить их меньшее число, например, двух-трех экспертов.

Именно сетевое сообщество университетских преподавателей, практиков и работодателей познакомит магистрантов с последствиями вызовов цифровой революции в СМИ, одним из которых стала потеря журналистами монополии на создание новостей и других материалов на социально значимые темы. Последствием также стала «утрата профессией — по целому ряду причин — доверия аудитории, приводящая к кризису профессиональной идентичности» [8].

В связи с последним обстоятельством существенной особенностью в подготовке журналистов для работы в цифровой среде становится формирование их как «общественных коммуникаторов», сполна сознающих, что «аудитория начинает взаимодействовать с контентом по-другому, и журналист должен понимать психологию восприятия контента, уметь строить нарративную кривую, режиссировать и по-другому выстраивать драматургию» медиадискурса [11, с. 2], и отсюда «обеспечивающих» (как и сами медиа) «не только однонаправленный коммуникационный процесс — от журналистов к аудитории, но и двусторонний, даже многосторонний коммуникационный процесс — от производителей содержания к аудитории и обратно» [2, с. 2]. Тем самым в «содержательном поле», можно сказать, «модерновой» журналистской программы имеет место непосредственная реализация принципов классической журналистики: социальной ответственности, достоверности, объективности, полноты изложения информации, которые, что немаловажно заметить, в цифровой среде становятся еще более актуальными, как свидетельство того, что, даже уйдя в цифру, журналистика должна остаться журналистикой факта.

Более того, генеральный драйвер сетевой программы «Цифровая журналистика», ведущим приоритетом которой является подготовка новых поколений журналистов для современной медиакommunikationной среды – «продукта» цифровой революции в СМИ, «зарифмован» с базовыми принципами профессии журналиста, согласно исследованиям конца 2010-х гг., выступающими актуальными, объединяющими сообщество журналистов, факторами. При этом своего рода «мачтовой сосной» журналистского сообщества справедливо назвать принцип социальной ответственности и сопряженные с ним представления современных российских журналистов об общественном предназначении журналистики. (Как засвидетельствовал анализ результатов эмпирических социологических проектов 2000–2010-х гг., «российские журналисты часто подчеркивают важность социальной миссии» своей профессии, но, безусловно, не нужно сбрасывать со счетов и то, что должное не всегда тождественно реальному [1]).

В системе подготовки нового поколения журналистов немаловажное место должно быть отведено образовательному триумvirату: право, этика и медиаэкономика, — обусловленному непосредственной спецификой журналистской деятельности, осуществляемой, с одной стороны, в правовом и этическом поле, и, соответственно, корректируемой ясным пониманием журналистом актуальных правовых и морально-этических принципов и ограничений (иначе, обладанием «журналистской куль-

турой» [1]), с другой — в поле «экономики СМИ» в постиндустриальном, информационном обществе, связанной с производством, распространением, хранением и, главное, потреблением информации. Отсюда не случайно «экономику СМИ все чаще называют экономикой свободного времени, и в этой сфере СМИ конкурируют с такими внешне далекими от них формами проведения свободного времени, как спорт и фитнес, театр и музеи, компьютерные игры» [5]. Соответственно, «экономика СМИ в информационном обществе — это не только борьба за читателя или зрителя, но и борьба за его свободное время, за его внимание» [5]. По этой причине экономику СМИ называют еще «экономикой внимания» [17].

В свете вышесказанного позволим себе остановиться еще на одном обстоятельстве, которое объективно актуализирует в профессиональной подготовке нового поколения журналистов, на наш взгляд, инновационную дисциплину «Правовые основы информационного общества» взамен устойчивой, традиционной «Правовое регулирование в сфере СМИ».

Предложенный О. А. Серовой, профессором, доктором юридических наук, первым проректором ПсковГУ, этот авторский учебный курс, достойный формата федерального вузовского учебника, базирующийся на концептах «информационное общество» и «право», во-первых, напрямую корреспондирует с содержанием курса по экономике СМИ, можно даже сказать, он «производится» образовательным «полем» экономики СМИ, поскольку, как подчеркивает Е. Л. Вартанова, «несомненно, концепция информационного общества основана на возросшем в современном обществе предложении медиаконтента и информационных услуг» [5], во-вторых, концепт «право», будучи производным концепта «информационное общество», не просто фокусирует в себе правовое регулирование деятельности журналистов и функционирования СМИ, но в сопряжении с такими драйверами информационного общества, как цифровизация и медиатизация, определяет правовую модель технологически опосредованной коммуникации в медиaprостранстве, в равной степени актуальную для всех участников медиакommunikации.

Данная модель, в свою очередь, может оказаться продуктивной для осмысления особенностей профессиональной этики журналистского сообщества времени глобальной цифровой трансформации медиа, призванного сегодня вместе с другими социальными институтами поддерживать моральный климат и доверие в обществе, тем самым выполняя значимую часть своей миссии. Тем самым, соглашаясь с идеей коммуникационной природы правовой модели информационного общества, исследователи, занимающиеся вопросами профессиональной этики журналиста, смогут убедиться в правомерности выдвигаемого ими положения о том, что для того чтобы журналистика оказывала конструктивное влияние на социальные процессы, необходимо сохранять понимание профессией, индустрией, с одной стороны, и обществом — с другой, одинаковых ценностей, формирующихся путем взаимодействия журналистов, медиаиндустрии и общества, и одновременно формулирования самими журналистами не только своих прав, но и определенных ограничений, другими словами, развития механизмов саморегулирования [3, с. 11] (приводимых в движение кодексами журналистской этики, иначе, кодифицированными нравственными принципами профессиональной деятельности, определенными общими усилиями журналистов на разных этапах развития профессионального сознания в ответ на общественный запрос) как наиболее эффективного в современной цифровой среде инструмента взаимодействия медиа, журналистики и общества.

В проекции рефлексии образовательного содержания международной магистерской образовательной программы «Цифровая журналистика» значительным выступает и тот факт, что, будучи одним из ряда первоэлементов сетевого университета, «фундаментом» которого априори является совокупность сетевых образовательных программ, данная программа способна участвовать в реализации основных направлений деятельности в Программе развития ПсковГУ и отсюда продуктивно содействовать его развитию и, главное, упрочению в качестве модели сетевого университета.

Так, в проекции «Образовательной политики» программа «Цифровая журналистика» может выступить инициатором разработки программы ПК и повышения квалификации ППС по тематике сетевого взаимодействия, главным образом сфокусированной на вопросах, связанных с современной цифровой культурой, в свою очередь, закономерно выводящей к выявлению «роли цифрового капитала как нового нематериального капитала гибридного характера в условиях современного российского общества» и далее к значимости программ медиаобразования и медиаграмотности для повышения уровня цифрового капитала у российских интернет-пользователей» [9, с. 27], преимущественно представителей молодежной среды.

Прогностически обозначенное тематическое «поле» программы ПК по вопросам сетевого взаимодействия продуцирует другую принципиальную проблематику, актуальную в проекции «Образовательной политики» модели сетевого университета, а именно проблему компетенций будущего для

программ высшего образования, обозначенных министром науки и высшего образования В. Н. Фальковым: «лидерство» («умение брать ответственность, ставить цели, идти вперёд, нести ответственность за результат, корректировать вовремя, защищать»), «коммуникативная компетенция, то есть способность убедить, общаться с разными людьми на разном языке», умение работать с информацией, быстро её находить, проверять, воспринимать критически» [10]. Не подлежит сомнению, что превалирующий в приведенном высказывании министра информационно-коммуникационный компетентный сегмент органично модерировать именно сетевой программе «Цифровая журналистика», базирующейся на активных и профессионально выстроенных коммуникациях и грамотной информации.

Данная программа также может быть предложена всем без исключения институтам ПсковГУ с целью приобщения преподавателей и студентов формирующегося сетевого университета к коммуникативной грамотности и сетевой коммуникативной грамотности в особенности.

Кроме того, как и любая другая магистерская программа «Цифровая журналистика» выступает релевантной высказанной В. Н. Фальковым на фестивале «Таврида. Арт» мысли о двойной функции современных университетов: «места, где передают знания» и занимаются «подготовкой специального типа людей – исследователей» [10], ибо магистерская программа всегда сориентирована на вовлечение обучающихся в академическую работу и повышение их академической культуры.

Под эгидой «Научной политики и политики в области исследований и разработок», а также в ключе приоритетного научного направления «Гуманитаристика», отражающих ярко выраженный научный «акцент» модели сетевого университета, сетевая программа «Цифровая журналистика» совместно с сетевым партнером — факультетом журналистики БГУ и преподавательским коллективом кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного ПсковГУ способна организовать результативную студенческую научную коммуникацию, содержание которой составит, с одной стороны, проблематика «изменения медиапотребления молодой аудитории», с другой — ее «информационные запросы» [6]. При этом исследовательское внимание к обозначенным и иным актуальным процессам, связанным с феноменом «цифровой молодежи», закономерно инициирует изучение «информационной повестки дня в различных возрастных группах молодого поколения» [4], включая молодежь Беларуси, что послужит логичным основанием совместных научных статей и проектов и также возможным «превращением» достигнутых обучающимися результатов «в технологии, продукты и сервисы» [10].

Реальным шансом помочь обучающимся на программе «Цифровая журналистика» проявить свой творческий потенциал является ее участие в реализации инициатив «Молодежной политики» как еще одной акцентуации модели сетевого университета. На площадках «Точки кипения» ПсковГУ участники программы «Цифровая журналистика» совместно с магистрантами журналистских программ БГУ могут выступить модераторами дискуссий о «новых аспектах стиля жизни и социального поведения», формирующегося под влиянием новых медиа [7], принципах поведения участников медиакommunikационного процесса в цифровой среде, системе ценностей «цифровой молодежи» и пр., — «призванных объяснить, каким образом меняются повседневные социокультурные практики человека, как именно трансформируется гуманитарное измерение человека» [4] в «новой реальности». При этом магистрантам-журналистам обеих сторон, российской и белорусской, принципиально важно обозначить перед аудиторией «Точки кипения» не только гражданскую позицию, но и точку зрения медиапрофессионала на обсуждаемые вопросы.

В заключение же позволим заметить, что когда в 1997 году на сцену американской кинопремии Оскар поднялся Сол Зэнц, продюсер фильма «Английский пациент», выигравшего 9 номинаций из 12, его речь уложилась в одно предложение: «Чаша моя полна». Наверно, нечто подобное может сказать и команда программы «Цифровая журналистика» на момент ее «запуска» в 2022–2023 учебном году. Тем не менее, наша «чаша» полна только на сегодня. Поскольку не только мир встречает нас, но и мы идем ему навстречу. И значит у нас много нового, другого, разного еще впереди.

Список использованной литературы

1. Аникина М. Е. Институциональные роли российских журналистов в начале XXI века // Медиа-скоп. 2019. Вып. 4. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.mediascope.ru/2592> (дата обращения: 16.07.2022).
2. Варганова Е. Л. Всестороннее изучение медиа будет чрезвычайно востребовано // МедиаТренды. № 9 (72), 27 декабря 2019. С. 2. [Электронный ресурс]: URL: www.journ.msu.ru (дата обращения: 16.07.2022).

3. Варганова Е. Л. К вопросу о важности теоретического осмысления профессиональной этики журналиста // МедиаАльманах. 2019. № 6 (95). С. 11. [Электронный ресурс]: URL: <http://mediaalmanah.ru/files/95/666.php> (дата обращения: 16.07.2022).
4. Варганова Е. Л. Медиапотребление на современном этапе нуждается в исследованиях // МедиаТренды. № 1 (73), 16 марта 2020. С. 1. [Электронный ресурс]: URL: www.journ.msu.ru (дата обращения: 16.07.2022).
5. Варганова Е. Л. Медиаэкономика в информационном обществе. [Электронный ресурс]: URL: <https://clck.ru/33HEBm> (дата обращения: 16.07.2022).
6. Варганова Е. Л. СМИ и журналистика — отражение не только своего времени, но и своего общества // МедиаТренды. № 9 (72), 27 декабря 2019. С. 1. [Электронный ресурс]: URL: www.journ.msu.ru (дата обращения: 16.07.2022).
7. Варганова Е. Л. Цифровизация и человек медийный // МедиаТренды. № 1 (79), 20 февраля 2021. С. 1. [Электронный ресурс]: URL: www.journ.msu.ru (дата обращения: 16.07.2022).
8. Варганова Е. Л. Цифровые вызовы журналистскому образованию. [Электронный ресурс]: URL: https://jrnlst.ru/vartanova_jurfac (дата обращения: 16.07.2022).
9. Варганова Е. Л., Гладкова А. А., Дунас Д. В. Цифровой капитал как новый гибридный капитал: теоретическое осмысление и практические решения // Актуальные проблемы медиаисследований — 2021. XI Международная научно-практическая конференция НАММИ: сб. мат. конф. М.: Фак журн. МГУ, 2021. С. 27.
10. Глава Минобрнауки назвал три необходимые универсальные компетенции. [Электронный ресурс]: URL: <https://clck.ru/33HE49> (дата обращения: 16.07.2022).
11. Лосева Н. Современная журналистика становится метапрофессией // МедиаТренды. № 1 (79), 20 февраля 2021. С. 2. [Электронный ресурс]: URL: www.journ.msu.ru (дата обращения: 16.07.2022).
12. Лукина М. Мультимедийная журналистика: ключевая морфема «мульти» // МедиаТренды. № 1 (79), 20 февраля 2021. С. 4. [Электронный ресурс]: URL: www.journ.msu.ru (дата обращения: 16.07.2022).
13. Макарова Н. Я. Мастер-класс в системе профессиональной подготовки журналиста // ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2016. № 4. С. 86–95. [Электронный ресурс]: URL: <https://history.rsuh.ru/jour/article/view/154/155> (дата обращения: 16.07.2022).
14. Онлайн-дискуссия «Доверительный разговор: сбор и аналитика обратной связи от студентов». [Электронный ресурс]: URL: <https://clck.ru/33HDqH> (дата обращения: 16.07.2022).
15. Предисловие редактора // Исследования медиа и коммуникаций: теории, практики, исследовательские перспективы. Сборник трудов III Межвузовской научно-практической конференции бакалавров, магистрантов и аспирантов / Под ред. С. Давыдов. ВШЭ. НИУ. Создано в интеллектуальной редакторской системе Ridero. [Электронный ресурс]: URL: <https://clck.ru/33HE67> (дата обращения: 16.07.2022).
16. Станет ли журналистика лучше от переименования кафедры в МГУ. [Электронный ресурс]: URL: <https://clck.ru/Yi3nT> (дата обращения: 16.07.2022).
17. Шаститко А. Е., Моросанова А. А., Маркова О. А. Экономика внимания: вопросы применения. Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 7–23. [Электронный ресурс]: URL: http://question-set.ru/files/arch/2022/2022-N1/Shastitko_Morosanova_Markova_VTE_2022_1.pdf (дата обращения: 16.07.2022).

Об авторах

Капитанова Людмила Анатольевна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), профессор кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного, доктор филологических наук, профессор; kapitanovala24@gmail.com. Тел. +7 911 397-57-59.

Ковалых Елена Валерьевна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного, кандидат филологических наук; kovalyh@yandex.ru. Тел. +7 953 235-53-05.

Лукьянова Светлана Викторовна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), заведующий кафедрой филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного, кандидат филологических наук, доцент; svetlanaluk@mail.ru. Тел. +7 911 893-53-70.

Kapitanova L. A.
Pskov State University
Kovalykh E. V.
Pskov State University
Lukyanova S. V.
Pskov State University

The International Network Program “Digital Journalism” in the Prism of the Challenges of the Modern Digital World

This article is devoted to the characteristic of the principal segments of the educational content of the international Master’s educational program “Digital Journalism” [(network program jointly with the Belarusian State University) in the field of training 42.04.02 “Journalism”] initiated by the digital revolution in the media that began in the last decade of the twentieth century.

Keywords: digital media environment, digital journalism, network program, network community, multimedia, media text, media practices, educational practices, journalistic culture.

About the authors

Kapitanova Lyudmila Anatolyevna — Pskov State University (PskovSU), Professor of the Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Doctor of Philology, Professor; kapitanova-la24@gmail.com. Tel. +7 911 397-57-59.

Kovalykh Elena Valeryevna — Pskov State University (PskovSU), Associate Professor of the Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Candidate of Philological Sciences; kovalykh@yandex.ru. Tel. +7 953 235-53-05.

Lukyanova Svetlana Viktorovna — Pskov State University (PskovSU), Head of the Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; svetlanaluk@mail.ru. Tel. +7 911 893-53-70.

Медиапотребление миллениалов и зумеров Беларуси

В статье приводятся характеристики медиапотребления представителей миллениалов и зумеров Беларуси, основанные на онлайн-анкетировании 2 742 респондентов. Исследование проводилось в несколько этапов на протяжении 2018–2021 годов с задействованием вначале студентов факультета журналистики БГУ, а затем представителей белорусской молодежи в возрасте до 30. В итоге исследования автор приходит к выводам, что у миллениалов и зумеров закрепились модель медиапотребления, в которой в скором времени не будет места традиционным СМИ. Процессы общения и информирования молодежи проходят в социальных сетях и блогах.

Ключевые слова: зумеры, медиапотребление, миллениалы, социальные сети, теория поколений, традиционные СМИ, «цифровая молодежь», цифровизация.

Медиапотребление общества изменяется в результате цифровизации, обусловленной развитием информационно-коммуникационных технологий и требует теоретико-методологического осмысления. На современном этапе развития общества внимание учёных сосредоточено на изучении предпочтений каждой группы поколений, но в особенности представителей молодой аудитории. Нынешнее подрастающее поколение значительно раньше своих предшественников становится аудиторией массмедиа.

Согласно теории Хоува — Штрауса миллениалы по времени рождения занимают период с 1982 г. по 2004 г., а в адаптированной для России теории — с 1984 г. по 2000 г. Зумеры — с 2005 и с 2000 г. аналогично [1, с. 109]. В нашем исследовании относительно изучения характеристик белорусских миллениалов и зумеров мы придерживаемся хронологии, адаптированной для России, поскольку у названных стран схожие исторические и экономические условия развития.

Среди белорусских ученых отдельным аспектам медиапотребления в целом белорусской аудитории посвящены научные работы ученых БГУ (А. А. Градюшко, А. И. Соловьев, С. В. Харитоновна). Однако у перечисленных белорусских ученых отсутствует системное исследование медиапотребления представителей молодого поколения. В России изучением медиапотребления «цифровой молодежи» занимаются исследователи Воронежского университета (А. М. Шестерина), МГУ им. М. В. Ломоносова (Д. М. Вьюгина, А. М. Гуреева, Д. В. Дунас и др.), Санкт-Петербургского университета (М. Р. Полухтина), Тамбовского университета (Е. А. Зверева и др.), Уральского университета (В. Ф. Олешко, А. С. Сумская), Челябинского университета (А. А. Морозова).

Целью исследования стало изучение особенностей медиапотребления миллениалов и зумеров, в частности интересовало, какими социальными медиа пользуются представители обоих поколений, как с появлением социальных сетей изменилось отношение к традиционным СМИ. В ходе исследования был использован метод анкетирования аудитории (N = 2 742). Исследование проходило в несколько этапов. В 2018 году опрашивались старшие представители зумеров в лице абитуриентов и студентов первого курса факультета журналистики БГУ в возрасте 17–19 лет (148 анкет). В 2020 году опрашивались младшие представители зумеров, рожденные в период с 2002 по 2010 годы (2 344 анкеты). И в 2021 году были опрошены молодые люди в возрасте 14–30 лет, годы рождения которых относятся к миллениалам и зумерам (250 анкет). Территория проведения исследования — Республика Беларусь.

По данным исследования «Медиапотребление и медиаграмотность в Беларуси в августе 2021», проведенного организацией Baltic Internet Policy Initiative, 87 % опрошенных в возрасте 18–74 года используют в неделю социальные сети в среднем 4–5 раз (выборка — 1 054 человека). Наиболее используемыми являются «ВКонтакте» и Instagram*. 75 % белорусской интернет-аудитории из 897 опрошенных в возрасте 18–74 года респондентов получают информацию из мессенджеров. Причём 21 % респондентов высказывают доверие к информации из телеграм-каналов и других мессенджеров, этот показатель второй по доверию после сайтов и / или интернет-СМИ (выборка — 1 183 человека) [4].

Данные отчета Digital 2022: Belarus от сервиса We are Social свидетельствуют, что Instagram* в Беларуси по сравнению с 2021 годом прибавил 500 тыс. пользователей и лидирует среди социальных платформ с аудиторией в 3,7 млн, на втором месте TikTok — 3,08 млн пользователей. Лидером по приведенному трафику на веб-сайты является Pinterest — 25,55 %, далее идут «ВКонтакте» (15,16 %) и Instagram* (13,23 %) [5].

Полученные данные по разновозрастной белорусской аудитории во многом коррелируют с данными, полученными нами при изучении медиапотребления молодой аудитории. Среди социальных сетей самыми популярными у миллениалов и зумеров являются «ВКонтакте» и Instagram*, что полностью повторяет общую тенденцию среди белорусов.

Среди мессенджеров наиболее популярный Telegram, но в исследованиях 2018 и 2021 годов его место у зумеров занимал Viber. На использование популярных соцсетей влияет актуальность, соответствие современности и ее использование большинством знакомых респондента. «ВКонтакте» чаще выбирают для общения с друзьями, Instagram* — для просмотра сторис (+ наблюдение за жизнью друзей); Facebook* и Twitter — для чтения новостей (так ответили всего 37 респондентов, подавляющее большинство по итогам последнего опроса не использует данные соцсети); TikTok — для просмотра видео (80 респондентов из 250). По итогам предыдущих исследований соцсети использовались для общения с друзьями и подписчиками.

Белорусский исследователь А. А. Градюшко полагает, что «многоканальное медиапотребление стало реальным. <...> В среднем в мире самым востребованным сегодня устройством является смартфон. Телевизор и ноутбук значимо уступают ему в популярности. Медиапотребление чаще всего происходит в многозадачном режиме» [2, с. 10]. И это подтверждает тот факт, что для работы с информацией зумеры используют одновременно два устройства, чаще всего это пары ноутбук / компьютер (десктоп) и смартфон / планшет [3, с. 31].

Опросы 2018–2021 годов показывают, что интерес к традиционным СМИ у миллениалов и зумеров продолжает снижаться. Так, из 250 респондентов анкетирования 2021 года ответили, что за последний год ни разу не обращались к газетам и журналам 121 респондент, 108 — к радио, 58 — к телевидению. У интернет-СМИ, соцсетей и блогов эти показатели ниже: 11, 6, 11 соответственно. В целом, с появлением социальных медиа у белорусской молодежи отношение к традиционным СМИ изменилось — респонденты стали пользоваться в основном только социальными медиа: и для общения, и для получения информации. Основным критерием такого выбора является то, что традиционные СМИ не могут так же активно реагировать на события, как социальные медиа и интернет-СМИ.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что у миллениалов и зумеров сложилась и закрепились модель медиапотребления, в которой практически нет места традиционным СМИ. Вместо них процессы общения и информирования проходят в социальных сетях и блогах. В социальных сетях зумеры больше потребляют контент, нежели его производят. Лидирующие позиции среди соцсетей у белорусских миллениалов и зумеров занимают «ВКонтакте» и Instagram*, среди мессенджеров — Telegram и Viber.

*организация, признанная экстремистской на территории Российской Федерации

Список использованной литературы

1. Асташова Ю. В. Теория поколений в маркетинге // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. № 8 (1). С. 108–114.
2. Градюшко А. А. Основы творческой деятельности веб-журналиста: учеб.-метод. пособие. Минск: БГУ, 2019. 239 с.
3. Касперович-Рынкевич О. Н. Особенности медиапотребления поколения Z // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. 2019. № 1. С. 29–35.
4. Медиапотребление и медиаграмотность в Беларуси в августе 2021 // Digital Skills Coalition Belarus. [Электронный ресурс]: URL: <https://youtu.be/hlZHKEWVtE4> (дата обращения: 01.03.2022).
5. Digital Belarus 2022: как изменились социальные сети в Беларуси за 2021 год? // Рейтинг Байнета. [Электронный ресурс]: URL: <https://ratingbynet.by/digital-belarus-2022-sotsialnye-seti-v-belarusi/> (дата обращения: 01.03.2022).

Об авторе

Касперович-Рынкевич Ольга Николаевна — Белорусский государственный университет (БГУ), доцент кафедры медиалогии, кандидат филологических наук, доцент; kasp-olga@ya.ru. Тел. +375 (25) 966-44-64.

Media Consumption of Millennials and Zoomers of Belarus

The article presents the characteristics of media consumption of representatives of millennials and zoomers of Belarus, based on an online survey of 2,742 respondents. The study was conducted in several stages during 2018-2021, involving first students of the Faculty of Journalism of BSU, and then representatives of Belarusian youth under the age of 30. As a result of the study, the author comes to the conclusion that millennials and zoomers have a fixed model of media consumption, in which there will soon be no place for traditional media. The processes of communication and informing young people take place in social networks and blogs.

Keywords: zoomers, media consumption, millennials, social networks, generational theory, traditional media, “digital youth”, digitalization.

About the author

Kasperovich-Rynkevich Olga Nikolaevna — Belarusian State University (BSU), Associate Professor of the Department of Media Studies, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; kasp-olga@ya.ru. Tel. +375 (25) 966-44-64.

Колпаков М. Ю.
Псковский государственный университет
kolpakov.m@gmail.com
Колпакова Ю. В.
Псковский государственный университет
pskov-sova@mail.ru

Дорожные знаки и ориентиры на путях псковского пограничья в XVI–XVII вв.

В статье анализируются способы определения направления и расстояния до мест отдыха и населенных пунктов, применявшиеся путешественниками в поездках по дорогам псковского пограничья в XVI–XVII вв. Для снижения риска дезориентации на местности иностранцы предпочитали нанимать проводников и профессиональных перевозчиков. На этапе планирования маршрута путешественники изучали изданные дневниковые записи, знакомясь с чужим опытом поездок в пограничье. Передвигаясь по дорогам, люди ориентировались по звездам и использовали традиционные дорожные ориентиры. Подробно анализируется практика использования монументальных, намогильных, памятных крестов в качестве дорожных ориентиров.

Ключевые слова: пути сообщения, псковское пограничье, восприятие дороги, антропология дороги, путешествия, быт путешественника.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20–59–00015 «Антропология дороги: коммуникации русско-белорусского пограничья в XIV–XVIII вв.»

Сеть основных и второстепенных дорог псковского пограничья в XVI–XVII вв. активно использовалась для совершения транзитных поездок путешественниками, которые постоянно не проживали в данном регионе. Во время таких путешествий важно было выбирать удобный, быстрый и безопасный маршрут, правильно определять направление и расстояние до мест отдыха и населенных пунктов.

В 1656 г. псковский воевода князь Иван Хилков и дьяк Меркурий Крылов со слов псковских купцов составили чертеж и роспись дорожных маршрутов от Пскова к Риге, Дерпту и Ревелю, Ивангороду и Нарве. Описание водных путей и сухопутных маршрутов содержало сведения о качестве дорог и указание расстояния в верстах между населенными пунктами [22, с. 134–140]. В 1673–1674 гг. шведский военный инженер Эрик Пальмквист, участник посольства графа Густава Оксеншерны, описал маршруты, соединявшие Псков с Дерптом, Нарвой и Новгородом, отметив качество дорог, дорожные ориентиры и расстояние между ними в верстах и милях [23, с. 144–150]. Близким к упомянутым источникам можно признать «Выпись из Новгородских изгонных книг», в которой были перечислены города и почтовые ямы с указанием расстояния в верстах [16, с. 299–302].

Своеобразными путеводителями для иностранцев, желающих путешествовать по псковским дорогам, можно признать дневниковые записи европейцев, описавших свой опыт поездок по основным и второстепенным дорогам пограничья: от Полоцка к Пскову (Сигизмунд фон Герберштейн, Станислав Пиотровский); от Себежа к Пскову и Нарве (Людвиг фон Алларт); от Риги и Дерпта через Печоры к Пскову и Новгороду (Якоб Ульфелдт, Андерс Трана, Августин Мейерберг, Николаас Витсен, Патрик Гордон, Ян Стрейс); от Нарвы и Ивангорода к Пскову (Альберт Иоакими). В отличие от упомянутых выше росписей и чертежей, записки путешественников были широко известны обычным читателям и доступны всем, планирующим маршрут в пограничье.

Найм проводников снижал риск дезориентации на местности. Не только дипломаты, но и частные лица предпочитали воспользоваться услугами местных жителей или профессиональных перевозчиков. Например, Патрик Гордон со спутниками в 1661 году во время поездки из Риги в Псков «наняли до Кокенхаузена фурмана с двумя лошадьми (скорее дабы указать нам дорогу, чем из потребности в нем самом, ибо у нас было довольно своих лошадей)» [17, с. 101]. Помогали определить нужную дорогу и расспросы

местных жителей. Так Сигизмунд фон Герберштейн во время санной поездки к Полоцку по льду Западной Двины в марте 1517 г. встретил сразу две наезженные дороги: «Недоумевая, которую из них избрать, я сразу же послал слугу на разведку в крестьянский дом, расположенный на берегу» [15, с. 613].

Иностранцы, отставшие от группы во время поездки или рискнувшие путешествовать самостоятельно, часто сбивались с нужного пути. В 1659 г. шведский дипломат Андриан Миллер не стал дожидаться русского пристава Михаила Тыркова и продолжил путешествие по Гдовской дороге самостоятельно. Согласно объяснительной пристава, посол «с своими людьми по дороге плутал, не ведаячи куда ехать. И боялся того, чтобы по дороге шиши и лихие люди его не побили». Самостоятельная прокладка маршрута завела Миллера в болото, где едва не утонул, испортил свое имущество, но сберег королевскую грамоту [33, с. 375].

Во второй половине XVII в. некоторые тракты в Литве и Ливонии стали оборудоваться специальными дорожными знаками. Так для удобства путешествующих купцов вдоль дороги от Бауски до Риги и на основных дорогах близ самой Риги были установлены высокие столбы, окрашенные в красный цвет. На этих столбах был изображен рижский герб и указывалось расстояние до города в милях [2, р. 51; 3, р. 97].

На территории современной Беларуси, по мнению А. С. Сардарова, уже в XVI в. существовала практика установки «мильных» камней на некоторых трактах, а массовое оборудование дорог верстовыми столбами получило распространение в XVIII веке [29, с. 116–117]. Однако, самое раннее упоминание о специальных дорожных знаках — столбах, на участке «Большой посольской дороги» от Минска в сторону Вильно датируется 1699 г. Немецкий дипломат Иоганн Георг Корб в дневнике сообщил о затоплении дорожного полотна «столбовой дороги»: «При Жукоборе мы переправились через Неман. Рукав этой реки, разлившись более чем на милю по столбовой дороге, образовал болото, так как земля там глинистая» [21, с. 163]. На этом же тракте за Слонимом путешественники встретили «рой молодых пчел, которые, вылетев на столбовую дорогу, зажалили до смерти лошадь и уязвили многих людей в лицо и руки» [21, с. 164].

В Русском государстве, согласно А. Н. Вигилеву, появление планов по оборудованию дорог специальными указателями можно датировать концом XVI в. Судебник царя Федора Ивановича 1589 г. предписывал по проезжим дорогам ставить вехи, «до тех мест чья земля имеет» [13, с. 46]. Однако первые свидетельства об установке верстовых столбов относятся к началу XVIII века. Голландец Корнель де Бруин во время поездки 1702 г. по почтовому тракту описал дорожные знаки. «От Москвы до Воронежа на каждой версте стоит верстовой столб, на котором по-русски и по-немецки выставлен 1701 год — время постановки этих столбов. Между всеми этими столбами, довольно высокими и окрашенными красною краскою, посажено по девятнадцать и по двадцать молодых деревьев по обеим сторонам дороги; ...Таких верстовых столбов счетом 552: они занимают пространство почти на сто двадцать одну милю, считая по пять верст в миле, и указывают расстояние от Москвы до Воронежа и других окрест лежащих мест. Полагаю, что число молодых деревьев, посаженных между верстами, никак не меньше, если не больше, 200 тысяч. Сказанные версты и деревья тем более полезны, что без них зимою трудно было бы найти дорогу, покрытую снегом, и притом в России и ночью ездят так же, как и днем» [11, с. 110].

Сведущие в географии и астрономии люди ориентировались при выборе пути по звездам. Например, так поступил Патрик Гордон во время поездки по лесным дорогам 4 сентября 1698 г. «Сегодня и вчера путь лежал по большей части на северо-запад. Поужинав, я взял с собой лишь немногих людей и путешествовал всю ночь, около 10 верст; затем свернул с дороги направо, на несколько верст. Примечая по звездам, что мы едем неверно, я велел остановиться до рассвета» [19, с. 172].

Тем не менее на дорогах псковско-литовского и псковского-ливонского пограничья путешественники были вынуждены использовать более традиционные дорожные ориентиры.

Можно уверенно утверждать, что дорожными ориентирами для путешественников выступали географические объекты (реки, ручьи и озера), населенные пункты, постоянные дворы и почтовые ямы, придорожные монастыри, церкви и часовни.

Патрик Гордон для определения сторон света, продолжая держать курс на северо-запад, рассматривал в качестве ориентира крест на монастырской церкви. «Около полуночи проехали низину и снова сбились в левую сторону, к дер. Кузьминка на другом берегу реки. Обнаружив, что опять ошиблись, мы стояли до рассвета. Затем, разузнав, снова вернулись на дорогу и доехали до монастыря Нища, где стряпчий по имени Гавриил Ивано[в] ведет большую торговлю горелкой. Отсюда наш проводник указал нам в правую сторону, в каковую мы сделали около 10 верст — до монастыря Никола Радость. Итак, определив по кресту, что сбились, мы избрали другой путь, налево, и прибыли в село Белоумут» [19, с. 172].

Дискуссионным вопросом является практика использования монументальных крестов в качестве специальных дорожных знаков. Г. Сурдокайте-Витиене отмечает, массовая практика установки каменных крестов близ дорог, в знак памяти и по другим поводам, широко распространяется в Польше и Великом княжестве Литовском, как и во всем католическом мире, в XVII в. [8, р. 56–61]. Крест стал привычным ориентиром в путешествии по сухопутным дорогам. Но среди современников не существовало единого мнения о назначении этих объектов. Решением Клермонского собора 1095 года за придорожным крестом была закреплена функция хранителя (права на безопасный приют). В XVI в. придорожные кресты устанавливались для пробуждения благочестия, в рамках идеологической борьбы с протестантизмом (практика обязательного массового воздвижения крестов стала важной частью учения церкви после Тридентского собора). По мнению католического духовенства, кресты вдоль дорог не только являлись символами истинной веры, но и обеспечивали безопасность христианам в поездках. В Жемайтии в первой четверти XVIII в. кресты встречались через каждую четверть мили. Некоторые иезуиты предлагали возводить кресты вдоль дорог в начале каждой мили, но при этом отметка миль оставалась второстепенной функцией, а главным предназначением этих объектов было вызывать у путешественников благочестивые размышления.

В псковском пограничье и прилегающих к нему регионах Русского государства монументальные кресты можно признать характерным элементом дорожного ландшафта. Путешественники встречали их близ церквей и на кладбищах: «Мы все шли вдоль реки, изредка сокращая путь по суше, и добрались до Дединова, 20 верст. Здесь я велел копать могилу на старом кладбище и ночью похоронить в оной Лохмановского безо всякой церемонии» [18, с. 327]. Одиноко стоящие кресты могли быть маркерами мест захоронений или выполнять мемориальную функцию: «Здесь увидели мы несколько могил, где, как нам сказали, похоронены восемь голландских купцов, убитых разбойниками» [31, с. 151]; «Мы проезжали в лесу мимо одного креста, на котором многочисленные надписи свидетельствовали об ужасном убийстве, а именно: на этом самом месте разбойники умертвили за один раз 30 человек» [21, с. 55]; «Нам встречалось много курганов, под ними, говорят, похоронены кости погибших еще с польской войны» [14, с. 113]. Уверенность иностранных путешественников в реальности некогда произошедших злодеяний была непоколебима, к тому же подкреплялась запугиванием со стороны проводящих и представителей властей, заинтересованных в том, чтобы обычные иностранцы и уполномоченные люди не путешествовали в русских пределах бесконтрольно.

В описании Московского государства 1615 года Петра Петрея отмечалось, что «в некоторых областях у крестьян не было церквей, но были поставлены большие деревянные кресты, которые священник освятил и благословил. На них были вырезаны изречения из псалмов. У них крестьяне, у которых не было церкви, совершали свои службы, и утрени и вечерни» [24, с. 20]. Для русского Севера были характерны крупные деревянные поклонные кресты. Долго держалась связанная с ними традиция крестных ходов в память пожаров и эпидемий. В регионе Ладожского озера самые ранние сохранившиеся кресты датируются 20-ми гг. XVII в. По мнению В. Б. Панченко, кресты могли существовать и ранее, но были утрачены во время шведского вторжения [24, с. 9].

Иногда кресты воздвигались на месте утраченных в ходе войн церквей и часовен, тем самым отмечая и замещая собой место, где раньше путник мог помолиться. В иконографии поклонных крестов XVII–XVIII вв. встречается изображение церковной главки, что связано с традицией памяти о существовавшей на месте креста часовни или церкви. Дипломат Николаас Витсен в декабре 1664 г. по дороге от Печор к Пскову «наблюдал, как русские набожно крестятся и кланяются перед каждой попадающейся на глаза часовенкой и крестом» [14, с. 55–56].

По наблюдениям В. Б. Панченко, в начале XVIII в. происходит активизация процесса постановки крестов по инициативе духовных лиц по причине сноса часовен по указам Петра Первого 1707 и 1722 гг. и запрета на строительство новых часовен Анной Иоанновной в 1734 г. [24, с. 10, 14–16].

Ориентирами на дороге могли, несомненно, служить кладбища и размещенные на них намогильные кресты. Каменные кресты с надписями широко распространяются в псковско-изборском регионе в XIV–XVI вв., а отдельные памятники на Северо-Западе датируются значительно более ранним временем. Безусловно, главное назначение этих крестов — маркировка мест христианских захоронений. Однако упоминание их в писцовых книгах XVI в. позволяет судить о том, что даже намогильные кресты были важным элементом структуры обжитого пространства. Типичным крестом подобного типа является крест «НА РАБЕ Б[О]ЖИИ НА СТЕПАНЕ», поставленный «ЛЕ[ТА] 7000 МИРО[М]» и хранящийся сейчас в часовне Флора и Лавра в Старом Изборске [10, с. 23, 49, табл. 40–56]. К настоящему времени исследователями собраны сведения о 860 монументальных каменных крестах в

пределах территории современной Псковской области и 318 на территории Республики Беларусь [27, с. 64–76]. Кресты, будучи заметным элементом ландшафта, упоминаются в актовых источниках как естественные межевые знаки. Например, в ассеквационной записи 1569 г. витебского мещанина Дмитрия Яковлевича Стырника, в выписи из Витебских городских книг 1661 г., межевом акте 1570 о землях панцирных бояр (и др.) каменные кресты фигурируют как ориентиры для установления границ, наряду с курганами, могилами, отдельно стоящими деревьями заметных пород, деревьями с «взрубками» на них, ручьями, а также «копцами» (межевыми насыпями) [12, с. 191, 199, 211]. Когда память о связи намогильного креста с древним могилом исчезала, крест могли переместить к ближайшей церкви, где он хранился или мог стать элементом архитектуры — вкладным крестом [30, с. 105].

Значение дорожного ориентира со временем получали такие заметные объекты, как памятные кресты, поставленные по обету «на поклонение», «на память» (т. е. на поминание) и снабженные соответствующими надписями [26, с. 226–229]. Примером такого ориентира является крест из села Печани возле переправы через реку Сороть [10, табл. 55]. Памятный массивный двухметровый придорожный крест находился на развилке старой дороги от Изборска к Пскову у деревни Васцы и хранится сейчас в сооруженной там часовне [30, с. 107]. Вероятно, памятные кресты изначально ставились на торных дорогах, чтобы помянуть покойного могло максимальное количество проходящих и проезжающих мимо людей. Примером упоминания дорожного ориентира в отрыве от основной функции намогильного или памятного креста служит «Росписание бродов на реке Двине», составленное полоцким воеводой в 1557 г.: «От Невчины в трох милях на Лучесне есть перевоз, але броду нет, и туды Витольт ходил до великого Новгорода к Москве, где и теперь там еще крыжи есть» [9, с. 140].

Интересное описание придорожных крестов на участке гатей Ивангородской дороги, дополненное иллюстрацией [4, f. 28], было сделано Антонином Хутеерисом, участником нидерландского посольства 1615–1616 гг.: «они [дороги] извиаються в изгибах и изгибах, кое-где несут крест, чтобы показать, что кто-то там был убит» [5, с. 38]. Не исключено, что на месте некоторых из этих крестов ранее стояли часовни. При этом расположение грубо сделанных крестов на поворотах настилов позволяет высказать и предположение, что эти объекты помогали путешественникам отслеживать направление дороги на заснеженной болотистой местности.

Для путешественников, в особенности иноземных, находящиеся у дорог кресты могли приобретать иное, более банальное значение, чем для лиц, установивших эти кресты, и для местных жителей в целом. Так крест, установленный над источником из благочестивых побуждений, для проезжающих маркировал обихоженность и безопасность места, пригодность воды для питья. Подобный крест, например, находился на «Витовтовой» дороге в местечке Витов ключ Себежского уезда [12, с. 223].

Наконец, еще одним традиционным элементом дорожного ландшафта являлись места казней. Эшафоты указывали путешественникам на приближение к крупному населенному пункту, символизировали государственную власть на данной территории, демонстрировали заботу правителей и их служащих о поддержании справедливости, косвенно свидетельствовали об отсутствии угрозы нападения «лихих людей». Иоганн Корб подробно описал организацию казней «мятежников» в Москве в октябре 1698 г., указав, что двойные виселицы стояли «по обеим сторонам каждого городского ворот» [21, с. 181].

Список использованной литературы

1. Allart L. N. von. Das Tagebuch des Generals von Hallart über die Belagerung und Schlacht von Narva, 1700. Reval: Kluge, 1894. 81 s.
2. Ćelkis T. Stan dróg łądowych i struktura systemu połączeń w Wielkim Księstwie Litewskim w końcu XV–XVII wieku // Zapiski historyczne. 2014. T. 79. Z. 3. P. 39–61.
3. Ćelkis T. Traveling in the Grand Duchy of Lithuania in the 16th–17th Century. Mobility Conditions and Travellers' Everyday Life // Revista română de studii Baltice și Nordice. 2019. Vol.11 (2). P. 79–119.
4. Goeteeris A. Journael Der Legatie ghedaen inde Iaren 1615. ende 1616. by de ... Heer Reynhout van Brederode, ...; Dirck Bas ...; ende Aelbrecht Ioachimi ... te samen by de ... Staaten Generael ... afgesonden aende ... Coninghen van Sweden ende Denemercken; mitsgaders aenden Groot-Voist van Moscovien, Keyser van Ruschlandt. Ende hamentlick op den Vreden-handel tusschen den ... Coninck van Sweden ... ende den Groot-Vorst van Moscovien. Haag: Aert Meuris, 1619. 157 lk. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.digar.ee/id/nlibdigar:100929> (дата обращения: 21.03.2022).
5. Hildebrant S. En hollandsk beskickninges resor i Ryssland, Finland och Sverige. 1615–1616. Stockholm: P. A. Norstedt, 1917. 289 s.
6. Im oberen Teil ein leeres Inschriftenband. Feder- und Pinselzeichnung in Braun, auf schwarzer Kreide,

- aquarelliert, nach Vorlage von Nicolaes Witsen. In: Atlas Blaeu-Van der Hem, Bd. 24:37, fol. 73, (26) Bd. 24:37, fol. 73, (26) Blattmaß: Höhe: 50 cm — Breite: 30.5 cm. [Электронный ресурс]: URL: <https://digital.onb.ac.at/rep/osd/?10B8AA0B> (дата обращения: 21.03.2022).
7. Korb J. G. *Diarium itineris in Moscoviam perillustris ac magnifici domini Ignatii Christophori de Guarient et Rall, Sacri Romani Imperii, & Regni Hungariae Equitis, Sacrae Caesareae Majestatis Consiliarii Aulico-Bellici ab Augustissimo & Invictissimo Romanorum Imperatore Leopoldo I. ad Serenissimum, ac Potentissimum Tzarum et Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexiowicium anno MDCXCVIII ablegati extraordinarii. Viennae Austriae: Voigt, 1700. 252 s.* [Электронный ресурс]: URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb11055581?page=1> (дата обращения: 21.03.2022).
 8. Surdokaitė-Vitienė G. XVI–XVIII a. religiniai paminklai LDK: dokumentų liudijimai, paminklų funkcijos ir paplitimas // *Menotyra*. 2015. Т. 22. № 1. Р. 45–72.
 9. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. 1361–1598. СПб.: Эдуард Прац, 1863. 319 с.
 10. Артемьев А. Р. Города Псковской земли в XIII–XV вв. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1998. 418 с.
 11. Бруин К. де. Путешествия в Московию // *Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю. А. Лимонова*. Л.: Лениздат, 1989. С. 17–188.
 12. Веревкин М. Записка об археологических памятниках Витебской губернии // *Труды Виленского отделения по устройству в Вильно IX Археологического съезда*. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1893. С. 187–224.
 13. Вигилев А. Н. История отечественной почты Ч. 1. М.: Связь, 1977. 152 с.
 14. Витсен Н. Путешествие в Московию. СПб.: Симпозиум, 1996. 265 с.
 15. Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. Т. 1: Латинский и немецкий тексты, рус. пер. с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А. В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
 16. Голубцов А. И. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII веках и их отражение на русской карте середины XVII века // *Вопросы географии*. Сборник 20. М., 1950. С. 271–302.
 17. Гордон П. Дневник, 1659–1667. / Перевод, статья, примечания Д. Г. Федосова. М.: Наука, 2003. 315 с.
 18. Гордон П. Дневник, 1690–1695. / Перевод, статья, примечания Д. Г. Федосова. М.: Наука, 2014. 620 с.
 19. Гордон П. Дневник, 1696–1698. / Перевод, статья, примечания Д. Г. Федосова. М.: Наука, 2018. 323 с.
 20. Дневник Андерса Траны. 1655–1656. / Составитель Г. М. Коваленко; перевод с шведского А. М. Галиновой. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2007. 128 с.
 21. Корб И.Г. Дневник Иоганна Георга Корба во время посольства Леопольда I в Московское государство // *Рождение империи*. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 21–258.
 22. Отписка псковского воеводы князя Ивана Хилкова и дьяка Меркурия Крылова с приложением описания дорог от Пскова до Риги, Юрьева Ливонского, Кольвани и Иван-города (4 сентября 1656 г.) // *Сборник Московского архива Министерства юстиции*. Т. 6. Псков и его пригороды. Кн. 2. М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. С. 134–140.
 23. Пальмквист Э. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году = Några Observationer Angående Ryssland = Some Observations Concerning Russia. М.: ЛомоносовЪ, 2012. 344 с.
 24. Панченко В. Б. Деревянные поклонные кресты Поволжья. СПб.: Каламос, 2016. 64 с.
 25. Пиотровский С. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова) // *Осада Пскова глазами иностранцев: дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / Вступительная статья и комментарии А. А. Михайлова; биографический очерк Н. Ф. Левина*. Псков: Псковская областная типография, 2005. С. 243–482.
 26. Потравнов А. Л. Хмельник Т. Ю. Безмолвные стражи прошлого. Монументальные каменные кресты. М.: «Вече», 2018. 368 с.
 27. Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю. О географии распространения монументальных каменных крестов на северо-западе России // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 1(76). 2018. С. 64–76.
 28. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1, (Памятники XI–XV в.). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1880. 686 с.

29. Сардаров А. С. Путетворение: история и культура белорусских дорог. Минск: Беларуская навука, 2009. 191 с.
30. Седов В. В. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. Сборник статей памяти Н. Н. Воронина. М.: Наука, 1976. С. 102–107.
31. Стрейс Я. Три путешествия. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1935. 416 с.
32. Ульфельдт Я. Путешествие в Россию / Перевод Л. Н. Годовиковой. М.: Языки славянской культуры, 2002. 616 с.
33. Чепель А. И. «Пастухов те воры били до умертвия...»: криминальная обстановка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира // Метаморфозы истории. 2014. № 5. С. 370–390.

Об авторах

Колпаков Максим Юрьевич — Псковский государственный университет (ПсковГУ), доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, кандидат исторических наук; kolpakov.m@gmail.com. Тел. +7 911 363-31-98.

Колпакова Юлия Вячеславовна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), доцент кафедры отечественной истории, кандидат исторических наук; pskov-sova@mail.ru. Тел. +7 911 363-31-98.

Kolpakov M. Yu.
Pskov State University
Kolpakova Yu. V.
Pskov State University

Road Signs and Landmarks on the Roads of the Pskov Borderland in the 16th–17th Centuries

The article analyzes the ways of determining the direction and distance to the places of rest and settlements, which were used by travelers on their trips along the roads of the Pskov borderland in the 16th–17th centuries. To reduce the risk of terrain disorientation, foreigners preferred to hire guides and professional carriers. At the stage of route planning, travelers studied published diary entries, thus learning from someone else's experience of traveling to the borderlands. Moving along the roads, people were guided by the stars and used traditional road signs. The practice of using monumental, grave and memorial crosses as road landmarks is thoroughly analyzed.

Keywords: communication routes, Pskov borderlands, perception of the road, anthropology of the road, travel, everyday life of a traveler.

The reported study was funded by RFBR and BRFFR, project number 20–59–00015 «Anthropology of the road: communications of the Russian-Belarusian borderland in XIV–XVIII centuries»

About the authors

Kolpakov Maksim Yur`evich — Pskov State University (PskovSU), Associate Professor of the Chair of World History and Regional Studies, Candidate of Historical Sciences; kolpakov.m@gmail.com. Tel. +7 911 363-31-98.

Kolpakova Yulia Vyacheslavovna — Pskov State University (PskovSU), Associate Professor of the Chair of History of Motherland, Candidate of Historical Sciences; pskov-sova@mail.ru. Tel. +7 911 363-31-98.

Колядко С. В.
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси
kolyadko@list.ru

Литературоведческая и лингвистическая эмотиология: общее и различное

Методологические основы литературоведческой и лингвистической эмотиологии, обусловленные разными предметами и объектами изучения, рассматриваются в их типологических параллелях и различиях. Определено, что понятийный аппарат литературоведческой эмотиологии составляют эмоциональное высказывание, эмоциональная ситуация, эмоциональное событие, эмотивный топос, эмотивный код, эмотивный ключ, образ-эмотив, эмотема и другие. Изложены научные принципы раскрытия теории эмотивности на основе взаимодействия феноменологического, герменевтического, психологического подходов и методов рецептивной эстетики.

Ключевые слова: литературоведческая эмотиология, теория эмотивности, поэтическая эмоция, образы-эмотивы, эмоциональные маркеры, стиль.

На сегодняшний день в науке существуют философская, экзистенциальная, психологическая, биологическая, физиолого-активационная, невралгическая, когнитивная, социальная, мотивационная, информационная, функциональная, трехфакторная и другие концепции эмоции. Все вышеперечисленные концепции различаются методологией, приемами, фактами и даже терминологией, а также подходами в интерпретации одного и того же понятия. Поэтому в функционировании литературоведческой концепции нам необходимо было найти собственные принципы, в основе которых лежит взаимосвязь литературно-художественного, когнитивного, психологического и языкового пластов эмотивности.

Стоит отметить, что Международный центр изучения эмоций был основан в Гарвардском университете в 1985 году, и с тех пор внимание к этой теме только возрастает. Да, лингвисты многое сделали в развитии теории эмоций, и во многих лингвистических исследованиях проблемы осмысливались на материале художественных произведений. Но суть междисциплинарности этих исследований можно описать, цитируя Л. С. Выготского, который говорил о соприкосновении психологии и искусства: «Вот почему работа, возникающая на скрещении этих двух наук, работа, которая хочет языком объективной психологии говорить об объективных фактах искусства, по необходимости обречена на то, чтобы все время оставаться в преддверии проблемы, не проникая вглубь, не охватывая много вширь» [3, с. 7]. Точно так же лингвисты, анализируя художественные произведения, не ставят задач, которые обычно ставит и решает традиционный литературоведческий анализ и в ходе которых решаются вопросы «почему?», «с какой целью?», «открывая какие смыслы?» Если изобразить графически сущность контакта языкознания (А) и литературоведения (Б) применительно к анализу поэтического произведения, то фигура будет иметь вид, например, двух скрещенных овалов, где зоной пересечения станет уровень языка.

Лингвисты рассматривают эмоцию на лексическом, фразеологическом, грамматическом (морфология + синтаксис), фонетическом, словообразовательном, интонационном (просодическая сторона речи) уровнях языка. Это те уровни, которые можно назвать зонами соприкосновения в лингвистическом и литературоведческом анализе. Поэтическая лексика, звукозапись, поэтический синтаксис, стилистические фигуры и тропы также относятся к двум научным дисциплинам, но литературоведы не только находят их в поэтическом тексте, но и осмысливают влияние на раскрытие темы, идеи, системы образов, хронотопа, на авторскую позицию, представление автора об эстетическом идеале и многое другое. В языкознании и литературоведении, как и в гуманитарных науках в целом, существуют общенаучные методологии и методы исследования, в частности сравнительно-исторический, историко-психологический, эстетический и другие. Как отмечает С. Н. Зенкин, это «круг металитературных дискурсов, в котором находит свое место литературоведение. Оно выросло в процессе переработки критики и риторики; в нем существует три подхода – комментарий, интерпретация и поэтика; оно взаимодействует с лингвистикой, историей, семиотикой, эстетикой, психоанализом (а также психологией, социологией, теорией религии и т. д.)» [4, с. 14].

Чаще всего мне, как исследователю поэтической эмоции, задавали и задают вопросы о сходстве и различии подходов к трактовке эмоциональности/эмотивности в лингвистической и литературоведческой теории эмотивности. Следовательно, необходимо сравнить принципы описания феномена эмотивности в близкой нам научной дисциплине. (Напомним, что первыми, кто попытался осмыслить роль эмоции в искусстве, были философы). Для этого обобщим положения двух близких и все же не тождественных филологических теорий на основе анализа монографий В. И. Шаховского, а также исследований лингвистов (диссертации, статьи и тезисы выступлений на конференциях), занимавшихся изучением явления эмоциональности/эмотивности в тексте — А. Вежбицкой, П. С. Волковой, С. В. Гладь, С. В. Ионовой, Н. А. Красавского, Е. Ю. Мягковой, В. А. Пищальниковой, В. Н. Телия, О. Е. Филимоновой, Л. Г. Бабенко и др. — и монографии автора этой публикации «Литературоведческая теория поэтической эмоции» [5].

1) Исходная диада психология + лингвистика в основе функционирования эмотиологии как научного направления должна быть дополнена литературоведением (психологизм + эстетика + эмотивность художественного произведения). А точнее, понятием «филология». Цитата из Д. С. Лихачева здесь наиболее кстати: «Роль филологии именно связующая, а потому и особенно важная. Она связывает историческое источниковедение с языкознанием и литературоведением. Она придает широкий аспект изучению истории текста. Она соединяет литературоведение и языкознание в области изучения стиля произведения — наиболее сложной области литературоведения. По самой своей сути филология антиформалистична, ибо учит правильно понимать смысл текста, будь то исторический источник или художественный памятник. Она требует глубоких знаний не только по истории языков, но и знания реалий той или иной эпохи, эстетических представлений своего времени, истории идей и т. д.» [6, с. 205–206].

Теория эмотивизма (сформировавшаяся при взаимодействии аналитической философии и логического позитивизма), предшествовавшая лингвистической теории эмоции, основывалась на противоположности эмоционального и рационального и не прижилась в науке из-за абсолютизации психического, утверждения его господства над чувственным. Объективный коррелят Т. Элиота как теоретическая конструкция не мог заменить многообразия живых эмоций, и поэтому эта теория не получила развития. Еще в 1980-е годы лингвисты (Д. М. Шмелев, В. Н. Телия, Е. М. Вольф и др.) в своих исследованиях называли эмотивность свойством чисто художественных текстов. Сегодня лингвисты рассматривают эмотивность всех стилей языка. А эмотивность как имманентная сущность художественного стиля никем не подвергается сомнению, даже по отношению к тем художественным текстам, в которых явно не выявлены эмоциональные средства, но сам текст всей своей структурой является воплощением определенной выраженной эмоции, эмоциональной мысли, эмоционального переживания и др. В. И. Шаховский считает, что «Вся художественная литература является депозитарием эмоций: она описывает эмоциональные категориальные ситуации, вербальное и авербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, в ней запечатлен эмоциональный видовой и индивидуальный опыт человека, способы его эмоционального рефлексирования. В этом плане вся художественная литература является бесценным учебником по воспитанию культуры эмоционального общения *homo sentience*» [12, с. 29]. Таким образом, лингвисты считают художественный текст априорно эмотивным, который «представляет собой некое здание, в котором находятся все этажи эмотивного языка и все каналы его языкового выражения» [11, с. 187–188].

2) Подчеркнем, что лингвисты рассматривают эмотивность языка, тогда как при эмотивном анализе поэтического произведения мы ориентируемся на эмотивность произведения/текста в формосодержательном единстве, соответствующем определенному модусу художественности, жанровой разновидности, эстетической концепции творчества, творческому методу и типу эмоционального восприятия. Смыслы произведения раскрываются в трех планах — планах содержания, выражения и изображения эмотивности, а поэтическая эмоция предстает с текстообразующим, смыслообразующим и смыслоотличительным потенциалом и их выражением на уровнях субъектной организации произведения, образном, событийном (события души, образующие лирический сюжет) пространственно-временном уровнях. Как отмечает Б. В. Томашевский, «каждый прием изучается с точки зрения его художественной целесообразности, т. е. анализируется: зачем применяется данный прием и какой художественный эффект им достигается» [10, с. 26]. Эта задача была поставлена нами при эмотивном анализе поэтических произведений — провести проблемно-систематическое исследование содержания и форм эмотивности, т. е. описание и анализ на основе компонентов теоретической поэтики.

3) Лингвистическая теория эмоций, по утверждению В. И. Шаховского, основывается на единстве семиотики, теории языка и этики эмоций. Разрабатываемая нами литературоведческая тео-

рия эмоции постулирует единство теоретической поэтики, герменевтики, психологизма и нарративной эстетики. Если обозначить векторы, то наша теория эмотивности направлена в большей степени к когнитивному литературоведению, постулирующему взаимобусловленность рационального и эмоционального в мышлении и сознании, выражении и самовыявлении, чем к лингвистической теории.

4) Лингвистическая теория описывает механизмы генерации / выражения / вызова эмоций. Для литературоведения важнее осмысление форм описания, выражения и изображения эмоций, которые определяются стилем, творческим методом, мировоззрением и в то же время влияют на художественную картину мира, художественный мир писателя и др. План изображения эмотивных средств — это функционирование в поэтическом тексте различных форм и видов эмоций, их переходы, подмена, имитация, манипулирование, маскировка, кодирование, шифрование, которые становятся источником изучения не только литературоведения, но и психологии, философии, лингвистики, только с позиций разных критериев, ракурсов. Одной из задач литературоведения является систематизация и типологизация эмоций в соответствии с их влиянием на структурно-смысловое единство произведения, выявление закономерностей и тенденций их отражения путем осмысления всей совокупности факторов их материализации, или вербализации, в произведении, творчестве, литературном процессе.

5) Эмотивность художественного стиля обосновывается и языкознанием, и литературоведением прежде всего с точки зрения эмотивности художественных средств. Однако выделение стилистических эмотивных средств не является самоцелью для литературоведа, важно не только описать набор художественных тропов и фигур, используемых автором для кодирования эмоционального содержания поэтического высказывания или всего текста, но также показать, что они определяют в раскрытии разных форм самовыявления автора, лирического «Я», лирического героя, персонажа и других субъектных и внесубъектных форм сознания; как они влияют на субъективную организацию произведения, на структурирование текста средствами голосоведения и какие смыслы стихотворения раскрываются читателю посредством художественных механизмов взаимодействия мысли и чувства/эмоции.

6) Если лингвистическая теория изучает языковые и неязыковые компоненты эмотивного текста, в соответствии с которыми выделяются функционально-смысловые и текстовые категории эмотивности, то в нашей литературоведческой теории, помимо названных, большое внимание уделяется текстовым и внетекстовым (которые Ю. М. Лотман называет «мировоззренческими») компонентам эмотивности (биография автора, тип творческой личности, особенности мировосприятия и мировоззрения, другие произведения и материалы, написанные автором, широкий исторический, социальный, культурный контекст).

7) Мы используем термины «эмоциональность», «эмотивность», «образ-эмотив», «эмотивные средства», «эмоциональный маркер», которые также используют лингвисты, психологи, философы, педагоги, социологи и др. Как отмечает лингвист П. С. Волкова, «взгляды лингвистов колеблются от отождествления до четкого разграничения понятий эмотивность, эмоциональность, экспрессивность, оценочность» [2, с. 4]. При этом в рамках одной дисциплины и её ответвлений (например, психолингвистики, текстолингвистики, когнитивной лингвистики) существуют психолингвистический, стилистический, коммуникативный, лингвокультурологический, когнитивный подходы к изучению эмоций, в параметрах которых возникают собственные концепции эмотивности, а также разные дефиниции названных выше понятий. В частности, эмотивами лингвисты называют как эмоционально окрашенные лексические и фразеологические средства, так и речевые акты, условием которых является выражение своих эмоций. Мы же эмотивами называем образы поэзии — эмоционально заряженные стилистические средства (художественные тропы) в раскрытии творческой мысли, которыми обозначены состояние, настроение, переживание, а также авторское отношение, оценка. Подобное несовпадение понятий и терминов диктуется задачами научной дисциплины, в нашем случае — теории литературы. Поэтому перед нами стояли непростые цели: с одной стороны, адаптация известных понятий и терминов к литературоведческой парадигме; во-вторых, присвоение им статуса литературоведческих определений как за счет расширения исходных значений (многозначность понятий), так и появления новых (понятийная омонимия). Мы постарались теоретические категории и понятия интерпретировать в соотношении со стилистикой (стиль автора, его творческая индивидуальность), архитектурой, субъективной организацией произведения и многим другим. Некоторые из введенных нами понятий, такие как эмотиология, эмотивность, эмоциональность, эмотема, эмоциональный маркер, эмоциональный смысл, эмоциональная валентность, эмотивные средства, голосоведение, сохраняют ядро исходного значения, приобретая в дефиниции литературоведческое расширение, углубление и потому их можно воспринимать как многозначные понятия; иные, такие как образ-эмотив и его разновидности (эмотив-полином, эмотив-интенсификатор, эмотив-пульсатор), а также эмоциональное пространство и поле произведения, эмотив-

ные жанровые разновидности, эмотивный трафарет авторских интенций, эмотивный триггер и другие введены нами в соответствии с проблемами теории эмотивности, их следует рассматривать как понятия-омонимы междисциплинарного характера, которые при совпадении с другими наименованиями не соответствуют их основному значению.

8) Эмоциональный маркер, или маркер эмоционального состояния, лингвисты рассматривают как базовый языковой идентификатор, свидетельствующий о психическом состоянии коммуникатора в стадии аффекта и резистентности путем проецирования чувств, намерений, переживаний на их внешние проявления [7, с. 166]. В качестве маркера эмоций лингвисты также рассматривают нейтральные языковые средства, называющие или описывающие эмоциональное состояние, — лексику эмоций (печаль, радость, страх, скука). В нашем исследовании различаются языковые и текстовые маркеры, и внимание фокусируется в первую очередь на стилистических тропах и фигурах как идентификаторах определенной эмоции в тексте. Скажем так, анафора, эпифора, звукопись (например, наплыв шипящих), анжамбеман (перенос строк), повторы образов, нарушение ритмико-интонационной организации произведения выступают обозначениями определенного эмоционального настроения, состояния — т. е. эмоциональными маркерами. В каждой эмоциональной ситуации или событии мы можем выявить эмоциональные маркеры или знаки (это может быть эмоционально окрашенная лексика, восклицания, уменьшительно-ласкательные суффиксы), которые указывают на доминирующую эмоцию и определяют ее содержание (например, меланхолическая тоска, тревожная возбужденность, горькое волнение, встревоженное сочувствие, разочарованное равнодушие или безграничное блаженство и т. д.). Контекст также выступает информативным полем в идентификации настроения, состояния героя, поскольку оценочную функцию могут брать на себя нейтральные слова-образы, например «черная туча». В сочетании с другими стилистическими средствами колороним «черный», к примеру, может быть маркером подавленного состояния героя. Литературоведческое правило: внутренний мир человека важен как в его положительном, так и в отрицательном выражении, в громких и глухих формах самовыдвижения и шифровки, в открытом позировании и придуманной игре. Поэтому мы выделяем не только эмоциональные маркеры в языке, но и те, которые стали маркерами или идентификаторами языка автора / лирического героя или персонажей, посредством которых передавалась информация о настроении, состоянии, переживании. Таким образом, эмоциональный маркер, или маркер эмоций, — это стилистическое средство-идентификатор состояния, настроения, переживания, которое воздействует на содержание определенной эмоциональной ситуации или события в произведении и может выступать эмоциональной доминантой в эмотеме.

9) Эмотема по определению лингвиста В. И. Болотова — это фрагмент текста (от слова до всего текста), смысл которого или форма выражения содержания являются источником эмоционального воздействия [1, с. 18]. Как акцентируется в определении, эмотема связана прежде всего с коммуникативной функцией воздействия. В нашем исследовании эмотема выступает эмоционально-смысловым конструктом в сквозной идее; это микротема внутри стихотворения или тема всего произведения, в которой выражены его доминирующие эмоции. Место эмотемы в тематической структуре текста может быть определяющим в раскрытии мысли, а может отражать вторичный фон. В одних произведениях эмотема передается через эмоционально окрашенные стилистические средства, через высокую экспрессивность поэтических высказываний, чередование образных выразительных и нейтральных описаний, имеющиеся эмоциональные маркеры, в других она зашифрована в тропах и фигурах, в метафорическом языке, в неизвестной читателю значительности отображенной лирической ситуации или события. Мы разграничиваем эмотемы, в которых эмоциональное переживание «транслируется» по восходящей и нисходящей линиям, по прямой сюжетной линии и с многовекторностью, со множеством образов, создающих «событийные» ряды и фокусирующихся на одном или нескольких образах.

10) В языкознании преобладает констатирующее изучение художественных форм, статистические методы их описания. Литературоведы стремятся понять влияние эмоции на все структуры поэтического текста в динамике лирического переживания через взаимосвязь эмоций и чувств, смены настроений, состояний автора / лирического героя, в повторах лирических событий, ситуаций в стихотворениях / творчестве и т. д. Контекстом рассмотрения эмоций у лингвистов является высказывание, текст, речевая ситуация, а у литературоведов, кроме вышеперечисленного, душевное состояние человека — нравственно-духовная сфера личности — ценностные ориентации. Таким образом, литературоведческие и лингвистические концепции эмоции, имея общую территорию — уровень языка в тексте, — все же оперируют своими собственными методологиями, приемами и средствами, что делает эти концепции самостоятельными и взаимодополняющими при анализе поэтического произведения.

В нашем исследовании «Литературоведческая теория поэтической эмоции» (2018) мы предложили концепцию эмоции в литературе, обозначающую новое литературное направление, нуждающуюся в дальнейшем расширении и формировании новых ответвлений, соответствующих разным периодам литературного развития и смене литературных парадигм. Как заметил В. Хализев, «научная методология — это учение о подходе к объекту, о путях познания определенных аспектов мира, «подведомственных» какой-либо научной дисциплине» [8, с. 8]. Поэтому мы предлагаем литературоведческие способы познания эмотивности в соответствующих предмету изучения категориях, методах и аспектах. Поэтическое произведение зиждется на неразрывном единстве когнитивного и чувственного, рационального и эмоционального, оценочного и образного. В нашей литературоведческой теории сложность субъект-субъектных отношений в произведении осмысливается через эмоциональное выражение / изображение, с одной стороны, состояния, настроения, чувства, переживания, с другой стороны, реакции, оценки, отношения, формирующие субъектное эмоционально-смысловое пространство произведения.

Поэтическое произведение / текст представляет собой сложную структуру, из которой мы вычленили и проанализировали:

- *поэтическое эмоциональное высказывание* (законченная в идейно-тематическом, смысловом и эмоциональном отношении единица структуры текста, несущая значимую художественно-эстетическую информацию);

- *эмоциональная ситуация* ((шок, волнение, радость, боль из-за...) лирические, иронические, сентиментальные, трагические ситуации и т. п., которые эксплицируются модусом художественности и пафосом произведения; передают эмоциональное состояние, настроение субъекта во всем или части произведения или же это состояние, настроение создает эмоциональную ситуацию);

- *эмоциональное событие* ((встреча, разлука, похороны, свадьба) событие, ставшее эмоциональным триггером для написания произведения или его (произведения) содержанием);

- *эмотивные топосы* (смысло-эмоциональные комплексы, или конструкты, с универсальной функцией, например отображения типических чувств в типических обстоятельствах (контекстах), образов с одинаковыми значениями, смоделированных собственных эмоциональных состояний и т. д.);

- *эмотивные шаблоны и схемы* (ритмико-синтаксические формулы и клишированные конструкции типа повторения одних и тех же сюжетных линий в развитии переживания; нанизывание одних и тех же образов в развёртывании эмотемы; схематическое введение и заключительная часть (при их наличии)).

Художественное произведение может иметь свои *эмотивные коды*, которые определяются через разные способы раскрытия личностных смыслов — через соотношение эмоциональной интенции, определенной модальности поэтического высказывания, его эмоционального тона, эмоциональной направленности мысли и др. Мы назвали один из критериев обозначения эмотивного кода, можно выделить и другие, такие как общехудожественные, культурные, социально-исторические коды эмоций, которые характеризуют литературу того или иного направления, исторического периода. Или совокупность языковых знаков, передающих эмоциональные состояния и отношения, и особенности функционирования этих знаков в эмоциональной среде. Эмотивный код является важным элементом авторского стиля и выступает показателем характера авторского самосознания.

В художественном произведении можно выделить *эмотивные ключи* — элементы, входящие в текст в виде цитат, отдельных реминисценций или аллюзий, парафраз и т. п., роль которых определяется авторскими задачами, необходимостью раскрыть или, наоборот, зашифровать смысл произведения. При историко-описательном подходе в поэтических произведениях / творчестве писателей можно выявить культурно, социально, исторически, национально обусловленные сценарии эмоций, а их кодирование в каждом тексте будет продиктовано жизненным, психологическим, личностным, художественным опытом / знаниями / переживаниями автора.

Все вышеперечисленные понятия раскрывают свой потенциал в эмотивном анализе поэтического произведения, являющемся составной частью целостного анализа. Эмотивный анализ использует инструменты традиционной теоретической поэтики, структурной поэтики, методы и приемы герменевтики, феноменологии, семиотики, гендерных исследований, рецептивной эстетики.

Таким образом, любая методологическая система должна представлять собой разветвленную структуру (приемы, способы, методы, принципы, средства) и должна стать алгоритмом поиска решения. Прежде чем изучать творчество писателей в динамике литературного процесса через призму теории эмотивности, важно разработать методологический инструментарий, с помощью которого можно анализировать поэтические произведения и творчество писателей. По мнению литературоведа А. П. Скафтымова, «всякое генетическое рассмотрение предмета должно предваряться постижением его внутренне-консти-

тутивного смысла» [9, с. 159]. Наша концепция эмотивности поэзии является основой или фундаментом теории, учитывающей различные факторы, контексты, перспективы ее существования. С целью наращивания структуры теории «мышцами» мы постарались разработать и ввести в научный оборот методологический инструментарий — основные категории, понятия, описанные выше, с помощью которых можно анализировать историю эмоции и Человека эмоционального в поэтических произведениях.

Список использованной литературы

1. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Основы эмотивной стилистики текста / Ташк. гос. пед. ин-т им. Ф. Энгельса. Ташкент: Фан, 1981. 116 с.
2. Волкова П. С. Эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста: (На материале прозы Н. В. Гоголя и музыки Ю. Буцко, А. Холминова, Р. Щедрина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук по специальности 10.02.19. Волгоград, 1997. 23 с.
3. Выготский Л. С. Психология искусства / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1987. 344 с.
4. Зенкин С. Н. Введение в литературоведение: Теория литературы: учеб. пособие. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. 81 с.
5. Калядка С. У. Літаратурнаўная тэорыя паэтычнай эмоцыі. Мінск: Беларуская навука, 2018. 350 с.
6. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном / Сост., общ. ред. Г. А. Дубровской. М.: Дет. лит., 1985. 238 с.
7. Музычук Т. Л. Маркер эмоционального состояния его языковая репрезентация в невербальном речевом дискурсе художественной прозы // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2010. Вып. 3. С. 166–173.
8. Русское академическое литературоведение: история и методология (1900-1960-е годы): учебное пособие / В. Е. Хализев, А. А. Холиков, О. В. Никандрова; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филологический фак., Каф. теории лит. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 175 с.
9. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1994. 318 с.
10. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / вступ. ст. Н. Д. Тмарченко; коммент. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тмарченко. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.
11. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
12. Шаховский В. И. Эмоции: долигвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: URSS, 2009. 124 с.

Об авторе

Колядко Светлана Владимировна — Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (ЦИБКЯЛ НАНБ), ведущий научный сотрудник отдела теории и истории литературы, доктор филологических наук, доцент; kolyadko@list.ru. Тел. +375 (29) 500-38-08.

Kolyadko S. V.

Center for Research of Belarusian Culture,
Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus

Literary and Linguistic Etymology: Common and Distinctive

The methodological foundations of literary and linguistic etymology, determined by different subjects of research, are considered in their typological parallels and distinctiveness. It is determined that the conceptual apparatus of literary etymology consists of *an emotional statement, an emotional situation, an emotional event, emotive topoi, an emotive code, an emotive key, an image-emotive, an emo-theme*, etc. Scientific principles for revealing the theory of emotiveness based on the interaction of phenomenological, hermeneutic, psychological approaches and methods of receptive aesthetics are defined.

Keywords: literary etymology, theory of emotiveness, poetic emotion, images-emotives, emotional markers, style.

About the author

Kolyadko Svetlana Vladimirovna — Center for Research of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, leading researcher of the Department of Theory and History of Literature, Doctor of Philology, Associate Professor; kolyadko@list.ru. Тел. +375 (29) 500-38-08.

Специалист по коммуникациям в постпандемийное время

В статье рассматриваются некоторые трансформации информационно-коммуникационной сферы в пандемийную эпоху и акцентируется внимание на тех важных профессиональных компетенциях и характеристиках специалиста по коммуникациям, которыми он должен обладать. Особое внимание уделяется навыкам работы специалиста по коммуникациям в медиарилейшнз, цифровых и визуальных коммуникациях.

Ключевые слова: специалист по коммуникациям, профессиональные компетенции, диджитал-эпоха, постпандемийное время.

Современный специалист, чтобы быть востребованным, должен развивать универсальные компетенции, свои профессиональные навыки и умения, которые сопряжены с его практической деятельностью. Нарастающая интеграция человечества в процесс цифровизации отражается практически во всех сферах социальной, культурной и профессиональной деятельности людей.

Социальные и технологические изменения привели сегодня к тому, что традиционный человек «говорящий» (*homo loquens*) в веке XXI-ом — веке коммуникаций — становится человеком коммуницирующим (*homo communicans*; хотя данная формулировка трактуется исследователями по-разному). Человек XXI века (в парадигме модели коммуникаций Г. Лассуэлла) коммуницирующий: тогда, когда он может; там, где он может; с тем, с кем он может; так (по тем каналам и с помощью тех инструментов), как он может. В этой связи актуализируется оппозиция коммуникатор — профессиональный коммуникатор. Важными становятся те профессии, где коммуникации являются важнейшим инструментом реализации профессиональной деятельности, поскольку развитая информационно-коммуникационная среда требует специалистов, профессионально поддерживающих связи в ней, и это прежде всего журналисты, рекламисты и специалисты по связям с общественностью.

Сформировавшаяся в последние два десятилетия публичная среда является иной, нежели та, о которой говорил, например, Ю. Хабермас. В современном публичном пространстве мы можем обозначить две такие сферы — собственно публичную, «традиционную», и новую, «параллельную», которую можно обозначить как диджитал публичную сферу [2]. Цифровые коммуникации активизируют особые профессиональные навыки специалиста по коммуникациям. Как указывает С. М. Емельянов, «бурное развитие информационного общества в XXI веке привело к созданию принципиально новой глобальной информационной инфраструктуры, основу которой составляет Интернет и цифровые информационные технологии, что естественно не могло не сказаться на коммуникационных процессах во всех сферах общества, в том числе и бизнесе. Сегодня информация становится доступной не только широким кругам общественности, но и сама общественность становится важным источником и производителем информации, формируя новое информационное пространство — социальные массмедиа» [1, с. 50]. А наличие навыков работы с социальными медиа — одно из важнейших в списке профессиональных у специалиста по коммуникациям.

К основным профессиональным навыкам специалистов по коммуникациям сегодня предъявляются такие требования: креативность; быстрое принятие решений; эмоциональная устойчивость; навыки работы в команде; лидерские качества; логическое мышление; умение вести переговоры; гибкость ума [4]. На рынке труда изначально оказывается востребованным тот, кто может быстро решить возникшую проблему, суметь организовать свою работу и помочь своим коллегам, уметь находить консенсус с пользой для компании.

Как известно, пандемия привела к переходу (пусть и не всегда полному, но активно гибридно-му) инструментария профессиональной коммуникации — рекламы и PR, журналистики — в онлайн. Рассмотрим кратко трансформации в некоторых коммуникационных сферах и инструментах и вытекающие отсюда необходимые для специалиста по коммуникациям навыки и компетенции.

Медиарилейшнз, несомненно, зависят от характера изменений в самой медиасреде. Четыре «кита», на которых стоят современные СМИ, — это конвергентность, омниканальность, интерактивность, геймификация. Пандемийное время, казалось бы, должно было активизировать не только личные

«СМИ» — блоги, а также и соцсети, но и поднять доверие к той информации, которые представляют новые медиа, однако этого не случилось. В этой связи одним из важнейших навыков работы специалиста по коммуникациям становится фактчекинг. Как указывают авторы справочника «Медиалингвистика», «осознанное распространение ложной информации в медиапространстве направлено на решение следующих задач: 1) борьба за популярность у аудитории и получение коммерческой выгоды; 2) манипуляция общественным мнением и формирование нужных оценок освещаемых событий... Трансформации современной медиасреды под влиянием новых технологий приводят к появлению возможности манипулирования аудиторией с помощью нового типа месседжей, построенных на обмане и ложной идентичности [5, с. 416–417]. Специалист по медиа должен уметь работать с фейкньюс.

В настоящее время продолжают развиваться заложенные в предыдущее десятилетие тенденции в СМИ, такие как ниширование. В последние два года заметен рост подкастинга как удобного по способу получения контента инструмента информации, для определенных возрастных групп аудитории СМИ заменившим традиционные радио и телеканалы. Рост популярности аудиоконтента наблюдается и в сегменте В2В: здесь появляются более широкие возможности публикации кейсов в новом формате, возможность формировать совместный контент (например, в интервью), показать уровень своей экспертности.

В пандемийное время актуализируется и проблема «информационного пузыря», когда новость теряет свой вес за счет отсутствия интереса к форме ее подачи, и это проблема социодемографическая. Именно в последнее время мы за счет возрастания такого типа потребителя информации, как тейнмент-актор, мы наблюдаем рост тейнмент-коммуникаций. И если изначально это был инфотейнмент («информирующее развлечение», или «развлекающее информирование»), то теперь тейнмент-коммуникации подразумевают различные технологии передачи новостной информации, это сторителлинг (или нарративная коммуникация — создание легенды, рассказа о компании, публичной личности или опыте пользователя Сети); сайенстейнмент — популяризация (или вульгаризация?) научного знания; политейнмент — формирование политического сознания «легкими» для восприятия фактами или «развлекающая» политика; бизнестейнмент — популяризованное знание / новостная информация о бизнес-процессах, арттейнмент — популяризованное знание / новостная информация об искусстве и т. п.

Важнейшими во «внепандемийное» время являются навыки цифровые. Основными трендами рынка цифровых коммуникаций рынок цифровых коммуникаций в 2020–21 гг. стали: сквозная аналитика, brandreformance, развитие marketplace, персонализация и т. д., что, несомненно, ведет за собой проблемы соблюдения коммуникативной этики. Вместе с тем стоит указать и основные технологии, влияющие на бизнес начала 2020-х годов: искусственный интеллект и машинное обучение (AI&ML), интернет вещей (IoT) и роботизация процессов (RPA), «BigData-VR-AR-чат-боты», что современный специалист по коммуникациям должен знать и чем уметь пользоваться. Добавим также, что «наиболее востребованным критерием для специалиста в области цифровых коммуникаций является умение работать с лидерами общественного мнения» [3, с. 146].

В 2020–21 г. компании активно развивают свои аккаунты в социальных сетях, чтобы не потерять своих потребителей. В онлайн-среде возможно и присутствие в виде минимальных постов и редких комментариев потребителей. В 2022 году возрастает «плотность» использования некоторых сетей, таких как «ВКонтакте», «Одноклассники» и активный пресенс в них возрастает в связи с закрытием других социальных сетей. Здесь подчеркнем важную характеристику современных коммуникаций: диджитал стирает индивидуальность человека и антропоцентричность современных коммуникаций.

Важными навыками коммуникатора становится работа с контентом. Происходит адаптация контента под мобильные устройства; речь идет, в частности, о «вертикализации» контента и его адаптивности. Так, по замечаниям специалистов, 26 % людей не досматривают видео до конца, если его надо развернуть. Этим объясняется популярность TikTok.

Вместе с тем пандемийное время катализирует и активно развивающуюся в предыдущее десятилетие тенденцию к производству «снэк-контента». Банализация и упрощение смысла обязаны цивилизационным процессам, ускорению, а отсюда и «упрощению» формирования визуального контента, реакцию по отношению к которому потребитель должен проявить, выразить немедленно. Упрощение смысла актуализирует gif-картинки, TikTok; компании выпускают короткометражные видеоролики (в то время как лонгриды, ТВ-сериалы «захватывают» ту часть потребителей информации, которые привыкли читать и вчитываться, смотреть и видеть). Это примат самого качества контента над его количеством и, конечно, важным становится сам формат контента.

Человек XXI века — человек смотрящий, homo vultus. Визуальные коммуникации стали для него если не доминирующими над собственно вербальными, то значимыми в процессе получения информации. Визуальные цифровые коммуникации 2021–22 гг. оказались окрашенными так называемы-

ми «символами оптимизма» [6]. Для сильных, уверенные в себе бренды: это яркая цветовая палитра, округлый шрифт; актуализируется в пандемийный период и *slow living* — философия «слушать, а не слышать», наслаждаться мгновениями жизни. Эта тенденция пришла в «повседневные коммуникации» из предыдущего десятилетия из коммуникаций премиальных брендов.

Время начал 2020-х гг. — это время *wellness* — гармонии души и тела, когда человеческими приоритетами в пандемию становятся здоровье, хорошее самочувствие, разумный отдых, гармония с природой: натуральные тона в визуальной политике компаний и брендов нивелируют уровень стресса, улучшают настроение и увеличивают производительность труда, в том числе и онлайн. Ценностью становится и аутентичность — домашний отдых, удаленная работа, спокойствие. Это заставляет специалиста по коммуникациям выстраивать иные, нежели раньше визуальные коммуникационные стратегии и тактики. Здесь же упомянем и виртуальную эмпатию — технологии VR, FR, MR (реальность искусственная, дополненная, смешанная), что помогает сделать бренд визуально привлекательным и искренним.

Несомненно, пандемийное и постпандемийное время ставит перед специалистом по коммуникациям новые императивы в его знаниях, умениях и навыках.

Список использованной литературы

1. Емельянов С. М. Корпоративная социальная ответственность бизнеса в эпоху современных цифровых технологий // Российская пиарология: тренды и драйверы. Вып. 11: Сборник научных трудов в честь профессора В. А. Ачкасовой / Под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. С. 47–54.
2. Кривоносов А. Д. Публичная среда и публичные коммуникации в эпоху Интернета // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 68-74.
3. Кривоносов А. Д., Бомбин А. Ю., Данилова Н. И. Вызовы к специалистам по рекламе и PR: адаптация в постпандемийном пространстве // Медиа-технологии в условиях изменяющегося мира: тренды, проблемы, прогнозы: сборник трудов. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2021. С. 144-150.
1. Локтионова М. «Высокий спрос»: названы самые перспективные профессии 2021 года // Издание «Газета.Ru». [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gazeta.ru/social/2021/01/04/13425932.shtml> (дата обращения: 24.02.2022).
4. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / Под ред. Л. Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. 440 с.
5. Профессиональные компетенции специалиста по коммуникациям XXI века: коллективная монография / А. Д. Кривоносов, С. В. Аксенов, А. Ю. Бомбин [и др.] / Под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. 227 с.

Об авторе

Кривоносов Алексей Дмитриевич — Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ), зав. кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью, доктор филологических наук, профессор; krivonosov.a@unecon.ru. Тел. +7 921 741-38-41.

Krivonosov A. D.

Saint Petersburg State University of Economics

Communications Specialist in Post-Pandemic Time

The article examines some transformations of the information and communication sphere in the pandemic era and focuses on those important professional competencies and characteristics of communications specialists that they should possess. Special attention is paid to the skills of a communications specialist in media relations, digital and visual communications.

Keywords: communications specialist, professional competencies, digital era, post-pandemic time.

About the author

Krivonosov Aleksey Dmitrievich — Saint Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Communications Technologies and Public Relations, Doctor of Philology, Professor; krivonosov.a@unecon.ru. Tel. +7 921 741-38-41.

В. В. Быков в системе занятий по русской литературе с инофонами (опыт работы с туркменскими студентами)

В статье анализируется практический опыт изучения творчества Василя Владимировича Быкова на занятиях по русской литературе с иностранными студентами из Туркменистана. В работе описывается система занятий по теме «Русская литература о Великой Отечественной войне» на трех этапах: предтекстовом, текстовом и послетекстовом. Особое внимание автор уделяет приемам, методам и принципам работы с творчеством В. В. Быкова в иностранной аудитории.

Ключевые слова: русская литература, методика, В.В. Быков, «Сотников», русский язык как иностранный (РКИ), Великая Отечественная война, общие ценности.

Хотя Василь Владимирович Быков — автор, писавший как на русском языке, так и на белорусском о родной ему Республике Беларусь, для русского читателя это русский писатель. Такой же русский, как киргиз Чингиз Торекулович Айтматов. И дело не столько в общем советском прошлом, сколько в общности систем ценностей Быкова, Айтматова и любого другого русского писателя.

С таких по смыслу слов обычно начинаются занятия по русской литературе, посвященные творчеству В. В. Быкова, со студентами из Туркменистана, которые учатся в Псковском государственном университете по направлению 44.03.01 «Педагогическое образование», профиль «Русский язык как иностранный». Это направление готовит преподавателей русского языка в других странах. Главная их подготовка именно языковая. Студенты этого направления изучают русскую литературу второй половины XX века в 7 семестре, то есть на последнем, 4 курсе бакалавриата, когда за плечами трехлетний опыт жизни в России и владение языком не ниже уровня В, хотя языковые и страноведческие барьеры, еще, безусловно, существуют. В. В. Быков изучается в рамках широкой темы «Русская литература о Великой Отечественной войне».

В методике преподавания русского языка инофонам (под этим термином понимаются люди, находящиеся в иной языковой среде) тема изучения Великой Отечественной войны является проблемной. Нередко преподаватели русского как иностранного отмечают неоднозначное восприятие событий 1941–1945 гг. иностранцами. Например, американцы вообще не знают о существовании Второй мировой войны, а чехи и поляки воспринимают эту тему как навязчивую социальную пропаганду [1]. Причины тому очевидны: это связано с неоднозначной трактовкой событий мировой политики. Но очевидно и педагогическое решение этой проблемы. Выстраивая межкультурную коммуникацию с инофоном, преподаватель опирается на понимание особенностей жизни, культуры и мировоззрения той страны, откуда приехал иностранный ученик.

Для туркменских студентов Великая Отечественная война — далеко не пустой звук. Хотя на территории Туркменистана в годы Великой Отечественной войны не было оккупации, сражений, геноцида, но значимая часть населения (около 260 тысяч жителей) воевала на фронте, и около 160 тысяч из них погибли. Туркменистан был местом эвакуации советских граждан из прифронтовых и оккупированных территорий. Жители Туркменистана много помогали советской армии и освобожденным территориям продовольствием, теплыми вещами, оружием. Поэтому традиция празднования Дня Победы у жителей Туркмении есть, но не такая, как в России.

10 мая 2012 года Туркменистан официально перестал пользоваться словосочетанием «Великая Отечественная война». Это выражение было заменено не на «Вторую мировую войну», как можно было ожидать, а на «Война 1941–1945 годов», что снижает значимость события для Туркменистана. Как рассказывают студенты, празднования 9 мая в их стране существуют, но не такого большого масштаба, как в России, и не повсеместно. В столице Ашхабаде проводятся парад и акция «Бессмертный полк», в провинции же, откуда преимущественно наши студенты, принято просто возлагать цветы к монументам. В семьях вспоминают погибших на фронте, если они были. В школах туркменским детям рассказывают о войне, о прежнем братстве советских народов и главном интернациональном символе

— песне «Катюша», текст которой в Туркменистане принято знать наизусть. Таким образом, туркменские студенты, приезжая в Россию, знают, что война была, но не осознают, почему для российского менталитета 9 мая является не просто исторической датой, а ключевой коммуникативной практикой, одним из культурных кодов, святым днем, Днем Великой Победы. Наша задача — показать восприятие событий Великой Отечественной войны русским менталитетом через прецедентные тексты, к числу которых мы по праву относим и повесть В. В. Быкова «Сотников».

Занятия по литературе, посвященные произведениям о Великой Отечественной войне на русском языке, традиционно начинаются с предтекстовой работы, смысл которой заключается в снятии лексико-грамматических и страноведческих трудностей. На этом этапе мы знакомим студентов с двумя фильмами: «Офицеры» и «В бой идут одни старики». Оба фильма для русского человека культовые, но туркмены, как правило, видят их впервые. Смысл фильма «Офицеры», действия которого начинаются в 1920-е годы в Туркестане и продолжается до 1960-х годов, студентам в основном понятен:

– фильм явно воздействует на эмоциональную сферу этой категории студентов. Они видят в нем достоверные среднеазиатские кадры и туркменские могилы (поскольку натурные съемки фильма проходили под Ашхабадом) и это, безусловно, их трогает. Фильм актуализирует имеющиеся в их сознании ассоциации о войне как общечеловеческом страдании, смерти, боли, жестокости;

– существенная часть студентов из Туркменистана уже отслужила в туркменской армии, и долг перед родиной для них не пустые слова;

– идеалы, показанные в фильме, тоже важны туркменскому менталитету: честь, верность, искренняя дружба, подвиг — такие же ценности, как и для русского человека.

Фильм «В бой идут одни старики» воспринимается в туркменской аудитории сложнее. Трагические сцены понятны, а вот юмор во время войны становится открытием. Фраза «Кто сказал, что надо бросить песни на войне // После боя сердце просит музыки вдвойне...» удивляет. Наличие оркестра в боевых условиях кажется искусственной выдумкой режиссера. Необходим комментарий преподавателя о спасающей силе юмора в критических ситуациях.

Второй этап изучения темы — текстовый, на котором происходит знакомство с литературными произведениями. Среди них — и повесть «Сотников».

В методике преподавания русского языка как иностранного существуют два подхода к чтению литературных произведений. Одни исследователи [2] выступают за использование адаптированных произведений на уроках РКИ, объясняя это сложностью художественного языка. Другие [3; 4] считают, что важно чтение аутентичных текстов, поскольку такой текст имеет большее страноведческое значение и более полно раскрывает особенности того или иного писателя и в целом культуру страны. Мы придерживаемся второй позиции и читаем аутентичные тексты вслух в аудитории, используя прием комментированного чтения. В частности, комментируются и языковые особенности художественных текстов, и применяется страноведческий комментарий. Нами используется метод комментированного чтения вслух прозаических произведений «Судьба человека» М. А. Шолохова и «Сотников» В. В. Быкова.

Сначала изучается рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека», после знакомства с которым студенты приходят к мысли о сохранении лучших человеческих качеств (достоинства, любви к ближнему, патриотизма) вопреки обстоятельствам. Затем читаем В. В. Быкова.

Практика изучения повести «Сотников» показывает необходимость исторического комментария к слову «партизаны». Историческое комментирование данного понятия для туркменской аудитории может включать сведения о зарождении партизанского движения на Псковской территории, в Республике Беларусь, партизанских отрядах в Латвии, партизанских обозах в блокадный Ленинград, ежегодных встречах ветеранов и молодежи на Кургане Дружбы на границе России, Беларуси и Латвии.

Как известно, В. В. Быков не дает прямых оценок своим героям-партизанам. Однако после знакомства с повестью туркменские студенты рассуждают о том, что сила духа гораздо важнее физической силы, поэтому человек должен развивать ее и полагаться именно на нее в сложных обстоятельствах.

Второй метод, который нами активно используется на занятиях по русской литературе с инофонами при изучении литературных произведений о Великой Отечественной войне, — это чтение русской поэзии наизусть. Методика следующая: выразительное чтение стихотворения преподавателем — коллективный разбор каждого слова, образа и общей идеи — повторное выразительное чтение преподавателем — хоровое чтение строк и текста в целом до тех пор, пока не выработается стихотворная акцентология (интонация) и орфоэпия. Произношение отдельных звуков в словах — проблема, актуальная для инофонов длительное время в связи с фонетическими особенностями языков. После аудиторной работы студенты самостоятельно учат стихотворения наизусть и на следующем занятии рассказывают. Среди поэтических текстов нами используются «Я только раз бывала в рукопашном» Ю. Друниной,

«Жди меня» К. Симонова, «Мужество» А. Ахматовой и другие. Через личное выразительное чтение этих произведений русской поэзии в памяти инофонов остаются идеи, что война — это боль на всю жизнь, что спасает любовь, а для сохранения «великого русского слова» русский человек готов на все.

Послетекстовый этап работы с темой войны — это групповая проектная деятельность студентов. Проект называется «Мои любимые песни о Великой Отечественной войне». Инофоны самостоятельно слушают песни на изучаемую тему и выбирают 3 наиболее понравившихся — те, которые они слышали впервые. Затем рассказывают истории создания музыкальных произведений, анализируют художественные достоинства, идеи и образы, предварительно самостоятельно подготавливая соответствующий материал. Как правило, туркмены выбирают «Темную ночь», «Вечный огонь» («От героев былых времен»), «В землянке», «Синий платочек», «Журавли», «Весна сорок пятого года», «Священная война», «Прощание славянки».

Таким образом, в системе изучение темы «Русская литература о Великой Отечественной войне» на занятиях с инофонами В. В. Быков является одним из ключевых авторов. Для туркменских студентов он интересен, повесть «Сотников» их трогает, она им понятна. Обсуждая повесть, нередко студенты делятся военными историями своих дедов и личным армейским опытом. Туркменам впечатляет рассказ об оккупации Псковской области. Впервые они узнают, что такое оккупация и кто такие партизаны, знакомятся с названиями оружия, бытовыми деталям сельской жизни и в целом расширяют свой лексический запас, кругозор. Во время знакомства с повестью В. В. Быкова «Сотников», как и подобными прецедентными текстами, акцентируется внимание на мировоззренческой общности России, Беларуси, Туркменистана, близости ценностей славянского мира другим народам.

Список использованной литературы

1. Вострякова Н. А. Тексты о Великой Отечественной войне в практике преподавания русского языка как иностранного // Мир русского слова. 2018. № 2. С.113–120.
2. Дзюба Е. В., Еремина С. А. Урок чтения на русском языке в иностранной аудитории: методический и методологический аспекты // Филологический класс. Екатеринбург. 2018. Т. 2. С. 109–117.
3. Пустовойт П. Г. Методология преподавания русской литературы иностранцам // Русский язык за рубежом. 1977. Т. 5. С. 57–62.
4. Рагулина Э. С. Формирование коммуникативной компетенции у иностранных учащихся на занятиях по РКИ посредством использования аутентичного художественного текста // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. №3 (51). [Электронный ресурс]: URL: <https://goos.su/WiJv> (дата обращения: 19.02.2022).

Об авторе

Лищенко Надежда Федоровна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного, кандидат филологических наук; nadezhdalishhenko@yandex.ru. Тел. +7 960 220-41-55.

Lisichenko N. F.
Pskov State University

V. V. Bykov in the System of Classes in Russian Literature with Foreign Speakers (Experience of Work with Turkmen Students)

The article analyzes the practical experience of studying the work of Vasil Vladimirovich Bykov in Russian Literature classes with foreign students from Turkmenistan. The paper describes a system of classes on the topic “Russian Literature about the Great Patriotic War at three stages: pre-text, text and post-text”. The author pays special attention to the techniques, methods and principles of studying the works of V. V. Bykov in a foreign audience.

Keywords: Russian literature, methodology, V. V. Bykov, “Sotnikov”, Russian as a foreign language (RFL), the Great Patriotic War, common values

About the author

Lisichenko Nadezhda Fedorovna — Pskov State University (PskovSU), Associate Professor of the Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Candidate of Philological Sciences; nadezhdalishhenko@yandex.ru. Tel. +7 960 220-41-55.

Медиатекст как инструмент функционирования конвергентных средств массовой коммуникации

В статье рассматривается медиатекст, функционирующий в современных конвергентных средствах массовой коммуникации и выступающий одним из основных понятий медиалингвистики. Описываются его структурно-композиционные характеристики, а также особенности содержания, которые отражаются посредством репрезентации в нем ряда дискурс-категорий. Отмечается, что в конвергентных СМК медиатекст представляет собой мультимедийный коммуникативный продукт, включающий как вербальный компонент, так и невербальные составляющие, и использующий в содержании элементы разных способов или каналов передачи информации.

Ключевые слова: медиалингвистика, медиатекст, гипертекст, мультимедийный коммуникативный продукт, дискурс-категории, конвергентные СМК.

Медиалингвистика находится между лингвистикой как общей теорией языка и наукой, изучающей средства массовой информации [12]. Предметом этой дисциплины является исследование функционирования языка в сфере массовой коммуникации [5], выступающей самостоятельным социальным институтом, в рамках которого выделяется медийный дискурс. Ключевым его понятием является *медиатекст*. Медиатексты распределяются по разным жанровым группам, каждая из которых обладает своими лингвистическими и структурно-содержательными характеристиками.

Изучение медиатекстов, специфики их производства и распространения, воздействия на читателей, а также восприятия различными аудиториями является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки будущих журналистов в рамках университетского образования.

В медиатексте рассматриваются разные его компоненты, характеристики, уровни и др. с учетом языковых и экстралингвистических особенностей различных дискурсивных практик. Это могут быть, «влияние способов создания и распространения медиатекстов на их лингво-форматные особенности, вопросы функционально-жанровой классификации, фонологические, синтагматические и стилистические характеристики, интерпретационные свойства, культурные признаки, идеологическая модальность, прагмалингвистическая ценность» [12, с. 611].

В фокусе наших исследовательских интересов находятся медиатексты, функционирующие в конвергентных средствах массовой коммуникации в разных журналистских практиках. Благодаря появлению информационных технологий, развитию интернет-журналистики и, как следствие, возникновению конвергентных СМК, традиционный журналистский текст изменяется и трансформируется именно в медиатекст, приобретая таким образом иные формальные и содержательные черты, функции и др. Отметим, что конвергенция в журналистике представляет собой сближение разнородных электронных технологий, взаимопроникновение информации между различными каналами ее передачи, что способствует смене традиционного мономедийного формата на мультимедийный.

Каждый медиатекст появляется не случайно. Его создание, наряду с намерениями автора и политикой редакции, обусловлено картинами мира, комплексами знаний, ценностями, культурными стандартами, что в совокупности делает возможным реализацию одних текстов и исключение других [9], «то, что изображается и о чем повествуется в медийном тексте, — это не прямое отражение действительности, а, скорее конструктор, результат когнитивной и коммуникативной деятельности журналиста» [9, с. 200]. По мнению Е. Ю. Баженовой, медиатексты создают медийную картину мира, под которой понимается «ментальная модель действительности в сознании автора и адресатов, возникающая в результате информационной деятельности социума, итог воздействия текстов СМИ на когнитивные структуры знания потребителя массовой информации» [1, с. 4–5].

Медиатекст, как продукт конвергентных СМК, представляет собой *гипертекст*, объединяющий множество разных текстов, имеющих гиперссылки (внутренние и внешние), выводящие читателя в крупнейшее информационное пространство. Гипертекстуальность, по мнению многих исследователей (О. И. Карпенко, Е. В. Костенко, Л. К. Лободенко, М. М. Лукина, Л. П. Шестеркина, П. И. Сергиенко

и др.), являясь основной характеристикой интернет-журналистики, обозначает взаимосвязь новостного сообщения с другими текстами, видео- или фотоматериалами и реализуется при помощи гиперссылок.

А. А. Калмыков под гипертекстом понимает целостный текст, который содержит смыслы, раскрывающиеся при прочтении через произвольную актуализацию связей с другими текстами и с текстом социокультурной реальности [8]. Исследователь О. В. Дедова определяет гипертекст как «нечто превосходящее и по принципам своей организации, и по своей информационной сущности текст, понимаемый как феномен, чья обособленность от других текстов в той или иной степени интуитивно осознается всеми». В результате гипертекст «обозначает собой некое информационное пространство, позволяющее разрушить формальную обособленность отдельного конкретного текста, в него помещенного, за счет создания связей, служащей объединению этих отдельных текстов в сверхтекстовые единства» [3, с. 47]. В. И. Ивченков подчеркивает, что «в современном понимании онтологические и функциональные признаки текста пополняются базовой характеристикой, обеспечивающей нелинейное расширение: гипертекстуальностью как воплощением смыслообразующего единства супер-, супра-, интер-, интрасегментных структур, объединяющих в себе неопределенное количество текстов (в силу их чрезвычайно активного воспроизводства) и позволяющих реализовать множество вариантов чтения, а также требующих одновременности восприятия и мышления» [7, с. 139].

Большинство исследователей в области гипертекста также выделяют в качестве его ведущего дифференциального признака нелинейность. Данная особенность предполагает «наличие иной, отличной – от традиционного письменного текста — структуры, поддерживаемой сложной системой межтекстовых переходов. И эта структура <...> материализована и является существенной стороной авторского замысла» [3, с. 54]. Присутствие мультимедийности в гипертексте проявляется в поликодовости сообщения, сочетании различных способов представления информации: вербального текста, аудио, видео, графики, анимации.

Наряду с вышеназванными характеристиками гипертекст обладает свойством интерактивности, которая реализуется через активное читательское воздействие на структуру текста и лежит в основе навигации, а также проявляется в возможности реализации ответных реакций. Интерактивность может трактоваться широко, и в этом случае данное свойство предполагает любую возможность читательского воздействия на текст; в узком понимании интерактивность подразумевает возможность сотворчества, другими словами, это порождение собственного текста воспринимаемому [3].

Репрезентация всех категорий гипертекста «ведет к изменению авторской деятельности», поскольку он «утрачивает такие традиционные способы выражения своих интенций, как композиция, начало и конец произведения (в их традиционных формах), более условной становится авторская суверенность» [4, с. 385], в то же время у автора появляются мгновенные межтекстовые переходы, а также включение в текст высококачественных изображений, видео, звука и др.

Итак, гипертекст представляет собой нелинейный разветвляющийся текст, позволяющий аудитории самостоятельно выбирать путь чтения и таким образом конструировать собственный текст (выбирая соответствующую ссылку). «Это модель организации электронного текста, характеризующаяся специфической структурированностью и разветвленной системой программно поддерживаемых внутритекстовых и межтекстовых переходов, предполагающая возможность читательского интерактивного воздействия на последовательность воспроизведения композиционных единиц» [3, с. 80]. Гипертекст, являясь ключевым понятием и продуктом медийного дискурса конвергентных СМК, выступая посредником между журналистом и аудиторией, содержит и, соответственно, транслирует определенную информацию. В зависимости от цели и коммуникативной установки гипертексты продуцируются в той или иной форме или в каком-то соответствующем жанре. Подчеркнем, что конвергенция повлияла на жанры СМК, на их видоизменение, переформатирование, а также появление новых.

Конвергентные СМК оперируют понятием *мультимедийный продукт* или *конвергентный жанр*, т. е. это продукт коммуникативной деятельности, который включает в себя черты разных жанров традиционных СМИ, в нем используются мультимедийные средства передачи информации, графическая и визуальная информация. Специфика мультимедиаязыка, по мнению А. А. Грабельникова, заключается в сочетании различных форм — визуальных, текстовых, графических, аудиовизуальных, которые дополняют друг друга и делают информацию наиболее эффективной и действенной. Мультимедийные СМИ подают информацию разнообразно, «фасуют и переупаковывают её в соответствии с запросами аудитории, для лучшего восприятия, усвоения и понимания информации. И создают, таким образом, новые жанровые формы» [2, с. 79].

Когда речь идет о конвергенции и, соответственно, о конвергентных процессах в журналистике, то наряду с этим понятием используется термин «мультимедийность». Для одних ученых это синони-

мы, другие воспринимают их как отдельные термины. Так, коммуникативисты дифференцируют медиаконвергенцию и мультимедийность. Конвергенция средств массовой информации, как они полагают, стимулирует появление новых жанров и способов подачи информации, в то время как мультимедийность носит прикладной характер и является одним из проявлений процесса конвергенции. Кроме того, особенностью конвергентных медиа является *интерактивность* — наличие обратной связи с аудиториями, а также *трансграничность* — открытость для любого пользователя вне привязки к конкретному географическому пространству.

В интернет-журналистике для передачи информации используются различные знаковые системы и их выразительные средства: устная и письменная речь, звук, видеоизображение и др. «В интернет-пространстве у журналиста появляется возможность создать полиформатное пространство события в виде мультимедийной истории, структурирующей смыслы в нелинейной и поликомпонентной композиции текста» [11, с. 119]. В таком случае наряду с вербальным дискурсом рассматривается и невербальный дискурс, который обеспечивает, с одной стороны, «передачу, получение и усвоение массовой информации в соответствии с задачами и намерениями журналиста», а с другой, — с учетом потребностей и специфики массовой аудитории [11, с. 119].

Е. М. Пак, рассматривая жанры через виртуальную среду их обитания — веб-среду, оказывающую влияние на их характеристики и функционирование, вводит в научный оборот категорию «веб-жанр», под которым понимает «динамично развивающуюся структуру, внутри которой существуют свои внутренние и внешние связи» [10, с. 60]. По мнению автора, веб-жанры сетевых изданий имеют те же отличительные признаки, что и печатные жанры: предмет отображения; целевую установку (функцию) отображения, по-другому, создание наглядной модели исследуемого явления; методы отображения (рационально-познавательный и художественный); масштаб охвата действительности и масштаб выводов и обобщений; характер литературно-стилистических средств. Описывая характеристики веб-жанров, Е. М. Пак, как и большинство исследователей в области конвергентной журналистики, выделяет такие из них, как гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, диалогичность, виртуальность (интернет-пространство превращается в универсальную социокультурную и коммуникативную среду, в которой запускаются механизмы визуализации социальности, что, в свою очередь, порождает новую, не существующую ранее действительность); мозаичность / клиповость; коннотативность (проявление дополнительных черт, оттенков, содержательных характеристик в структурно-содержательной морфологии текстов); синтетичность жанровых форм [10, с. 62].

Таким образом, медиатекст в современных конвергентных СМК — это коммуникативный продукт, включающий как вербальный компонент (текстовую реализацию сообщения), так и невербальные составляющие (визуальный, иллюстративный материал) и использующий в своем содержании элементы разных способов / каналов передачи информации (видео- или аудиотрансляция контента). Стоит отметить, что в электронных средствах массовой коммуникации по-разному репрезентируются вербально-изобразительные и мультимедийные средства: в каких-то из них акцент больше сделан на текстовую составляющую, в других, наоборот, применяются разнообразные визуальные и мультимедийные технологии наряду с текстом. В данном случае правомерно говорить о свойстве и степени *креолизации* медиатекстов. Напомним, что креолизованный текст сочетает в себе вербальные и невербальные (изобразительные, иконические) средства передачи информации, которые в комплексе обеспечивают его целостность, связность, завершенность и достижение автором поставленной цели. Сегодня медиатекст — это не только линейная последовательность вербальных знаков, а семиотически усложненный, креолизованный мультимедийный продукт коммуникации, который, наряду с классическими характеристиками, функциями и свойствами текста, приобретает новые качества и форматы, особенности содержания и воспринимается аудиторией по-другому за счет такого процесса, как конвергенция. Это уже не просто сукцессивное восприятие информации, а многомерное, многовекторное, simultанное. Читатель сам может выстроить «путь» получения информации из медиатекста, двигаясь в определенном направлении, и таким образом конструировать собственный текст.

Как уже было отмечено ранее, исследование медиатекста затрагивает разные его стороны, в частности, реализацию в содержании интра- и экстралингвистических особенностей, отраженных через определенные дискурс-категории, которые имеют непосредственное отношение, с одной стороны, к участникам коммуникации и их взаимоотношениям друг с другом (что выражается в репрезентации субъект-субъектных отношений). С другой — к пространственно-временным характеристиками особенностям ситуации, в рамках которой осуществляется эта коммуникация, что отражается в репрезентации субъект-предметных отношений (то, с чем взаимодействуют коммуниканты, как они к этому относятся). Кроме того, дискурс-категории отражают связь с другими текстами или событиями, кото-

рые присутствуют в авторском сообщении. Иными словами, дискурс репрезентирует определенную реальную ситуацию (или дискурсивную практику), которая отражается в нем посредством языкового кода. Кратко остановимся на этих категориях.

Категория «аудитория» определяет коммуникативное взаимодействие автора и адресата через текст. Она показывает, как пишущий называет адресата, как обращается к читателям, какое речевое поведение выбирает для общения с ними; какую тематику предлагает для обсуждения; на какие данные, факты, статистику, примеры ссылается для передачи соответствующей информации. Кроме того, речь идет о визуальных средствах (иллюстрации, схемы, фотографии, включение видео- и аудиоматериалов в основной текст) и средствах форматирования, применяемых в конвергентных СМК для взаимодействия с аудиторией.

Поскольку разную аудиторию интересует различная тематика, то автору необходимо знать читателя и предвидеть его реакцию: учитывать социальный статус коммуникантов, их половозрастные характеристики, культурный и образовательный уровни, самооценку и представления о своей роли и возможностях в социуме. Журналист создает текст не для себя, а рассматривает, как он будет воспринят пользователями. Таким образом, можно сказать, что читатель выступает своеобразным соавтором любого текста и его учет влияет на выбор жанра и соответствующий стиль, а также на его композиционную структуру.

На восприятие и понимание смыслов, заложенных в медиатекстах, обращает внимание Е. В. Прасолова, которая утверждает, что «в ситуации осмысления аудиторией события, рассказанного журналистом в мультимедийной истории, читатель становится активным интерпретатором текста, который воспринимает текстовые смыслы комплексно через различные органы восприятия: зрительно и на слух, разумом и через чувство» [11, с. 120]. В этой связи у пользователя активизируются не только его мыслительные способности, но и весь предшествующий опыт, как рациональный, так и чувственный, эстетический, по-другому, расширяется понятие интертекстуальности [11].

При создании любого текста автор учитывает, что у его потенциального получателя есть определенный запас фонового знания, поскольку без данного знания понимание информации будет различным. Кроме того, общедоступным должен быть смысл входящих в дискурс высказываний, которые продуцирует автор и далее извлекает из текста читатель. Это свойство является существенным, поскольку информация в тексте должна быть воспринята однозначно и вызвать эффект, которого добивался отправитель, а именно произвести изменения в знаниях, в системе взглядов, отношений и оценок или в поведении.

Дискурс-категория «коммуникативная установка» текста основывается, как отмечает В. И. Ивченков, на вербальных актах, которые порождаются журналистами и далее интерпретируются уже получателями информации на уровне глубинных структур, универсально-предметного кода мышления, т. е. на уровне универсальных схем смыслопорождения. Автор пишет, что коммуникативность текста обусловлена ситуативной конкретностью, пресуппозицией, национально-культурными традициями и самим типом коммуникации [6]. Порождая текст, пишущий нацелен на определенную аудиторию, на общение с ней и, таким образом, преследует соответствующую цель: проинформировать, повлиять, развлечь, объяснить, вызвать ответную реакцию и др. В продуцируемых текстах СМК журналист может реализовать различные коммуникативные установки: дать характеристику описываемой ситуации; сформировать определенное мнение у читателей; воздействовать на их эмоциональную и интеллектуальную сферы; создать комический эффект; выразительно передать информацию; сделать критическое замечание и др. Актуализировать (декодировать) данную категорию из медиатекста возможно после прочтения и анализа всего сообщения. Иногда коммуникативная установка может быть реконструирована из заголовка публикации.

Категория «самоидентификация» (адресант) показывает, как автор репрезентирован в тексте через знаковую номинацию или ту информацию, на которую он ссылается в тексте. Отметим, что это может быть отдельный субъект или коллективный автор (два и более журналиста). Адресант может быть отражен в тексте имплицитно или эксплицитно, и это определяется жанром — информационное сообщение или аналитический текст. В информационных текстах основной акцент делается на передачу новости, события, факта без комментария со стороны журналиста, соответственно, автор репрезентирован имплицитно, т. е. через соответствующую подачу информации, мнений и цитат, на которые он ссылается, статистических данных и др. Если же речь идет об аналитическом материале, в котором уже в какой-то степени присутствует мнение пишущего и которое выражается при помощи языковых средств (личных местоимений, оценочных вводных конструкций и др.), то автор эксплицитно реализуется в тексте, и аудитория понимает его отношение и оценку к освещаемому событию. Эффективность общения коммуникантов (адресата и адресанта) во многом зависит от их взаимосвязи и взаимодействия, сходством их ментальных установок, отношений к действительности, схожей языковой и речевой картинами мира и др.

Категории «пространство» и «время» сопровождают любую коммуникативную ситуацию, или дискурсивную практику. Они играют важную роль в процессе познания окружающей действительности, оказывают влияние на формирование картины мира индивида, а это, в свою очередь, фиксируется в системе языка при помощи определенных слов-маркеров. Категория «пространство» отражает, как адресант проецирует коммуникативное событие в пространственном контексте: репрезентирует его в пределах страны, региона, города или мира в целом. Выбирая определенные пространственные рамки описываемого события, адресант тем самым имплицитно формирует к себе отношение со стороны адресата, позволяя ему оценить авторскую компетентность и заинтересованность в освещаемой информации. Дискурс-категория «время» может быть рассмотрена, с нашей точки зрения, с позиции двух подходов. С одной стороны, речь идет о временном контексте описываемого события — говорится ли о нем в настоящем или в прошедшем времени, либо событие рассматривается в разном временном контексте и почему именно так, а не иначе. Другими словами, новость может иметь отношение к текущему времени, или же в дискурсе автор рассказывает о событиях, которые уже произошли какое-то время назад, но по определенным причинам журналист возвращается к ним, сообщает или анализирует эти события, или вообще в сообщении речь идет о других исторических фактах. С другой стороны, в рамках категории «время» выделяются субкатегории *оперативность*, *периодичность* и *регулярность*. Субкатегория «оперативность» (своевременность и скорость предъявления информации) играет очень важную роль в системе конвергентных СМК, поскольку от того, как быстро и своевременно будет представлена информация, зависит рейтинг соответствующего медиа и доверие к нему.

Учитывая тот факт, что продуктом конвергентных медиа выступают мультимедийные жанры, то категория «интертекстуальность» является их неотъемлемой характеристикой. Она предполагает расширение содержательного потенциала дискурса с помощью включения в него других текстов: цитат, пословиц, гиперссылок на разные текстовые источники, иллюстраций, видеоматериалов и др., которые конкретизируют содержание, делают его разнообразным, более интересным, привлекают внимание потенциальной аудитории и позволяют, таким образом, получить ей полное представление об освещаемом событии. Посредством данной категории, как мы полагаем, раскрывается и отношение автора к аудитории, поскольку от того, на какую информацию он ссылается или использует, например, для цитирования, зависит факт взаимодействия коммуникантов и, соответственно, учет и репрезентация аудитории в сообщении. Авторы в своих публикациях ссылаются на мнения участников события, чтобы всесторонне и объективно осветить событие, сообщаемую новость и др., чтобы «звучать» непредвзято, передавая информацию из «первых рук».

Категория «интерсобытийность» означает использование в дискурсивной практике отсылок к другим событиям. Имеется в виду, что автор связывает центральное событие с другими фактами или явлениями, которые непосредственным образом соприкасаются с ним, предшествовали освещаемому или будут каким-то образом связаны с главным событием. Такое представление материала в конвергентных СМК способствует лучшему пониманию новости, ее более адекватному и всестороннему освещению. Данная категория имплицитно репрезентирует отношения между коммуникантами. Автор, принимая во внимание особенности предполагаемой аудитории (пол, возраст, образование и др.), выбирает соответствующую дополнительную информацию, чтобы донести ее читателю и сделать доступной для восприятия и понимания.

Дискурс-категория «интерсубъектность» напрямую связана с участниками коммуникативного процесса. С одной стороны, речь идет о взаимодействии автора и аудитории, как основных коммуникантов определенного события, с другой стороны, имеются в виду все субъекты, которые задействованы в коммуникативном событии или имеют отношение к освещаемому: данные субъекты называются, о них что-то сообщается в тексте; объясняется, как эти лица связаны друг с другом и какое отношение имеют к ситуации; кроме того, имплицитно или эксплицитно определяются их коммуникативные роли в соответствующем контексте; проявляется их отношение к событиям и др.

Интралингвистический компонент дискурса реализуется через категорию «стилистический диапазон». Автор текста не только проецирует себя, аудиторию, выстраивает свое взаимодействие с читателями, но также использует определенный языковой код для освещения события. Несмотря на то, что каждый журналистский жанр имеет свои языковые особенности, адресант привносит в него что-то индивидуальное, которое реализует средствами используемого языка. Суть данной категории заключается в использовании в медиатекстах определенного стилистического регистра, то есть лингвистических средств, позволяющих передать коммуникативную ситуацию с учетом всех ее характеристик и составляющих. Эта категория отражает, кроме того, свойства целостности и связности медиатекстов, системности и завершенности.

Таким образом, рассмотренные характеристики медиатекста в конвергентных средствах массовой коммуникации отражают его структурно-содержательную специфику, которая принимается во внимание в процессе обучения будущих медиаспециалистов в контексте университетского образования, что способствует осуществлению эффективной коммуникации в профессиональной сфере.

Список использованной литературы

1. Баженова Е. Ю. Дискурсивные стратегии представления информации в новостных текстах британских СМИ: на материале качественных интернет-газет: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Благовещенск, 2015. 181 с.
2. Грабельников А. А. Особенности конвергентной журналистики // Вестник университета Российской академии образования. 2013. № 3. С. 79–83.
3. Дедова О. В. Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. М., 2006. 253 с.
4. Дедова О. В. О понятии гипертекстуальности // Филология и коммуникативные науки: учеб. пособие / Под общ. ред. А. А. Чувакина. М., 2015. С. 382–385.
5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
6. Ёчанкаў В. І. Медыярыторыка: рытарычныя асновы журналістыкі, лінгвістыка публіцыстычнага тэксту, дыскурсны аналіз сродкаў масавай інфармацыі: курс лекцый. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2009. 280 с.
7. Ивченков В. И. Новые модели коммуникации и стилистические приоритеты современного медиадискурса // Медиалингвистика. 2019. Т. 6. № 1. С. 135–144.
8. Калмыков А. А. Интернет-журналистика в системе СМИ: становление, развитие, профессионализация: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. М., 2009. 362 с.
9. Кожемякин Е. А. Медиакритика и дискурс-анализ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 18, вып. 7. С. 198–203.
10. Пак Е. М. Жанрообразование в сетевых СМИ: творческие и технологические факторы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. СПб., 2014. 261 с.
11. Прасолова Е. В. Мультимедийная история: особенности восприятия массовой аудиторией // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия Литературоведение. Журналистика. 2016. № 1. С. 118–125.
12. Таюпова О. И., Бычкова Н. В. Медиалингвистика как современное научное направление // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. № 1. С. 610–615.

Об авторе

Луцинская Ольга Владимировна — Белорусский государственный университет (БГУ), заведующий кафедрой международной журналистики, кандидат педагогических наук, доцент; olgalu805@gmail.com. Тел. +375 (29) 311-15-87.

Lushchinskaya O. V.
Belarusian State University

Media Text as a Functioning Tool of Convergent Media

The article considers a media text which functions in contemporary convergent media. It is one of the main notions of medialogistics. Its structural characteristics as well as the peculiarities of content revealed through the representation of discourse categories are described. It is stated that in convergent media a media text is a multimedia communicative product which includes both verbal and non-verbal components and uses in its content the elements of different ways or channels of information transmission.

Keywords: medialogistics, media text, hypertext, multimedia communicative product, discourse categories, convergent media.

About the author

Lushchinskaya Olga Vladimirovna — Belarusian State University (BSU), Head of the Department of International Journalism, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; olgalu805@gmail.com. Tel. +375 (29) 311-15-87.

Лытаева М. А.
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Маслова Г. Г.
Псковский государственный университет
galenamas@mail.ru
Соловьева И. О.
Псковский государственный университет
solov_io@mail.ru

Программа двойных дипломов российских вузов: Что делать? Кому выгодно?

В статье представлены промежуточные результаты разработки программы двойных дипломов, реализуемой ФГАОУ ВО «Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» и ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет». Авторы рассматривают основные направления совместной деятельности по реализации сетевой образовательной программы и делают выводы о её преимуществах для партнерских образовательных организаций.

Ключевые слова: сетевая образовательная программа, программа двойных дипломов, образовательные модули, лучшие практики.

Роль сетевых программ на разных уровнях образования возрастает в период последнего десятилетия. Сетевые образовательные программы разрабатываются и реализуются во многих вузах. В «Программе развития Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Псковский государственный университет» на период 2021–2030 гг.» создание сетевого университета на территории северо-западного приграничья для обеспечения научно-образовательного сотрудничества определяется в качестве ведущей цели, а магистерская программа по направлению 44.04.01 «Педагогическое образование», профиль «Педагогическая деятельность в условиях изменений» приводится в качестве первой образовательной программы вуза, реализуемой в формате сетевой программы двойных дипломов с НИУ ВШЭ [1]. Чем же так привлекают сетевые образовательные программы (СОП), и какие преимущества они предоставляют образовательным организациям?

Статья 15 Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ; редакция от 05.12.2022) определяет сетевую форму реализации образовательных программ как «возможность освоения обучающимся образовательной программы ... с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, включая иностранные, а также при необходимости с использованием ресурсов иных организаций» [2]. Разработка и реализация СОП — серьезная и сложная работа. Однако вузы направляют усилия на создание сетевых программ, поскольку они обладают целым рядом преимуществ: повышение качества образования, расширение доступа обучающихся к современным образовательным технологиям и средствам обучения, формирование актуальных компетенций, более эффективное использование имеющихся образовательных ресурсов и др. [3]. Наряду с преимуществами реализация СОП поднимает вопросы, решения которых еще не найдены: распределение ролей между партнерами и финансирование, требования резиденции, проблема уровня подготовки обучающихся и др. [3]. Осознавая, что остаются вопросы, касающиеся правового регулирования сетевых образовательных программ, авторы статьи остановятся на собственном опыте реализации СОП и выводах о её преимуществах для вузов-партнеров: НИУ ВШЭ и ПсковГУ.

Необходимо отметить, что опыта реализации сетевых программ двойных дипломов мало даже в масштабах страны, и механизмы взаимодействия партнеров в рамках СОП данной модели до сих пор активно обсуждаются [4]. В связи с этим, реализация подобной программы невозможна без высокой степени доверия между партнерами, которое развивается через совместную деятельность, начало которой было положено в 2019 году, когда в Псковский государственный университет прибыла команда НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва) под руководством профессора А. Г. Каспаржака. В формате

повышения квалификации преподавателей и сотрудников ПсковГУ было налажено первичное взаимодействие, впоследствии приведшее к совместному участию в реализации проекта «Разработка образовательных программ высшего образования с привлечением НПП из университетов, входящих в топ-200» (по договору с ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»).

Успешный опыт совместной деятельности послужил отправной точкой для развития взаимодействия на новом уровне: разработке и реализации сетевой образовательной программы. Выбор направления (Педагогическое образование) был обусловлен удачным сочетанием опыта и инновационной деятельности партнеров. Так, ПсковГУ занимается подготовкой учителей и преподавателей для всех уровней образования в течение уже более 90 лет и имеет сложившиеся традиции и репутацию в данной сфере на Северо-Западе Российской Федерации. НИУ ВШЭ, со своей стороны, входит в число наиболее эффективных российских вузов по всем реализуемым направлениям и является ведущим центром исследований в области образования, что даёт вузу возможность брать на себя ответственность внедрять наиболее инновационные в глобальном аспекте тенденции общего и профессионального образования. Таким образом, диалектически взаимосвязанные традиции и новаторство должны были предопределить эффективность совместно разработанной и реализуемой образовательной программы. И хотя СОП реализуется только второй год, первый совместный выпуск состоится в июне 2022 года, совместная работа партнеров уже привела к определенным результатам.

В ходе разработки концепции сетевой программы были согласованы образовательные результаты, учебные планы, содержание дисциплин, кадровый состав преподавателей. В качестве основы была выбрана модель образовательной программы НИУ ВШЭ, в центре которой практико-ориентированное обучение, реализующееся, в первую очередь, через профессиональную педагогическую деятельность. Иначе говоря, обучающиеся постоянно находятся в режиме рассредоточенной производственной практики, рефлексирова и обобщая свой практический опыт на учебных занятиях в рамках обязательных и элективных дисциплин, а также в рамках ключевых семинаров: семинар наставника, проектный семинар и научно-исследовательский семинар.

Следует отметить, что содержание программы представлено тремя модулями: мировоззренческим, инструментальным и исследовательским. В мировоззренческий модуль входят базовые для педагога дисциплины, формирующие значимую для педагогической деятельности и личностного развития картину мира: «Возрастная психология и образование», «История педагогической культуры», «Универсальные компетенции и новая грамотность». Инструментальный модуль содержит дисциплины, позволяющие освоить приемы, стратегии и практики преподавания: «Практическая педагогика», «Психолого-педагогические техники», «Педагогический дизайн», «Контроль и оценивание в образовании», «Цифровые технологии в обучении». Исследовательский модуль представлен дисциплиной «Методология научного исследования» и научно-исследовательским семинаром, охватывающим введение в исследования в области образования, количественные и качественные методы в образовании, анализ и разработку учебных материалов. В процессе обучения, как по обязательным, так и по элективным дисциплинам активно используются технологии группового взаимодействия и рефлексивные технологии, что способствует формированию особой интерактивной образовательной среды.

Государственная итоговая аттестация осуществляется через представление результатов исследовательской деятельности студентов, которые свободны в выборе темы. Выпускная квалификационная работа рассматривается как двухлетний проект, теоретическая часть которого защищается в виде курсовой работы в конце первого года обучения. В течение второго года обучения теоретическая часть развивается и обогащается практическим опытом, что в конце учебного года подводит к защите ВКР.

Реализация сетевой программы двойных дипломов основывается на тесном сотрудничестве, в первую очередь, разработчиков образовательной программы и включает целый ряд направлений. Так, НИУ ВШЭ участвует в разработке и анализе рабочих программ дисциплин через семинары и мастер-классы с преподавателями ПсковГУ, а также через валидацию контрольно-измерительных материалов. Большую роль в эффективной реализации программы играют стажировки руководителей программы из ПсковГУ в Институте образования ВШЭ. Удачно выбранный формат стажировки предоставляет возможность партнерам из ПсковГУ участвовать в ежегодных семинарах для преподавателей, задействованных в реализации ОПОП ВШЭ. Такое погружение в содержание программы дает возможность глубже осознать ее концепцию, содержание, принципы, подходы к оцениванию образовательных результатов.

Ещё один важный компонент, отражающий соответствие подходов к определению качества реализуемой программы — включение в учебный план магистратуры ПсковГУ как минимум шести дисциплин в формате массовых открытых онлайн-курсов: «Возрастная психология и образование»,

«Практическая педагогика», «Педагогический дизайн», «История педагогической культуры», «Индивидуальные образовательные траектории», «Универсальные компетенции и новая грамотность». Партнеры выбрали регламент, при котором студенты ПсковГУ прослушивают записи лекций, выполненных преподавателями ВШЭ в рамках разработанных онлайн-курсов, знакомятся с рекомендуемыми источниками, выполняют тестирование к лекционному курсу, а практические занятия по дисциплине ведут преподаватели ПсковГУ. При этом оценка по дисциплине выставляется преподавателем Псковского госуниверситета с учетом результатов экзамена с прокторингом, организованного ВШЭ. Такой регламент дает возможность взаимодействия преподавателей сходных дисциплин вузов-партнеров, что гарантирует качество образовательного процесса и укрепляет доверие между партнерами.

В рамках ОПОП «Педагогическое образование» на базе ВШЭ есть замечательная традиция – методическая «Мастерская учителя». Два раза в месяц студенты имеют возможность в формате видеоконференцсвязи встретиться с самыми опытными, известными учителями, учеными и экспертами в области образования. Тематика мастерских охватывает широкий спектр вопросов, от реализации ФГОС, многогранности профессии учителя, в том числе в цифровую эпоху, до обсуждения вопросов «Зачем школе СМИ?» или «Почему дети не хотят учиться?». В процессе обсуждения даются практические рекомендации, которые обогащают методическую копилку обучающихся.

В результате всего вышеизложенного ответ на вопрос «Кому выгодно?» становится определенным. Бенефициарами реализации сетевой программы являются обе образовательные организации. В первую очередь следует отметить безусловное преимущество программы для студентов ПсковГУ — возможность получения дипломов магистров двух университетов-партнеров. Помимо этого, для ПсковГУ разработка сетевой образовательной программы способствует профессиональному развитию научно-педагогических работников, которые осваивают новое содержание образования и инновационные педагогические и цифровые технологии обучения. Сотрудничество с таким передовым научно-исследовательским университетом как ВШЭ оказывает большое влияние на овладение эффективными подходами к организации научно-исследовательской деятельности студентов и ведет в перспективе к более тесному сотрудничеству НПП в сфере научных исследований. Важным фактором повышения качества реализуемой программы является использование ресурсов НИУ ВШЭ, как с точки зрения кадрового потенциала, так и в плане библиотечных ресурсов.

Если для Псковского университета плюсы реализации сетевой программы с вузом-лидером высшего образования неоспоримы, то выгодоприобретение для НИУ ВШЭ может казаться, на первый взгляд, спорным. Однако это не так. В поиске оптимальных вариантов сотрудничества, а передовой университет участвует в реализации сетевых программ с различными отечественными и зарубежными вузами, ВШЭ приобретает новый опыт в разработке сетевой образовательной программы, что способствует систематизации и разработке механизмов реализации СОП на федеральном уровне. В процессе сотрудничества ВШЭ не только тиражирует свои лучшие практики, но и содействует знакомству и распространению лучших практик региональных вузов. Работая с партнерами в регионе, ВШЭ выходит на новые территории для распространения модели программы, а совместная работа по отбору содержания, технологий и способов оценивания в рамках отдельных дисциплин повышает качество реализации собственной образовательной программы. Важно также отметить, что за счет сетевой программы расширяется объем проектной деятельности, что предполагает получение студентами обеих образовательных организаций опыта взаимодействия и расширяет их картину мира.

Однако самый главный выгодоприобретатель – школы Псковской области, штат которых благодаря магистерской программе «Педагогическая деятельность в условиях изменений» пополнится учителями, владеющими современными технологиями обучения, осознающими необходимость вносить существенные изменения в учебный процесс и формы взаимодействия с учениками, способными учить детей и учиться вместе с ними.

Список использованной литературы

1. Программа развития федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Псковский государственный университет» на период 2021-2030 гг. Псков, 2021. [Электронный ресурс]: URL: <https://goo.su/xXML> (дата обращения: 12.11.2022).
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ; редакция от 05.12.2022). [Электронный ресурс]: URL: https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/ (дата обращения: 15.12.2022).

3. Сысоев П. В. Перспективы и проблемы реализации сетевых образовательных программ // Язык и культура. 2015. № 3 (31). С. 116–125. DOI 10.17223/19996195/31/12.
4. Ходырева Е. А. Особенности оценки качества реализации сетевых образовательных программ высшего образования // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 6. С. 57–66. [Электронный ресурс]: URL: <http://e-concept.ru/2019/191044.htm> (дата обращения: 12.11.2022).

Об авторах

Лытаева Мария Александровна — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), доцент департамента образовательных программ института образования.

Маслова Галина Геннадьевна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), доцент кафедры европейских языков и культур, кандидат педагогических наук, доцент; galenamas@mail.ru.

Соловьева Ирина Олеговна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), заведующий кафедрой математики и теории игр, кандидат педагогических наук, доцент; solov_io@mail.ru.

Lytaieva M. A.

Research University Higher School of Economics

Maslova G. G.

Pskov State University

Solovyova I. O.

Pskov State University

Double Degree Educational Program in Russian Universities: What to do? Who benefits from it?

The article presents the interim results of designing the double degree educational program which is being implemented by the National Research University «Higher School of Economics» and Pskov State University. The authors consider the basic trends of the partners' collaboration in implementing the program and make conclusions about its advantages for the both partner organizations.

Keywords: network educational program, double degree program, educational modules, best practices.

About the authors

Lytaeva Maria Aleksandrovna — National Research University «Higher School of Economics», Associate Professor of the Department of Educational Programs of the Institute of Education.

Maslova Galina Gennadievna — Pskov State University (PskovSU), Associate Professor of the Department of European Languages and Cultures, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; galenamas@mail.ru.

Solovieva Irina Olegovna — Pskov State University (PskovSU), Head of the Department of Mathematics and Game Theory, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; solov_io@mail.ru.

Попкова Л. М.

Псковский государственный университет

popkova.larisa@mail.ru

Медiateкст в фокусе экологии языка

В статье рассматриваются вопросы, связанные с использованием инвективной лексики в современных медiateкстах с точки зрения экологии языка, дается семантическая и стилистическая характеристика лексической конфликтогенной единицы ЧМО. Особое внимание уделяется ее лексикографическому портрету с опорой на толковые словари современного русского литературного языка и специальные словари жаргонной лексики, а также ее контекстуальному значению с учетом накопления этим словом инвективных характеристик в процессе функционирования в современных медiateкстах.

Ключевые слова: медiateкст, медиадискурс, экология языка, инвективная лексика.

Одной из важных проблем экологии русского языка (эколингвистики, лингвоэкологии) является проблема огрубления и обеднения русской речи, распространения сквернословия в публичных сферах речевого общения. Кризисное состояние русской языковой культуры обусловлено «тенденциями развития современного общества: появлением глобальных информационных систем, ускорением взаимопроникновения различных культур, глобализацией экономики» [10, с. 26]. Это приводит к разрушению единого языкового и культурного пространства.

Особенностью подхода к языковым явлениям в рамках экологии языка является их «социальная оценка с учетом исторических условий и тенденций развития данного языка, факторов системы и нормы, критериев социокультурного, политико-экономического, этического и эстетического порядка» [9, с. 207–208]. Защита языка и речи от негативных воздействий в медиадискурсе является одной из очень сложных задач.

Тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством радио, телевидения, газет и журналов, Интернета формируют публицистический [2, 5, 8], масс-медиаальный [3], массово-информационный [4, 6] дискурс. С позиций социолингвистики это институциональный статусно-ориентированный тип дискурса. Цель публичной коммуникации — не просто передавать информацию, но воздействовать на сознание адресата для достижения определенных задач и управления его поведением. Именно поэтому такой дискурс с учетом доминирующих в нем стратегий и тактик общения может быть охарактеризован как манипулятивный, провокативный, полемический, инвективный и др. По интенсивности воздействия его следует отнести к «персуазивному» (Лакофф) дискурсу (*persuasive* — «убедительный»).

В современных медiateкстах очень часто встречаются лексические языковые средства инвективного характера. Они могут находиться за пределами языковых норм современного русского литературного языка в силу своей неприличной формы или негативного содержания.

Проблемам инвективной лексики посвящено немало работ. В их числе работы по юридической лингвистике, выполненные такими авторами, как А. Н. Баранов, К. И. Бринев, Н. Д. Голев, М. А. Грачев, В. И. Жельвис, Е. С. Кара-Мурза, И. А. Стернин, Т. В. Чернышова и др. Защите языка и речи от негативных воздействий в медиадискурсе посвящены сборники научных статей: «Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации» [11]; «Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами» [7]; «Юрлингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка» [12] и др.

В качестве инвективных единиц в медиадискурсе часто используется жаргонная лексика. Об интересе к такой лексике свидетельствует факт появления большого количества лексикографических изданий. Это такие издания, как Большой словарь русского жаргона В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (БСРЖ); Толковый словарь Т. Г. Никитиной (Никитина), Словарь тысячелетнего арго: 27000 слов и выражений М. А. Грачева (Грачев); Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи В. В. Химика (БСРРЭР), Толковый словарь ненормативной лексики русского языка Д. И. Квеселевича (Квеселевич), Словарь молодежного сленга (СМС), Словарь современного русского города Б. И. Осипова

(ССРГ). В ряде случаев жаргонные лексические единицы находят свое отражение в толковых словарях современного русского языка. Например, в Современном толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова (ТСК), Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (СОШ).

Обратимся к примеру использования такой конфликтогенной лексической единицы, как слово *ЧМО*.

Толковые словари современного русского литературного языка в основном не содержат определений слова *ЧМО*. В отдельных словарях оно дается с пометой *жаргонное*.

Ср.: «**ЧМО. Жарг.** 1. Ничтожный, неприятный человек. 2. О том, что представляется ничтожным, отвратительным» (ТСК: 927).

Это означает, что слово **ЧМО** находится за пределами лексических норм литературного языка и функционирует исключительно в жаргонной речи.

По данным различных словарей жаргонов, слово **ЧМО** является многозначным и в разных жаргонных системах имеет разное значение.

Так, в *уголовном жаргоне* оно может обозначать грязного и забитого человека, допускающего свое безнаказанное унижение; неприятного, отвратительного человека; морально опустившегося, убогого, деградировавшего человека, подвергающегося издевательствам; может обозначать работника снабжения в ИТУ, а также выступать как оскорбление в адрес мужчины.

Ср.: «**ЧМО.** 1. Грязный и забитый человек, которого можно безнаказанно унижить. 2. Оскорбление в адрес мужчины» (Грачёв: 1028). «**ЧМО. Пренебр. угол. жрр.** 1. Неприятный, отвратительный человек. 2. **Арест.** мол. Морально опустившийся, убогий, деградировавший человек, подвергающийся моральным издевательствам. 4. Работник снабжения в ИТУ» (БСРЖ: 675).

В *армейском жаргоне* слово **ЧМО** означает деградировавшего, опустившегося в условиях дедовщины солдата.

Ср.: «**ЧМО, пренебр.** 3. **Арм.** Деградировавший, опустившийся в условиях дедовщины солдат» (Никитина: 806).

В *молодёжном жаргоне* слово **ЧМО** первоначально выступало как аббревиатура и могло расшифровываться по-разному: Человек, Мешающий Обществу. При чем тут Московская область? Человек морально опущенный. Помимо этого слово **ЧМО** обозначает неопрятного, не следящего за собой, не умеющего постоять за себя человека, ничтожество.

Ср.: «**1) Чмо** — неопрятный, не следящий за собой, не умеющий постоять за себя человек. **2) Чмо** — Человек, Морально Опущенный. **3) Чмо** — начальное значение — Человек, Мешающий Обществу. При чем тут Московская область? (СМС: ЭР).

«**ЧМО, презрит., молод.** Ничтожество» (ССРГ: 540).

В жаргонизированной речи в целом (без разграничения жаргонных подсистем) слово **ЧМО** употребляется в нескольких значениях: 1) неприятный, отвратительный человек; 2) морально опустившийся, убогий, деградировавший человек, подвергающийся издевательствам и вызывающий презрение окружающих; 3) что-то некачественное, неприятное, отвратительное; 4) как бранное слово.

Ср.: «**ЧМО жарг.** 1. Тупой, грязный, морально опустившийся человек, вызывающий презрение окружающих. 2. **тж чмо болотное**. Употребляется как бранное слово» (Квеселевич: 972).

«**ЧМО, пренебр.** 1. Неприятный, отвратительный человек. 2. Морально опустившийся, убогий, деградировавший человек, подвергающийся издевательствам. <...> 4. *Пренебр.* О чём-л. некачественном, неприятном, отвратительном» (Никитина: 806).

ЧМО. «*Презр. бран. жарг.* О жалком, неприятном человеке, опустившейся, презираемой личности» (БСРРЭР:715).

В толковых и жаргонных словарях современного русского языка значения слова *ЧМО* даются с пометами *презрительное*, *пренебрежительное* и даже *бранное*, что может свидетельствовать о его неприличной форме. Неприличная форма, в свою очередь, говорит об оскорбительном характере указанного слова.

Современные медиатексты предлагают не отраженные в словарях значения слова *ЧМО*:

– человек, материально обеспеченный: «*Например, фишкой для ВАЗ-2110 считается номер «110» с буквенным сопровождением «ЧМО», что означает человек, материально обеспеченный*» (Е. Матонин. В Мордовии объявлена война «красивым» номерам // Комсомольская правда, 2009.07);

– человек с медицинским образованием: «*Я недостойн любовных дел, я плохой, я буду наказан! Я ЧМО (человек с медицинским образованием)! Если же я узнаю какую-нибудь людскую тайну, то клянусь не разглашать ее, а изложить в виде драмы, рассказа юмористического или песни про вальс-бостон*» (Клятва Гиппократы XXI // Труд-7, 2007.01);

– Челябинское местное отделение: «Отчетно-выборная конференция Челябинского местного отделения (ЧМО) партии «Единая Россия» прошло конструктивно, несмотря на скандал перед началом заседания» (Челябинск // Новый регион 2, 2005.06).

В современных медиатекстах характеризуется использование этого слова: «Словечко это в нынешнем формате себя дискредитирует само: соратники — у тех, кто любит рати, а любят их не ратники, а чмо (Д. Быков. Соучастническое. И потому — я соучастник «Новой» и вас к тому же самому зову // Новая газета, 2018.09).

Однако чаще всего лексическая единица ЧМО в современном медиадискурсе используется в конфликтных текстах при нарушении языковой экологии.

Это слово можно обнаружить в заголовках: Суд в Минске признал право женщины называть бывшего мужа «чмом» // lenta.ru, 2017.12; Экспертиза сочла реплику Басты о «лохматом чмо» личной // lenta.ru, 2016.12; Мурманский депутат назвал мэра чмо // lenta.ru, 2014.08; «Чмо» спровоцировало драку в грузинском парламенте // Lenta.ru, 2013.12; Флиртующая Седокова и британское чмо // Комсомольская правда, 2013.02; Суд разрешил коммунисту назвать оппонента «чмом» и «розовым медвежонком» // Lenta.ru, 2008.05 и др.

Внутритекстовое употребление этой конфликтогенной единицы связано с ее инвективным характером. Ср., например: «Мол, Сафронов — это (цитирую) чмо, а Татьяна еще говорит, что у него руки болят после того, как он рисует свои картины» (Т. Васильева. Нельзя любить мужчин больше себя // Аргументы и факты, 2004.01). «Первый тайм она провела в молчании с плакатом "Ильин — чмо"» (Александр Кержаков не подошел к форме // Коммерсант, 2006.08).

В лингвистических исследованиях инвективные средства русского языка принято делить на два типа: инвективно жесткие и нежесткие. «Инвективно жесткие контексты — это такие контексты, которые не реагируют на изменение пропозициональных установок» [1, с. 100]. Контексты нежесткие, или деактуализируемые — это «контексты, в которых инвективная интенция деактуализируется под воздействием пропозициональной установки» [Там же].

Связь свойства жесткости/нежесткости языкового средства с его предрасположенностью вызывать перлокутивный эффект оскорбления делает предположение, высказанное К. И. Бриневым, очень убедительным. Это предположение связано с тем, что «инвективные характеристики лексем и выражений «накапливаются» в них в результате функционирования, так что каждое инвективное слово обладает конкретной степенью предрасположенности вызвать у адресата перлокутивный эффект оскорбления» [там же: 101]. Важно, что носители языка способны предугадать перлокутивный эффект оскорбления и способны пользоваться инвективной лексикой, добиваясь этого эффекта.

Это дает исследователю основание выделять три тождественные формы поведения и взаимодействия говорящего и слушающего.

«Первое тождество организуется вокруг параметра «обладать предрасположенностью оскорбить собеседника равной единице». Сюда, безусловно, относится обценная лексика и фразеология. <... Л. П.> Противоположный полюс составляет слабо инвективная лексика и фразеология, обладающая предрасположенностью оскорбить, стремящейся к нулю. <... Л. П.> Между двумя названными полюсами расположена остальная лексика и фразеология, часть которой тяготеет к обценным словам (такое слово, например, как «гнида», по степени оскорбительности близится к матам). Другая же часть тяготеет к оценочным ресурсам русского языка, к этой части, например, относится слово «дурак» [1, с. 102].

Накопительный эффект негативной семантики у слова ЧМО на сегодняшний день достаточно высок. Он усиливается при использовании этого слова в поликодовых медиатекстах, содержащих вербальный и невербальный компонент в виде фотографии того лица, которому адресуется текст. В этом случае используется приём визуальной персонификации, при котором негативная информация, изложенная в вербальной части текста, связывается с лицом, изображенным на фотографии.

Таким образом, с точки зрения экологии языка, использование лексической единицы ЧМО в современных медиатекстах свидетельствует об огрублении русской речи, о повышении коэффициента напряженности медиатекстов, способствующих разворачиванию речевых конфликтов. Это усугубляет кризисное состояние русской языковой культуры, приводя к разрушению единого языкового и культурного пространства.

Список использованной литературы

1. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К. И. Бринев; под редакцией Н. Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009.
2. Гурочкина А. Г. Понятие дискурса в современном языкознании // Номинация и дискурс: межвуз. сб. научных трудов. Рязань: Изд-во РГПУ, 1999. С. 12–17.
3. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
5. Миронова Н. Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа / Н. Н. Миронова // Известия АН. Серия литературы и языка. М., 1997. Т. 56. № 4. С. 52–59.
6. Олянич А. В. Презентационная функция интертекстуальности в массово-информационном дискурсе // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сборник докладов международной научной конференции (Магнитогорск, 12–14 ноября 2003 г.). Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 434–439.
7. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп./ Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. М.: Медея, 2004.
8. Сизов Д. В. Фразеологизированные перифрастические сочетания расширенной конструкции как единицы публицистического дискурса // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сборник докладов международной научной конференции (Магнитогорск, 12–14 ноября 2003 г.). Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 414–419.
9. Сковородников А. П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1 С. 205–233.
10. Франко Е. П. Экология языка в современном обществе / Е. П. Франко, М. В. Франко // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 26–33.
11. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации» / Под ред. Проф. М. В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002.
12. Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред.: Голев Н. Д.; Редкол.: Бринев К. И. (Отв. за вып.), Головачева О. В., Матвеева О. Н., Чернышова Т. В. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005.

Об авторе

Попкова Лариса Михайловна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного; popkova.larisa@mail.ru. Тел. +7 921 214-66-87.

Popkova L. M.
Pskov State University

Media text in the focus of the ecology of language

The article deals with the issues related to the use of invective vocabulary in the modern media texts from the point of view of the ecology of language, it gives semantic and stylistic characteristics of the lexical conflictogenic unit “Chmo”. The particular attention is paid to its lexicographic portrait based on the explanatory dictionaries of the modern Russian literary language and special jargon dictionaries, as well as its contextual meaning, taking into account common invective characteristics accumulated by this word in the process of its functioning in modern media texts.

Keywords: media text, media discourse, the ecology of language, invective vocabulary.

About the author

Popkova Larisa Mikhailovna — Pskov State University (PskovSU), Associate Professor of the Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; popkova.larisa@mail.ru. Тел. +7 921 214-66-87.

Образ Беловежской пуши в рассказе В. Я. Ирещкого «Легенда»

Статья посвящена анализу способов изображения заповедного леса в малой прозе русского писателя начала XX века В. Я. Ирещкого. Рассматриваются фольклорные и религиозные мотивы, повлиявшие на формирование данного образа, а также возможные литературные источники и факты из биографии автора, сквозь призму которых преломились его художественные и идейные поиски в рассказе «Легенда».

Ключевые слова: Беловежская пуша, В. Я. Ирещкий, Г. П. Карцов, Г. Сенкевич, легенда, малая проза, Н. С. Лесков, русская литература 1/3 XX века, фольклорные мотивы.

Беловежскую пушу неслучайно называют «историко-художественным» образом «сохраненной уникальности первозданной природы» [7, с. 60], «главным лесом Европы» [7, с. 60]. Остатки реликтовых лесов, где живут «600-летние дубы-великаны» и о которых написано в текстах Геродота, Ипатьевской и более поздних Киевских летописях [7, с. 60], закрепились в культуре как символ первобытного начала, колыбель жизни, нетронутая цивилизацией.

Пожалуй, наиболее знаменитыми на русскоязычном пространстве произведениями литературы, в которых упоминается природная жемчужина Беларуси и Польши, стали тексты второй половины XIX века. Несмотря на публицистическую природу путевого очерка «Из одного дорожного дневника» (1862) и следуя его дневниковой специфике [2], Н. С. Лесков посвящает чаще вдохновенные строки, свидетельствующие о распространенном представлении о «заповедном лесе», обитаемом «остатками зубров, «царских зверей» [4]. Автор считает его одновременно «последним памятником» «непроходимых литовских лесов» [4] и уникальным «девственным» пространством для охоты. Рассуждая об условиях жизни беловежского зубра, писатель изображает его редким, уязвимым для человека и величественным созданием, которому присущи сила, смелость, спокойное благородство: «До изобретения огнестрельного оружия охота на зубра была сопряжена с большой опасностью и турий рог действительно был серьезным трофеем для победителя; а с ружьем убить зубра, смиренно стоящего перед прицелом всем своим огромным телом, дело едва ли не самое легкое» [4]. Не только местом королевского звероловства, но и убежищем, способным укрыть население от неприятеля во время военного конфликта, предстает Беловежа в романе Г. Сенкевича «Потоп» (1884–1886). Герой книги считает дремучую чащу не покоряемой: «Окажись в руках врагов вся Речь Посполитая, и то им в пушу не пробиться» [9]. Автор первого научно-популярного труда об истории, ландшафте, флоре и фауне древнего леса Г. П. Карцов (1903) посвящает Беловеже пространные возвышенные строки: «Человеку, никогда не бывавшему в Беловежской Пуше, трудно представить себе величавую, своеобразную прелесть этого, во многих местах еще первобытного леса. <...> Он величественен, дик, носит отпечаток дряхлости и, вместе с тем, бесконечно интересен разнообразием встречающихся в нем лесных пейзажей. <...> При проезде по Пуше не устаешь смотреть и восхищаться. Глубокое волнение невольно охватывает любителя природы при виде многовековых сосен и дубов; мысли летят к старине...» [3, с. 118]. Наблюдатель обращает внимание читателя на многообразие лесных пейзажей, атмосферу древности, которая ощущается в пуше. Таким образом, семантика топоса-символа «Беловежская пуша» в начале XX века могла бы быть описана такими характеристиками, как почитаемый осколок первобытной жизни; заповедный лес, по которому не ступала нога человека; ареал распространения уникального дикого быка; дремучая чаща, оберегающая своих обитателей — людей и животных; место королевской охоты.

Образ Беловежской пуши в рассказе В. Я. Ирещкого «Легенда» (1914) оказывается в русле вышеназванных представлений, предстает чудом уцелевшим девственным уголком природы, где «...старые тополи и дубы еще сохранили память о далеких временах...» [1, с. 2]: «...во всей Польше нет таких мест. Глухие чащи перевелись. Вырубают. Вот в Беловеже разве» [1, с. 2]. Нслучайно рассказчик в поисках природы для картин бродил по «старым литовским лесам и набрасывал пейзажи» [1, с. 2], пожелав в творчестве укрыться от проблем современности. Вместе с тем контекст, в котором возникает образ

пущи, примечателен и отражает языческое и христианское восприятие годового цикла жизни, распространенное в западной части Российской империи. Роль упоминаний пущи в произведении писателя и того образа, который они создают, тем значительнее, что обращение к соответствующим мотивам, за редким исключением, не свойственно ранней прозе Ирецкого, и данное произведение с уверенностью можно назвать одним из первых текстов¹ подобного типа. Рассказ об эпизоде из истории Польши прозаик обрамил, вероятнее всего, авторской легендой о недавно произошедшем в окрестностях Беловежи. Именно в этом фрагменте возникает второе упоминание первобытной чащи и ее символа — зубра.

Открывает и закрывает рассказ пейзажное описание Пасхальной ночи, когда Весна призывает умерших проснуться. Данный образ совмещает славянские языческие поверья о возвращении мертвых на землю с пробуждением природы и их переосмысление в христианской идее воскрешения человека и раскрытия Господом границ миров: «Вот сейчас разольется по лесу густой бархатистый звон и задрожит воздух и заликует земля. Пасха придет, как невеста, легкая, пахучая, и поклонится ей первым старый угрюмый дуб, за ним сосны, березы. А можжевельник, волнуясь, забудет о поклоне и станет дрожать, радостный и счастливый <...>» [1, с. 1]. Кульминацией легенды о лесном мире, с нетерпением ожидающем праздника и встречающим оживающих мертвых, в тексте Ирецкого становится картина чествования Пасхи растениями и героя, пробудившегося от вечного сна, — животными. Обращаясь к местным народным верованиям, автор вводит в повествование мотив посещения могилы святого животными из духовной литературы²: «Не по лесным тропам и дорогам, а в чаще послышится вдруг легкий топот. *Это зубр беловежский. Раньше всех прибежит он к могиле, что приютилась у дуба, оглянется — еще нет никого — и припадет к земле. Положит морду на лапы и будет ждать, покорный и тихий. <...>* и вот, наконец, *вокруг могилы разлягутся звери, какие только имеются на земле. Перестанут дышать сосны. Притаятся мхи. Умоются сучья. И выйдет из могилы старый цимбалист, кивнет косматой головой и ударит по цимбалам, — так звонко, что остановится вдруг в вышине звук колокола и замрет от удивления»* [1, с. 1–2] (курсив мой. — М. С.). Благодаря приему градации и повтору кульминационного момента данной сцены в финале рассказа, Ирецкий подчеркивает ее ключевое значение. Писатель изображает рождение современных легенд, обращаясь к истории XIX века и наделяя еврея-цимбалиста, принявшего смерть за верность второй родине — Польше, сходством с мучениками, претерпевшими за Господа. Упоминание образа Беловежской пущи наряду с иными заповедными местами — Мазовецким лесом и Карпатами — позволяет писателю подчеркнуть мысль о правомерности, естественности подобного сравнения. Они воплощают собой первобытную силу земли, которая восстанавливает справедливость, нарушенную ходом жизни, причем Беловежская пуца выступает наиболее значимым топосом: почтить память цимбалиста первым приходит главный ее обитатель — зубр, что связано не только с близостью места действия произведения к Беловежу, но и со значимостью культурной семантики данного символа для писателя.

Идеи и образы рассказа «Легенда» могли стать отпечатком собственных впечатлений Ирецкого, обучавшегося в 1893–1901 гг. в Белостокском реальном училище [5, с. 423], со стороны которого Пуца долгое время примыкала к Прусской границе [3, с. 39]. В творческом замысле автор учел и продолжительное переходное состояние административного положения литовского края после раздела Польши при Екатерине II, и обусловленные им межнациональные конфликты, и традицию поклонения мученику Гавриилу Белостокскому, а также связанный с ней еврейский вопрос, актуальный как для города, большая часть жителей которого говорила на идише, так и лично для прозаика. Поэтизированный образ беловежского зубра, равно как и певца-цимбалиста, создан под влиянием и древнего эпоса, и, вероятно, легенд, услышанных автором в окрестностях Белостока. Согласно народной поэзии, в которой зачастую упоминались зубр и тур (в том числе в значении «зубр») [3, с. 143], Ирецкий мог обратиться к образу редкого зверя. Языческая религия литовцев с традициями поклонения природе и бережного отношения к лесным чащам как часть народной культуры рубежа XIX–XX вв., скрестившись с христианскими историями, отразилась в выборе деревьев, под которыми находилась могила цимбалиста: дуб и осина особенно почитались на этой земле и упоминались в мифах как деревья, в которые были превращены дети богини счастья и судьбы Лаймы [3, с. 12].

Безусловно, на формирование образа Беловежской пущи в творчестве В. Я. Ирецкого могли повлиять литературные источники, упомянутые выше, и распространяемая в Петербурге начала 1900-х

¹ Ранняя проза Ирецкого (Гликмана), в основном, публиковалась во множестве газет и журналов Киева и Петербурга и, надо полагать, не сразу под псевдонимом, принесшем автору известность. Данным обстоятельством обусловлена трудность составления полного перечня его произведений 1900–1910-х гг.

² Например, собаки охраняли тело мученика младенца Гавриила Белостокского, конь привел старцев обители к могиле преподобного Адриана Ондрусовского, подобные мотивы присутствуют и в жизнеописаниях мученика Дулы, священномученика Василия Херсонского, мучеников Павла и Иулиании, праведного Тита и других [6].

гг. книга Г. П. Карцова «Беловежская пуца. Ее исторический очерк, современное охотничье хозяйство и высочайшие охоты в пуще», которой отдают честь открытия широкой общественности заповедного леса [8]. Например, строки о том, как в древности во время весенних разливов звери спасались в нем [3, с. 3], могли стать отправной точкой к образу собрания животных неподалеку от пущи. Вместе с тем оригинальный контекст упоминания пущи позволил Ирецкому создать образ фантастического леса, овеянного легендами, пространства пересечения мира мертвых и живых, охраняющего тайну, которая открывается лишь избранному — художнику.

Завершая рассказ повторением легенды с участием беловежского зубра, Ирецкий утверждает мысль о сохраняющей память поколений силе искусства, контекстуально сопоставимой с мощью древних лесов, символизирующих стихийное первобытное, а потому справедливое, природное начало. Эти глухие чащи открыты непознаваемому разумом, покорны вечному годовому циклу, не равнодушны к человеческим судьбам, но чтут память достойных мужей. И народ, проживающий близ заповедных лесов, слагает о героях легенды. С помощью контекста, созданного в том числе и образом Беловежской пущи, писатель первой трети XX века утверждает идею о ценности человеческой свободы, верности современника идеалам и преданности родной земле при любых обстоятельствах.

Список использованной литературы

1. Ирецкий В. Я. Легенда // Солнце России. 1914. № 215. С. 1–4.
2. Калесник Е. Ю. Особенности дневниковых записей о Беловеже в очерках Н. С. Лескова «Из одного дорожного дневника» // Актуальные вопросы в науке и практике. Сборник статей по материалам IV международной научно-практической конференции. В 5-ти ч. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью Дендра, 2017. С. 119–125.
3. Карцов Г. П. Беловежская пуца. Ее исторический очерк, современное охотничье хозяйство и высочайшие охоты в пуще. СПб.: Артистическое заведение А. Ф. Маркса, 1903. 414 с.
1. Лесков Н. С. Из одного дорожного дневника. ЛитРес. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.litres.ru/nikolay-leskov/iz-odnogo-dorozhnogo-dnevnik-a/chitat-onlayn/> (дата обращения: 01.07.2022).
4. Поливанов К. М., Чанцев А. В. Виктор Яковлевич Ирецкий // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Г–К / гл. ред. П. А. Николаев. М., 1992. Т. 2. С. 423–424.
5. Протоирей Константин Буфеев. Животные рядом со святыми. М.: Издательство НП МПЦ «Шестоднев», 2012. 308 с.
6. Салахова Ю. Ш., Сороко С. М. Памятники всемирного наследия в национальной культуре Беларуси // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки: научно-теоретический журнал. Полоцк: Полоцкий государственный университет, 2009. № 1. С. 59–62.
7. Семаков В. В. Летописец Беловежской пущи // Лесной вестник. 2001. №2. С. 90–96.
2. Сенкевич Г. Полное собрание исторических романов в двух томах. Том 2 / Пер. с польск. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010. [Электронный ресурс]: URL: http://az.lib.ru/s/senkewich_g/text_1886_potop.shtml (дата обращения: 01.07.2022).

Об авторе

Семенова Мария Геннадьевна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), старший преподаватель кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного; m.g.sem@rambler.ru.

Semenova M. G.
Pskov State University

The Image of Belovezhskaya Pushcha in the Story of V. Ya. Iretsky “Legend”

The article is devoted to the analysis of the image of the reserved forest in the prose of the Russian writer of the beginning of the 20th century V. Ya. Iretsky. Possible folklore and religious motifs, literary sources and facts from the biography of the prose writer himself are considered, through the prism of which his artistic and ideological searches were refracted.

Keywords: Belovezhskaya Pushcha, V. Ya. Iretsky, G. P. Kartsov, G. Senkevich, legend, N. S. Leskov, Russian literature of the 1/3 of the 20th century, short fiction, folklore motifs.

About the author

Semenova Maria Gennadievna — Pskov State University (PskovSU), Senior Lecturer of the Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language; m.g.sem@rambler.ru.

Супервизия как способ овладения специальностью «Реклама и связи с общественностью»

В статье рассмотрены проблемы интеграции академической и практико-ориентированной моделей обучения в профессиональном образовании. Представлены актуальные методы организации помощи/поддержки студентам, преподавателям, работодателям в процессе интегрирования теоретической базы специальности в принципы профессиональной деятельности для становления профессиональной самоидентификации и профессионального оптимизма. Предложены пути совершенствования механизма социального партнёрства через супервизию.

Ключевые слова: интеграция теории и практики, супервизия, требования работодателей, практическая направленность, выпускник, трудоустройство выпускников, подготовка специалистов.

Создание способов интеграции теории и практики в системе обсуждения и поиска разрешения противоречия между доминирующей академической и практико-ориентированной моделями обучения является и сегодня наиболее значимой проблемой как университетского образования, так и условий практической подготовки студентов. Актуальным и значимым становится мотивация на работу по профессии: возбуждение интереса к работе по развитию и изучению профессиональной деятельности, обретению уверенности в собственных силах и возможностях для достижения профессионального успеха в будущем, поддержка позитивной установки, обретение студентами опыта работы уже в процессе вузовского обучения, выход на современные коммуникативные технологии обучения для осознания студентами собственной принадлежности к определенной профессиональной общности. Проблемой остается практическая подготовка молодых специалистов, их адаптация к условиям рынка труда. Действенность практико-ориентированной модели обучения остается одним из самых слабых мест российской системы высшего образования, где первостепенным является передача студентам теоретических знаний при недостаточном внимании к развитию навыков использования теории для решения прикладных задач, а также навыков поиска решения возникающих проблем [4, с. 28]. Очевидно, что эта проблема не только вузовского преподавания, но и работодателей, желающих получать специалистов, готовых к реальной работе, но при этом пока не принимающих активного участия в создании нормальных условий для их подготовки, в том числе в ходе учебных, производственных практик у себя в организациях. Решение этой проблемы мы видим на основе постепенного сближения интересов вузовского образования и потенциального работодателя, необходимости увязать воедино интересы вузы, работодателей и студентов.

Важной стороной образовательного процесса в заданных условиях может стать актуализация методов поддержки специалистов / студентов — супервизия.

Под супервизией мы понимаем отношения (как продукт) между двумя или несколькими людьми (руководство, сопровождение, наблюдение сверху, контроль) с целью анализа и совершенствования работы другой стороны, где поддержка и сопровождение является доминантой. Субъекты супервизии: потенциальный работодатель, преподаватель вуза, студент. Объектом исследования является договорный, плановый процесс, разрабатываемый в профессиональной сфере деятельности бакалавров, внедрённый в практику — с достижением заданных показателей эффективности, являющийся формой подтверждения сформированности у бакалавра необходимых работодателю компетенций, с обоюдными обязательствами конфиденциальности (доверие, уважение, «сбережение раннего «Я») по преодолению профессиональных трудностей, достижению взаимопонимания.

В качестве определяющего результате супервизии мы можем рассматривать создание защищенного пространства будущих специалистов для осмысления вопросов практической работы.

Значимым является выбор категории потенциальных работодателей для осмысления вопросов практической работы. В нашем опыте, для направления подготовки 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью», профиль «Реклама и связи с общественностью в системе государственного и муниципального управления» — это организации, соответствующие профильные структурные подразделения государственной и муниципальной службы, коммерческих и некоммерческих организаций г. Пскова,

Псковской области, г. Великие Луки, г. Великий Новгород, г. Санкт-Петербург: Аппарат Администрации Псковской области: управление информационной политики, отдел оперативной информации, управление цифрового развития; АНО Издательский Дом «Медиа центр 60»; рекламные агентства, рекламно-информационные отделы ООО «НОВ — ДЕНТА», ООО «Энди», ООО «Кофе Студио», ООО «Дом Медиа».

Коммуникативной площадкой для реализации практико-ориентированной модели обучения в системе защищенного пространства супервизор являются аудиторные и технические условия университета (через моделирование коммуникативных, организационных, проблемных, исследовательских ситуаций близких к реальным, тренинги, конструирование малых и массовых форм, включение и отработка современных технологий, кейс-задания, индивидуальную и групповую самореализацию студентов в различных видах профессиональной деятельности). На постоянной основе работает коммуникационная площадка «Стратегия» с её двумя тематическими изводами: 1. Непричесанные мысли&Смелые задумки. Презентационный формат. 2. Профессиональная творческая деятельность. Личный выбор. Формат: диалог заинтересованных людей, клуб тренингов «Поговори в "препятствием"», мастер-классы, лекции и семинары в рамках «Академ-класс, Коммуникационная онлайн-площадка «У ремесла должна быть одежда».

Меняются доминирующие роли участников данных площадок: если на начальном этапе работы ведущая роль несомненно принадлежала преподавателям профессиональных модулей и междисциплинарных курсов, где основное внимание направлено на решение профессиональных задач, максимально приближенных к будущей деятельности выпускников по специальности, то с развитием коммуникационных процедур для наполнения учебного процесса задачами, проблемами и ситуациями, отражающими реальное положение на рынке труда, доминировать начинают привлеченные потенциальные работодатели, участвующие в практических занятиях, оценочных беседах. Данное взаимодействие обнаружило необходимость заключения договоров по совместному использованию материально-технической базы университета и профильной организации. Создание подобной профессиональной корпорации на основе уважения и доверия позволяет формировать перечень профессиональных компетенций выпускников в соответствии с требованиями современного рынка труда и запросами работодателей, внесение в профессиональные модули соответствующих запросов, которые оказывают и практическую помощь, в частности в разработке заданий практического и ситуационного характера. Следует сказать о необходимости промежуточной аттестации в виде квалификационного экзамена при непосредственном участии представителей работодателей, участия в проведении государственной (итоговой) аттестации, с последующим отбором, трудоустройством молодых специалистов. В режиме офлайн и онлайн отрабатываются значимые по мнению работодателей профессиональные коммуникативные компетенции: умение работать в команде, компьютерная грамотность, быстрое принятие решений, реализация решения, эмоциональный интеллект и эмоциональная устойчивость. В данном режиме происходит быстрое реагирование на ошибку, напряжение в поиске решения производственной задачи: от стресса до эмоционального удовлетворения или разочарования, что существенно влияет на процесс психологической готовности и адаптации к профессиональной деятельности. Не менее важным фактором является взаимосупервизия, формат ее реализации — взаимодействие студентов старших курсов с младшими на основе работы с «кластером» творческих работ студентов II-V курсов очной и заочной формы обучения, выполненных по ряду дисциплин учебного плана бакалавриата «Реклама и связи с общественностью», таких как «Коммуникация в сфере PR», «Организация работы отделов рекламы и связей с общественностью», «Драматургия рекламного дискурса» и т. п. и отражающих хорошую степень сформированности знаний, умений и навыков в сфере профессиональной деятельности.

Безусловно, функцию адаптации будущих специалистов как к рынку труда, так и к будущей профессии выполняет учебная, производственная практика, рассматриваемая как площадка для «профессионального погружения» [5]. Она дает возможность студенту еще в процессе вузовского обучения проверить правильность профессионального выбора, оценить свою пригодность и готовность к предстоящей профессиональной деятельности, попробовать собственные силы в сфере будущей специальности [3]. В конечном счете «погрузиться в атмосферу», апробировать проработанные модели поведения, адаптироваться к требованиям, предъявляемым будущей профессией и, возможно, зарекомендовать себя на месте будущей работы.

Принципы отбора содержания и структурирования практики опираются на образовательный стандарт, потребности работодателя.

Эти требования могут быть объединены в три целевых блока.

1 блок. Обобщение и углубление знаний, полученных студентами на предыдущих этапах обучения базовой и вариативной части учебного плана в системе философских, социальных и психолого-педагогических дисциплин:

- методологическая ориентация на философско-антропологический подход, на раскрытие глубинных пластов психики, понимание сложной духовной организации человека как высшей ценности цивилизации;
- о воспитании как «духовном программировании» и диалоге как условии достижения ценностно-смыслового единства субъектов коммуникации;
- об социальных системах, их становлении и сменах;
- об отечественных и зарубежных традициях PR.

Формы организации: установочные лекции; проблемные конференции, моделирующие семинары.

2 блок. Социальный менеджмент: развитие аналитических и прогностических умений, логического мышления и гибкости ума:

- целеполагание по технологии SMART;
- описание коммуникативной деятельности;
- анализ ситуации, опыта;
- отбор адекватных практическим задачам методов диагностики;
- проектирование;
- планирование;
- моделирование и конструирование;
- принятие решения; организация и исполнения решения;
- контроль и оценка результатов;
- прогнозирование последствий принятия решений;
- рефлексия и коррекция.

Формы организации: тест-драйв в реальном рабочем пространстве (проблемные, проектировочные, дискуссионные, трекинговые, организационно-деятельностные); «социальный аудит»: анализ видео-сюжетов, форм коммуникативной деятельности и моделирование виртуальных; анализ социальных систем, документов); собеседование со специалистами-практиками: составление социального портрета специалиста — коммуникатора — мастера, составление социального портрета клиента, оформление и демонстрация презентаций; конструирование и демонстрация авторских видеосюжетов, рекламы, текстовых и аудио кейсов, деловые игры.

3 блок. Овладение студентами проектировочными умениями предусматривает: проектирование, планирование, моделирование и конструирование форм сотрудничества с клиентами разного возраста и социального статуса, разработку проектов.

Данный блок занимает автономное положение в учебном плане, и его организация предполагает этапность, которая может быть следующей:

1 этап — подготовительно-прогностический (психологический настрой рабочих групп). На данном этапе определяются цели и задачи практикума, раскрывается его содержательный аспект, проектируются варианты индивидуального и группового взаимодействия студентов первого, второго, третьего, четвертого курсов совместно с преподавателями, специалистами по PR, действующих в роли супервизоров. Формы организации: «сбор-старт»; «мозговой штурм»; проблемные семинары, проектировочные тренинги.

2 этап — организационно-деятельностный. Это этап, включающий конструирование и практическую реализацию различных организационных форм, технологий через модельный проект и работу мастерских в аудиторных условиях университета. По ходу деятельности студенты принимают на себя и «проживают» различные социальные роли: организатора, клиента, методиста, юриста. Рефлексия, как анализ собственной и командной деятельности является обязательной. Формы организации: геймификация; проекты; «круглый стол»; методический сбор.

3 этап — оценочно-результативный. Этот этап включает создание организационных условий и направлен на решение студентами аналитических задач в процессе анализа собственной профессиональной деятельности уже в условиях полевого учреждения. Формы организации: итоговые конференции в творческой, соревновательной форме: брейн-ринг, «Открытый микрофон», «Турнир знатоков», отзыв-рецензия специалистов-практиков; творческие и исследовательские отчеты; дневник практики, взаимооценка и самооценка, оформление профессионального портфолио.

Анализ и обобщение личного опыта коммуникаций с представителями государственных, коммерческих и некоммерческих структур, связанных с организацией связей с общественностью, непо-

средственно со студентами-выпускниками выявил следующие трудности реализации практики в условиях организации, предприятия / учреждения: отсутствие заинтересованности сотрудников предприятия / организации в практикантах, отсутствие наставников с необходимой психолого-педагогической подготовкой.

Предложения работодателей по улучшению взаимодействия:

- стажировка и практика непосредственно в условиях базы практики: работа в офисе помощником менеджера, изучение азов профессии, изучение работы по конкретным клиентам;
- обучение на базе (платное): включение в обучение по специально разработанным курсам, актуальным для решения рабочих вопросов профильной организации (например, интернет-маркетингу, «таргетолог» и т. п.);
- трудоустройство при следующих условиях: наличие сертификатов о прохождении (дополнительно к университетскому образованию) онлайнкурса (много бесплатных у Elama, у Яндексa и т. п.), прохождение тестирования (для понимания уровня своих возможностей). «Набить руку»: поработать на друзей / знакомых с минимальным бюджетом.

Предложения студентов по улучшению ситуации:

- повысить заинтересованность работодателей, исключить формализм при прохождении практики;
- увеличить число базовых предприятий, учреждений и организаций для практики, в том числе за границей;
- платить зарплату;
- обеспечить последующее трудоустройство на базовых учреждениях / предприятиях;
- выдавать удостоверения о прохождении практики.

Критериями успешности прохождения обучающимися производственной практики все участники процесса считают:

- обретение студентами опыта работы по профессии;
- уверенность в собственных силах и возможностях, убежденность в достижении профессионального успеха в будущем;
- устойчивую положительную профессиональную мотивацию, позитивную установку на работу по профессии;
- рост привлекательности выбранной профессии в глазах студентов;
- осознание студентами своей принадлежности к определенной профессиональной общности.

В заданных условиях значимыми являются регулярные встречи и взаимодействия заинтересованных сторон в формате коммуникативных площадок, тренингов, регулярное повышение квалификации и для специалистов — наставников, действующих в роли супервизоров на уровне сотрудничества и интеграции: университет — «полевое учреждение».

Список использованной литературы

1. Как работодатели оценивают современных выпускников. [Электронный ресурс]: URL: [http:// career.ru/article/15186](http://career.ru/article/15186) (дата обращения: 20.01.2015).
2. Кецко Т. В. Прохождение психологической практики как форма профессионального погружения // Инновационные формы студенческой практики в вузе: Всерос. науч.-практ. конф.: материалы конф. / отв. ред. Т. А. Носова. Сыктывкар, 2012. С. 76–78 [Электронный ресурс]: URL: [http:// www.syktu.ru/upload/user/c52f1bd66-cc19d05628bd8bf27af3ad6/Innovacionnye-formy-studencheskoj-praktiki-v-vuze.pdf](http://www.syktu.ru/upload/user/c52f1bd66-cc19d05628bd8bf27af3ad6/Innovacionnye-formy-studencheskoj-praktiki-v-vuze.pdf) (дата обращения: 20.01.2015).
3. Маркетинговое исследование «Оценка качества предоставляемых образовательных услуг студентами 4-го курса АЛТГТУ». Барнаул, 2011. 18 с.
4. Скачкова Л. С. Производственные практики в вузах: обоснование необходимости и методика эффективной организации // Образовательные технологии. 2013. № 3. С. 136–143.
5. Требования работодателей к текущим и перспективным профессиональным компетенциям персонала // Информационный бюллетень. Мониторинг экономики образования. 2014. № 1 (75). 64 с.
6. Уланов В. В. Как самочувствие, студент? // Высшее образование сегодня. 2006. № 9. С. 39–42.

Об авторе

Смирнова Надежда Анатольевна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного; nad3227@yandex.ru. Тел. +7 921 116-06-78.

Supervision as a Way of Mastering the Specialty “Advertising and Public Relations”

The article deals with the issues of integrating the academic and practice-oriented models of learning into professional education. It presents actual methods of assistance/support organization to students, teachers, employers in the process of integrating theoretical base of specialty into the principles of professional activity for the formation of professional self-identification and professional optimism. The ways of improving the mechanism of social partnership through supervision are proposed.

Keywords: integration of theory and practice, supervision, employers' requirements, practical orientation, graduate, employment of graduates, training of specialists.

About the author

Smirnova Nadezhda Anatolyevna — Pskov State University (PskovSU), Associate Professor of the Department of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Candidate of Pedagogical Sciences; nad3227@yandex.ru. Tel. +7 921 116-06-78.

Улейчик Н. Л.
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
unl61@mail.ru

Этносоциальные процессы в гродненской губернии на рубеже XIX–XX вв.

На территории Беларуси нет другого региона, где бы так тесно переплелись судьбы различных этнических групп, как это имеет место в западном регионе Беларуси или белорусско-польско-литовском пограничье, условно рассматриваемом в административных границах современной Гродненской области, а в исторической ретроспективе — Гродненской губернии на рубеже XIX–XX веков. В статье рассмотрены особенности этносоциальных процессов на территории Гродненской губернии по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Выявлено, что Гродненская губерния являлась пограничьем различных культурных зон и этнических образований, регионом постоянного их взаимодействия и взаимовлияния.

Ключевые слова: Гродненская губерния, этносоциальные процессы, рубеж XIX–XX вв., перепись населения, родной язык, вероисповедания.

Гродненский регион Беларуси, условно рассматриваемый в административных границах современной Гродненской области, исторически развивался как поликультурный, что было обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, это пограничный регион в геополитическом (размежевание Восток-Запад), политическом (Белорусско-Польско-Литовское пограничье), этнокультурном (соседство нескольких этносов) отношениях. Во-вторых, Гродненский регион достаточно уникален в историческом отношении. Он принадлежит к числу тех мест, где берет свое начало восточноевропейский цивилизационный процесс. Не случайно именно Принеманский край стал одной из колыбелей белорусской государственности и культуры (г. Новогрудок). Вместе с тем, Гродненский регион оказывался последовательно включенным в различные политические организмы (Киевская Русь — Великое Княжество Литовское — Речь Посполитая — Российская империя — Польша — СССР — Республика Беларусь), что накладывало отпечаток на структуру его населения и предопределило плюралистичность его традиций. При этом сам город Гродно на протяжении столетий в каждом из этих образований был центром политической жизни (резиденция великих князей литовских и королей польских, место проведения сеймов Речи Посполитой), или, по крайней мере, имел достаточно высокий административный статус (губернский город в Российской империи), что также играло немаловажную роль в его развитии. Весомую роль играло географическое положение Гродно между такими центрами европейской культуры, как Вильно и Варшава. Наконец, Гродненский регион представляет собой часть более обширного региона — Западной Беларуси.

Уже в XIV–XVII вв. помимо белорусов и литовцев (коренные этносы) в западно-белорусских волостях, городах и местечках жили поляки, русские, немцы, евреи, татары. Эти этнические группы в целом составляли достаточно значительный процент населения (25 %) в сравнении с основным этническим массивом, что, в свою очередь, отражалось на возникновении определенной специфики в этнообразующих процессах белорусской народности, ее этносоциальной и конфессиональной структуре [1, с. 78].

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи вследствие трех разделов Речи Посполитой предопределило начало нового этапа в этносоциальных процессах в регионе. Это историческое событие оказало мощное, но противоречивое влияние на его социально-экономическое, общественно-политическое, культурное развитие. Изменения были существенными. Новое административное деление, введение единой податной системы, реформа судебных учреждений по общеимперскому образцу, ликвидация таможенных барьеров создавали предпосылки для развития товарно-денежных отношений, вхождения белорусской экономики во всероссийский рынок. Несомненно, прогрессивным явлением была ликвидация былых привилегий земельной магнетерии края, в том числе права иметь собственные вооруженные силы и крепости.

Гродненская губерния, образованная Указом Александра I от 9 сентября 1801 г., первоначально делилась на 8 уездов: Брестский, Волковысский, Гродненский, Кобринский, Лидский, Новогрудский,

Пружанский и Слонимский. В 1843 году из упраздненной Белостокской области в Гродненскую губернию были переданы Белостокский, Бельский и Сокольский уезды. Одновременно Лидский уезд отошёл Виленской губернии, а Новогрудский — Минской. Таким образом, к началу XX века в состав губернии входило 9 уездов.

В условиях нарождающегося национально-освободительного движения и формирования белорусского национального самосознания в конце XIX — начале XX вв. Гродненская губерния начинает выделяться своими внутренними региональными особенностями. Этому способствуют ее географическое положение на западных границах Российской империи и этноконфессиональная ситуация, которая проявилась здесь особенно отчетливо. Длительное господство католической церкви и ополячивание местного населения, популярность униатской церкви как компромисса католической и православной церквей, борьба белорусов за сохранение своей православной веры, многочисленное еврейское население, присутствие других этносов (литовцев, татар и др.) — все это предопределило своеобразие этносоциальных процессов Гродненской губернии в исследуемый период [4, с. 45].

Этнические общности Гродненской губернии принадлежали к разным языковым семьям. Абсолютное большинство составляли индоевропейцы. Именно здесь, на территории Гродненской губернии, проходили процессы их размежевания и взаимодействия. С севера на юг тут проходила граница между ареалами восточного (белорусы и русские) и западного (поляки) славянства. Другая граница — с запада на восток — разделяла славянские и балтские этнические массивы. Присутствовали также тюркские (татары) анклавы. Значительным было еврейское (семитское) население. В Гродно и других городах традиционным было немецкое население. Разумеется, что перечисленными этническими общностями не ограничивается этническая структура региона.

Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. дают представление о структуре, размещении населения Гродненской губернии как базового объекта исследовательского анализа. Анализ статистических материалов по Гродненской губернии (книга XI), изданных в 1904 г., свидетельствует, что в них содержатся также сведения о вероисповеданиях и родном языке [3, с. 100–107].

В группе славянских языков в сводной статистической ведомости выделялись русский язык с подразделением на великорусское, малорусское и белорусское наречия (таблица 1) [3, с. VI]. В материалах переписи губернского и уездного уровней начала XX в., наряду с языком, уже указывается вполне официально и «народность»: белорусская.

Таблица 1

Распределение населения Гродненской губернии по родному языку (1897 г.)

Язык или языковая группа	Число лиц, указавших в качестве родного			В % к общей численности
	Всего, тыс. чел.			
	всего	мужчин	женщин	
Из них:	1 603 409	815 833	787 576	100
Белорусский	705 045	352 880	352 165	44,0
Польский	161 662	79 195	82 467	10,1
Великорусский	74 143	52 368	21 775	4,6
Малорусский	362 526	183 007	179 519	22,6
Литовский	3 366	1 653	1 713	0,2
Татарский	2 420	2 355	65	0,1
Немецкий	10 284	5 101	5 183	0,6
Еврейский	278 542	134 431	144 111	17,4

Согласно переписи населения 1897 г. белорусы (по родному языку) в Гродненской губернии составляли 44 %. Затем следовали украинцы (малорусы) — 22,6 %, евреи — 17,4 %, поляки — 10,1 %, русские (великорусы) — 4,6 %. Остальные этнические общности были представлены ограниченным числом жителей (менее 1 процента). Всего перепись отмечает около 40 наречий, на которых говорит население губернии.

Таким образом, подсчет белорусов и представителей других этносов осуществлялся по языковому признаку, так как вопрос о национальной принадлежности в опросных листах отсутствовал.

В Гродненской губернии не было ни одного моноэтнического района или населенного пункта. Можно выделить несколько типов районов на основе их этнического состава (таблица 2) [3, с. 102].

Таблица 2

Национальный состав населения Гродненской губернии по уездам в 1897 г., %

Уезд	Национальность							
	белорусы	украинцы	евреи	поляки	русские	литовцы	немцы	татары
Губерния в целом	44,0	22,6	17,4	10,1	4,6	
Белостокский	26,1	...	28,3	34,0	6,7	...	3,6	
Бельский	4,9	39,1	14,9	34,9	5,9	
Брестский	1,8	64,4	20,8	3,9	8,1	
Волковысский	82,4	...	12,4	2,1	2,3	
Гродненский	65,7	...	19,9	5,7	6,2	1,4	...	
Кобринский	...	79,6	13,7	2,2	3,1	
Пружанский	75,5	6,7	12,8	1,4	3,0	
Слонимский	80,7	...	15,2	1,6	2,1	0,4
Сокольский	83,8	...	12,2	1,2	1,8	

Первый: районы, где преобладало белорусское население. Это Сокольский (83,8 %), Волковысский (82,4 %), Слонимский (80,7 %), Пружанский (75,5 %) и Гродненский (65,8 %) уезды.

Второй: Кобринский и Берестейский уезды (современная Брестская область) с преобладанием украиноязычного населения — 79,5 % и 64,3 % соответственно. В относительном большинстве оно представлено и в Бельском повете (39,1 %).

Третий: Белостокский и Бельский уезды, где поляки составляли относительное большинство (34,0 % и 34,9 %), что объясняется близким расположением их к губерниям Привислинского края.

Удельный вес евреев Гродненской губернии равнялся 17,4 %. Еврейское население проживало, в основном, в городах и местечках и было равномерно распределено по всем уездам, за исключением Белостокского, где оно составляло 28,3 %.

Наибольшее число русских проживало в Брестском (8,1 %), Белостокском (6,7 %) и Гродненском уездах (6,2 %).

Литовцы в числе нескольких тысяч человек компактно проживали в северо-западной части губернии (в Гродненском уезде).

Татары, переселенные в Литву великим князем Витовтом между 1395–1398 гг., встречаются чаще всего в Слонимском уезде.

Значительная часть немцев проживала в присоединенной от Пруссии части Белостокской области. В самом Гродно традиционным было немецкое население. Перепись 1897 г. отмечает 375 лиц с родным немецким языком.

В урбанизационные процессы были вовлечены все этносы региона (таблица 3).

Таблица 3

Распределение населения Гродненской губернии по языку (1897 г.)

Место жительства	Язык					
	Белорусский	Русский	Еврейский	Польский	Малорусский	Другой
Городское население, %	9,0	15,0	57,7	12,6	2,3	3,4
Сельское население, %	50,6	26,4	9,8	9,6	2,7	0,9

Данные таблицы свидетельствуют, что абсолютное большинство белорусов проживало в сельской местности и относилось к крестьянскому сословию. Среди белорусскоязычного населения Гродненской губернии крестьяне составляли 85 %. Главной социальной особенностью польскоязычного населения являлась чрезвычайно высокий удельный вес в нем потомственного дворянства. Однако в составе белорусскоязычного населения их удельный вес не превышал 2,5 %. О социальных особенностях местного русского населения свидетельствует то, что среди крестьян русские составляли 5 %, а среди потомственных дворян — 16, личных дворян (чиновников) — 51,8, духовенства — 61,5 % [3, с. VIII].

Основными видами хозяйственной деятельности у белорусов, украинцев, поляков и литовцев была добывающая промышленность, у русских и татар — непромысловые занятия, у евреев и немцев — обрабатывающая промышленность. Кроме того, значительная часть еврейского населения занималась промыслами (24,9 %) и торговлей (22,4 %) [3, с. XIV].

В иерархии факторов этнической самоидентификации жителей Гродненской губернии в исследуемый период наряду с родным языком важное место занимала конфессиональная принадлежность. Согласно данным Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., в Гродненской губернии православных насчитывалось 919 346 чел. (57,3 %), католиков — 386 519 чел. (24 %), иудеев — 280 489 (17,5 %), лютеран — 12 551 чел. (0,8 %), мусульман — 3 731 чел. (0,2 %) [3, с. VII]. Как видим, в Гродненской губернии преобладало православное население. Наибольшее число православных проживало в юго-восточной части губернии (Брестском, Пружанском и Слонимском уездах. Самый высокий процент православных отмечается в Кобринском уезде (86,2 %), что объясняется наличием белорусов и малорусов (украинцев), традиционно исповедующих православную веру.

Существенной особенностью белорусов как этноса в сравнении с русскими, поляками, литовцами было разделение их по вероисповеданию на православных и католиков. Несмотря на то, что в целом среди белорусов преобладали православные (69,5 % от общего их числа), статистические данные, преимущественно губернского и уездного охвата, позволяют выявить весьма значительный процент белорусов-католиков (18,8 %), которые именовались местной администрацией поляками, говорящими по-белорусски. На это были свои причины.

Ликвидация униатской церкви в 1839 г., мощный идеологический натиск официальной Русской православной церкви на католический костел привели к усилению последнего как оппозиционного духовного плацдарма по отношению к царизму. В этой роли Костел в Гродненской губернии объединял те разноэтнические силы, которые желали краевого, по сути, белорусского самоопределения и самоутверждения. Не случайно количество католиков прогрессирует в течение XIX в., причем, что характерно, за счет белорусов-католиков, несмотря на сопротивление данному процессу всей идеологической системы Российской империи. С 1905 г. в Гродненской губернии наблюдается довольно массовый (в несколько десятков тысяч человек) переход бывших униатов, а затем православных в римско-католичество [2, с. 87].

Значительная часть жителей Гродненской губернии относилась к католикам. Принадлежность к римско-католическому Костелу для многих поляков и литовцев была важнейшей чертой национальной самоидентификации, в то время как для белорусов и русских — православная церковь. Наибольшая часть католиков проживала в пограничных с привисленскими губерниями уездах: Белостокском и Сокольском, где были сосредоточено польское население.

Высок удельный вес иудеев, особенно в западных уездах. Наибольший процент лиц иудейского вероисповедания приходится на Белостокский уезд (28,3 %). Здесь же сосредоточены и лютеране, составляющие 3,51 % населения уезда. Таким образом, в конфессиональной сфере находит свое отражение этнонациональный состав населения Гродненской губернии.

В целом религия была и остается фактором, придающим этническим связям в Гродненском регионе специфический характер. В результате происходит слияние этнических и конфессиональных элементов культуры, на основании чего правомерно говорить именно об этноконфессиональных чертах культуры проживающих в регионе народов, а о самих этих народах как об этноконфессиональных общностях. Понятие «этноконфессиональной общности» применимо к полякам-римско-католикам, иудеям, татарам-мусульманам, русским-старообрядцам, немцам-лютеранам и некоторым другим общностям.

Этноконфессиональная метаморфоза белорусов во многом объяснялась борьбой «польского» и «русского» начал в сфере образования. В целом по губернии грамотные составляли 29,16 % всех жителей (в городах — 48,6 %, в сельской местности — 25,5 %). В уездных городах процент грамотности колебался от 41,8 % (Кобрин) до 57,6 % (Волковыск). Что касается уездов, то первым по грамотности в переписи значился Белостокский уезд (42,8 %), затем шли Сокольский (39,1 %), Гродненский (35,3 %), Волковысский (25,4 %), Пружанский (22,1 %), Слонимский (20,6 %), Кобринский (17,8 %) [3, с. XI, 1].

В переписных материалах 1897 г. государственно-языковая политика российского правительства нашла свое отражение в таких показателях как «грамотность по-русски», т.е. умении читать по-русски, и «грамотность на других языках», которая фиксировалась лишь при неспособности респондента читать на русском языке. Так, 2/3 грамотного населения Гродненской губернии умели читать по-русски, 31,5 % были «грамотны на других языках». Среди грамотных белорусов грамотность «по-русски» составляла 68,2 %, у евреев — 52,8 %, среди поляков — 49,2 % [3, с. 148–149].

Исходя из показателя «грамотности по-русски», наиболее высокая грамотность, разумеется, была характерна для русских — 58,1 %. У евреев этот показатель составлял 42,9 %, у поляков — 40,5 %, у белорусов — 22,8 %, а у украинцев — 16,6 %. Следует отметить, что среди белорусов-католиков грамотность была в 2 раза выше, чем у белорусов-православных (35,4 % и 17,3 % соответственно) [3, с. 106–109].

Сопоставляя многочисленные данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи, можно установить определенную взаимосвязь грамотности, родного языка и этноконфессиональной принадлежности населения Гродненской губернии на рубеже XIX–XX вв.

В 1903 г. выдающимся филологом, стоящем на позициях западноруссизма, Евфимием Федоровичем Карским была предпринята этнографическая экспедиция по всем белорусским губерниям. Языковой принцип позволил определить Е. Ф. Карскому границы присутствия белорусов, поляков и литовцев на территории северо-западных губерний.

По итогам экспедиции был издан главный труд ученого — полномасштабная научная работа «Белорусы», заслужившая впоследствии название «энциклопедии белорусоведения». Евфимий Карский призывал бережно относиться к культуре и наречию белорусов и еще до революции составил программу изучения белорусского языка в школах.

Таким образом, особенность этносоциальных процессов Гродненского региона в конце XIX — начале XX в. выражается в типологической неоднородности составляющих его этносов. Исходя из количественных параметров, можно выделить большой (белорусы), средний (поляки) и малые этносы. Белорусы являлись не только самым большим этносом, но и по отношению к ним все небелорусские народы правомерно рассматривать как национальные меньшинства с вытекающим отсюда юридическим статусом и правами на удовлетворение специфических культурных запросов.

Список использованной литературы

1. Беларусы. Т. 4. Вытокі і этнічнае развіццё / В. К. Бандарчык [і інш.]. Мінск: Беларус. навука, 2001.
2. На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения / отв. ред. Л. Е. Горизонтов; Ин-т славяноведения РАН. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2004.
3. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. XI: Гродненская губерния. СПб., 1904. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.prlib.ru/item/436627> (дата обращения: 27.03.2022).
4. Улейчик Н. Л. Этногенез и этническая история Гродненского Понеманья // Этнокультурные процессы Гродненского Понеманья в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.]; редкол.: А. Викт. Гурко, Л. В. Ракова, А. Вл. Гурко; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исследований белорус. культуры, языка и лит. Минск: Беларуская навука, 2014. С. 8–101.

Об авторе

Улейчик Наталья Леонидовна — Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (ГрГУ имени Янки Купалы), доцент кафедры всеобщей и славянской истории, кандидат исторических наук, доцент; un161@mail.ru. Тел. +375 (29) 782-31-81.

Ulejchik N. L.

Yanka Kupala State University of Grodno

Ethno-Social Processes in Grodno Province at the Turn of the 19th–20th Centuries

There is no other region on the territory of Belarus, where the fates of different ethnic groups would be so closely intertwined as in the western region of Belarus or the Belarusian-Polish-Lithuanian borderland, conditionally considered within the administrative boundaries of the modern Grodno region, and in a historical retrospective — the Grodno province at the turn of the 19th–20th centuries. The article deals with the peculiarities of ethno-social processes on the territory of Grodno province according to the first general census of the Russian Empire in 1897. It was found out, that Grodno province was the borderland of different cultural zones and ethnic formations, the region of their constant interaction and mutual influence.

Keywords: Grodno Province, ethno-social processes, the turn of the 19th-20th centuries, census, native language, religions.

About the author

Ulejchik Natalia Leonidovna — Yanka Kupala State University of Grodno, Associate Professor of the Department of General and Slavic History, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; un161@mail.ru. Tel. +375 (29) 782-31-81.

Программа сетевой магистратуры «Цифровая журналистика» как опыт междууниверситетского взаимодействия

В тексте рассмотрены предпосылки, некоторые преимущества, значимые аспекты и проблемы реализации образовательных программ в сетевой форме. Дан краткий обзор опыта сетевого взаимодействия белорусских высших учебных заведений, в том числе Белорусского государственного университета. Текст содержит информацию о форме участия факультета журналистики БГУ в реализации сетевой программы магистратуры «Цифровая журналистика».

Ключевые слова: сетевая форма, образование, программа, журналистика, магистратура.

Процессы глобализационного и технологического порядка трансформируют практики и подходы в системе высшего образования. В условиях, когда вузы находятся в поиске путей эффективного выхода на международный рынок образовательных услуг, когда образование становится непрерывным и превращается в фактор жизненного успеха, а образовательные системы опираются на индивидуальные траектории и используют интегрированные методы обучения, одним из способов адаптации видится переход к сетевым системам образования и организации студенческой жизни.

Сетевая форма получения образования довольно популярна в зарубежных странах, а с 2014 года имеет разнообразные варианты реализации в практике российских высших учебных заведений. Возможности сетевых образовательных программ, методические рекомендации по организации образовательного процесса закреплены в ряде нормативных документов, где, в частности, обозначены такие преимущества сетевых программ: «...сетевая форма направлена на повышение качества образования и позволяет аккумулировать лучший опыт ведущих зарубежных и отечественных образовательных организаций; ...сетевая форма активизирует обмен передовым опытом подготовки кадров между образовательными организациями, создает условия для повышения уровня профессионально-педагогического мастерства преподавательских кадров, для использования в процессе обучения современной материально-технической и методологической базы» [2]. Так университеты выходят за пределы собственных стен и возможностей, договариваясь рассматривать партнеров как источники развития на правах совместной кооперации.

В Республике Беларусь также наработана определенная практика осуществления образовательных программ в сетевой форме. Так, на 2015 год 17 учреждений высшего образования (32 %) были заняты в 32 образовательных программах в сетевой форме с зарубежными партнерами (Литва, Российская Федерация, Германия, Португалия, Китай, Польша, Япония, Финляндия и др.). При этом 51 % таких программ предполагают выдачу двойных дипломов, 26 % — диплом Республики Беларусь, диплом только иностранного вуза выдается в 23 % случаев. В 52 % сетевое образование ведется на первой ступени высшего образования, в 35 % — в магистратуре, в 13 % — по двум ступеням высшего образования [3].

Что касается практики Белорусского государственного университета, уже более 10 лет он входит в Консорциум сетевого университета СНГ, который был создан как аналог программы «Эразмус Мундус» в рамках единого образовательного пространства государств-участников СНГ для повышения качества и привлекательности высшего образования, укрепления сотрудничества и межвузовских связей. Проект направлен на реализацию совместных магистерских программ, усиление международного сотрудничества и обмена аспирантами, проведение совместных научных исследований.

В 2019 году в состав Консорциума входили 35 ведущих университетов из девяти государств-участников СНГ: Азербайджанской Республики, Республики Армении, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Молдовы, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Украины. По программам сетевого университета СНГ магистранты Белорусского государственного университета могут обучаться в области международного права и по направлениям «Менеджмент», «Экономика», «Филология», «Международные отношения».

Программа сетевой магистратуры «Цифровая журналистика» будет внедрена впервые и в ее реализации примут участие сотрудники факультета журналистики Белорусского государственного университета и Псковского государственного университета. Со стороны БГУ в разработке учебных программ по дисциплинам для сетевой магистратуры «Цифровая журналистика» задействованы четыре кафедры факультета журналистики: кафедра медиалогии, кафедра международной журналистики, кафедра периодической печати и веб-журналистики, кафедра медиалингвистики и редактирования.

За БГУ закреплены такие дисциплины, как «Трансмедийность современной коммуникации», «Персуазивность сетевого медиадискурса: практика создания смыслов», «Интегративная методика дискурсного анализа в интернет-изданиях», «Экономика медиасферы», «Управление мультимедийной редакцией», «Цифровая трансформация традиционных СМИ», «Основы цифровой журналистики», «Сетевые издания в эпоху цифровизации», «Журналистика данных». В учебном процессе примут участие не только опытные преподаватели, которые имеют заслуженное признание за свои научно-методические работы (профессор В. И. Ивченков, доценты А. А. Градюшко, О. Н. Касперович-Рынкевич, О. В. Луцинская, А. В. Потребин, Т. Л. Шоломицкая), но и молодые сотрудники факультета, которые специализируются на работе новых медиа (И. В. Беляева, В. В. Бондарчик). Все преподаватели имеют опыт проведения дистанционного занятий на Образовательном портале факультета журналистики БГУ (<https://edujourn.bsui.by/login/index.php>).

Такие предметы, как «Экономика медиасферы», «Управление мультимедийной редакцией», «Цифровая трансформация традиционных СМИ» прошли успешную апробацию в аудиторной работе по учебному плану магистратуры специальности «Журналистика (профилизация Медиаменеджмент)». Концепция этого направления магистратуры — объединить учебу в области журналистики с углубленной подготовкой в сфере экономики, менеджмента и аналитической работы. Сегодняшняя работа медиаменеджера связана не только с управленческими навыками, она требует объемных, многоаспектных знаний в сфере медиаиндустрии, умения заниматься дистрибуцией контента на различных медийных платформах.

Учитывая собственный опыт разработки магистерских программ, а также мнения и наблюдения коллег [4], обратим внимание на несколько важных аспектов при разработке и реализации сетевых образовательных проектов. Одним из таких аспектов является «необходимость признания деятельности в рамках сетевых программ как одной из форм социального взаимодействия» [4, с. 117], что предусмотрено включением всех участников в новые социальные коммуникации, в разных режимах (on-line и off-line) и с использованием различных электронных средств. Это меняет привычные способы подготовки преподавателя к занятиям, требует постоянного повышения профессиональной компетентности, навыков определения стратегических и краткосрочных целей при реализации учебного курса.

Разработка сетевых программ должна учитывать повышенный уровень ответственности студентов за успешность учебы и их определяющую роль в построении индивидуального образовательного маршрута. Новые преподаватели и дополнительные информационные и культурно-образовательные ресурсы вуза-партнера позволяют студентам по-новому оценить свои возможности и увидеть перспективы.

Важным аспектом сетевого взаимодействия также является построение «горизонтальной карьеры» преподавателей. Формулировка актуальных научных и практических проблем при создании новых программ, командная работа, поиск партнеров-коллег внутри своего вуза и вне его — такая деятельность помогает реализовывать научный и управленческий потенциал.

Помимо учебной работы результатом и показателем эффективности сетевых программ может стать проведение сравнительных исследований, основанных на своеобразии проявлений образовательной практики в условиях каждого региона, организация совместных научно-исследовательских проектов.

На этапе проработки организационных и методических вопросов, связанных с обеспечением учебного процесса в сетевой форме, следует предполагать и ряд проблем, которые потребуют решения для обеспечения эффективного развития сетевого взаимодействия. Так, коллеги из белорусских вузов, анализируя свой опыт сотрудничества в сетевом формате, выделяют следующие проблемные моменты:

- несовпадение требований зарубежных и белорусских образовательных структур к образовательным программам (признание присуждаемых академических степеней и квалификаций, ориентация на образовательные результаты, введение системы кредитов, механизмы обеспечения и контроля качества);
- отсутствие системы нормативного правового регулирования процесса разработки и реализации образовательных программ в сетевой форме, их финансового и визового обеспечения, финансовое обеспечение мобильности преподавателей и обучающихся;

– отсутствие взаимодействия в послепроектный период, вследствие чего ожидаемый и предсказываемый в качестве основного результата проекта эффект, впоследствии оказывается нереализованным или неподдерживаемым;

– отсутствие системных механизмов координации деятельности вузов, а также механизмов контроля за их совместной деятельностью и ее оценки [1, с. 21].

Намеченные цели, обозначенные аспекты и проблемы сетевого взаимодействия при реализации программы магистратуры «Цифровая журналистика» потребуют системной работы по обучению и повышению квалификации управленческого персонала и преподавателей вузов-партнеров, анализа опыта лучших совместных образовательных программ, адаптации лучших педагогических методик для формирования точек роста и развития.

Список использованной литературы

1. Барановская Е. В., Басова Я. А. Сетевая форма реализации образовательных программ учреждений высшего образования: понятие и проблемы // Высшее техническое образование: проблемы и пути развития = Engineering education: challenges and developments: материалы VIII Междунар. науч.-метод. конф. (Минск, 17–18 ноября 2016 года). В 2 ч. Ч. 1 / редкол.: Е. Н. Живицкая [и др.]. Минск: БГУИР, 2016. 326 с.
2. Методические рекомендации по организации образовательной деятельности с использованием сетевых форм реализации образовательных программ: Письмо Минобрнауки России от 28.08.2015 № АК-2563/05 [Электронный ресурс]: URL: https://tulaws.ru/acts/Pismo-Minobrnauki-Rossii-ot-28.08.2015-N-AK-2563_05/ (дата обращения: 19.03.2022).
3. Республиканский совет Ректоров Учреждений высшего образования доклад «О сетевой форме реализации образовательных программ» от 21 октября 2015 Минск [Электронный ресурс]: URL: <http://srrb.niks.by/wp-content/uploads/2019/12/2015-10-21-2.pdf> (дата обращения: 19.03.2022).
4. Федорова Н. М. Сетевая магистерская программа: замысел, реализация, социальные эффекты [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevaya-magisterskaya-programma-zamy-sel-realizatsiya-sotsialnye-effekty> (дата обращения: 19.03.2022).

Об авторе

Федотова Наталья Александровна — Белорусский государственный университет (БГУ), заведующая кафедрой медиалогии факультета журналистики, кандидат филологических наук, доцент; nf333@yandex.ru. Тел. +375 (29) 653-45-28.

Fedotova N. A.
Belarusian State University

Network Master's Program “Digital Journalism” as an Experience of Interuniversity Cooperation

The text discusses the prerequisites, some advantages, significant aspects and problems of implementing educational programs in a network form. A brief review of the experience of network interaction of Belarusian higher educational institutions, including the Belarusian State University, is given. The text contains information about the form of participation of the Faculty of Journalism of the Belarusian State University in the implementation of the network master's program “Digital Journalism”.

Keywords: network form, education, program, journalism, magistracy.

About the author

Fedotova Natallia Alexandrovna — Belarusian State University (BSU), Head of the Department of Media Studies of the Faculty of Journalism, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; nf333@yandex.ru. Tel. +375 (29) 653-45-28.

Агрессивное речевое поведение в белорусском телеэфире

Рассматриваются агрессивные речевые стратегии при освещении российско-украинского конфликта на белорусском телевидении. Выделяются когнитивные тактики, а также тактики с прямым выражением мыслей, которые употребляются ведущими и героями телепрограмм с целью воздействия на сознание зрителей и настойчивого разъяснения реальной ситуации происходящего.

Ключевые слова: речевое поведение, агрессия, телепрограмма, тактика, телекоммуникатор, адресант, белорусский телеэфир.

Выбор речевого поведения адресантами телеэфира варьируется в зависимости от формата программы и ее тематической направленности: ведущие и герои передач придерживаются разных типов речевого поведения (вежливого, толерантного, агрессивного), которое реализуется посредством когнитивных тактик, тактик с прямым выражением мыслей, а также характеризуется выбором определенных речевых средств.

Российская спецоперация в Украине сформировала не только текущую повестку всего информационно-аналитического вещания в Республике Беларусь, но и во многом предопределила речевое поведение адресантов телеэфира. Так, в интервью японскому журналисту телеканала TBS Президент страны Александр Лукашенко подчеркнул и недвусмысленно дал понять: «То, что касается наших отношений и поддержки России в любой ситуации, — мы союзники» [2]. В данном контексте агрессивное речевое поведение в телеэфире становится не только способом донесения правдивой информации до белорусской аудитории, но и важным инструментом борьбы с многочисленными фейками в интернете, которые способствуют формированию негативного имиджа двух стран на международной арене.

Выражением агрессии как специфической формы речевого поведения являются языковые средства. Суть речевой агрессии заключается в определенной трансформации внешних процессов (различных реакций человека на отрицательные эмоциональные раздражители) во внутренние процессы, связанные с речью и мышлением, поскольку важнейшей формой проявления эмоций у человека является речь. Во время реализации агрессивного поведения на телевидении коммуникатор, как правило, направляет свои агрессивные действия либо на своего оппонента, либо на объект разговора, а в результате — на зрителя. Его цель — убедить аудиторию в своих взглядах.

Тактики с прямым выражением мыслей. Самая простая и эффективная стратегия нанесения вреда собеседнику — прямое выражение агрессии. В прямых вербально-агрессивных актах непосредственно проявляется иллокутивная цель адресата, т. е. он открыто выражает свое отношение к партнеру по общению или к общему предмету разговора. Тактики прямого выражения мыслей могут открыто проявляться в виде указаний на некомпетентность собеседника, оценочных высказываний, риторических вопросов. Языковые средства при этом выбираются коммуникаторами так, чтобы вызвать отрицательные эмоции.

Тактика «*оценочные высказывания*». В телевизионном дискурсе специфика отбора и организации речевых средств, стилистических и риторических приемов для выражения негативного отношения к предмету разговора обусловлена тем, что устный публичный дискурс всегда строго регламентирован, т. е. у говорящего нет времени на развернутые высказывания, поэтому выражения с негативом концентрируются в небольшом речевом материале. В этом случае телекоммуникатор вынужден использовать наиболее эффективное средство вербальной агрессии — оценку, которая осуществляется с помощью оценочных высказываний:

О. Макей, ведущая: Для того, чтобы управлять вами, работают специальные структуры. Тысячи человек, огромные бюджеты — все эти центры и технологии направлены на то, чтобы спровоцировать

вас на нужные эмоции. В данном случае показать Россию врагом и агрессором, а подконтрольную США Украину исключительно жертвой.

С. Гусаченко, ведущий: А между тем, по большому счету, одним большим фейком является дружба Киева с Брюсселем и Вашингтоном. Сладких обещаний давали немало, но правда и реальность всё равно оказались горькими. Как Запад обманывал Украину и накачивал ненавистью к соседям? Вспомним главные факты за 8 лет (информационно-аналитическая программа «Главный эфир»).

Здесь проводится оценка коммуникативной компетентности оппонировавшей стороны через дискредитацию ее действий. Агрессивные вербальные действия ведущих были реакцией на ложные сведения, предоставленные белорусскому зрителю со стороны западного телевидения.

Тактика «указание на некомпетентность». Наиболее распространенным способом «обезоруживания» оппонента является эксплицитное (прямое) и имплицитное (косвенное) «указание на его некомпетентность».

Владимир Ераносян, герой программы: 40 дней [продлится острая фаза спецоперации России в Украине]. Это символично. Дали же народу ходить по пустыне. Был Мессия, который говорил, что не надо так себя вести. В философском смысле если. А еще есть Ортега-и-Гассет, испанский философ, который написал книгу «Восстание масс». Он сказал, что когда политик становится в стране лидером за счет того, что он хотел понравиться массам, то есть заигрывал перед массами, ничего хорошего не получится (интервью-передача Марков. Ничего личного).

Тактика «риторические вопросы». При установке адресанта на захват коммуникативного поля вопросительные конструкции также могут служить средством реализации активной тактики вербальной агрессии. Коммуникатор задает вопрос с целью дискредитировать оппонировавшую сторону. Таким образом, данная тактика агрессивного речевого поведения призвана, во-первых, продемонстрировать несостоятельность «партнёра», во-вторых, поставить его в подчиненное отношение.

О. Гайдукевич, гость программы: *Белорусов, русских убивать можно (прим. Автора: писать), а геев критиковать нельзя. Вот нельзя их критиковать. Это называется демократия и толерантность. Вот после этого о какой толерантности Запад может говорить? (информационная передача «Главный. Тур» LIVE).*

Тактика «ирония». По мнению А. Сидоровой, ирония «определяется как завуалированное выражение критического отношения к предмету, чаще всего к непосредственному коммуникатору в комической форме» [3]. Вербально-агрессивным актом иронии становится, когда адресант высмеивает виртуального оппонента с отрицательно-деструктивным тоном.

И. Тур, ведущий: *Мне сейчас очень забавно наблюдать за многими сетевыми страдальцами, которые так сердобольно писали во всех комментариях, что “нет войне. И как же такое может происходить в XXI веке?” Неделя прошла. Они уже забыли о сердобольности и человечности и стали думать: “А что будет с долларом? А продавать ли квартиру в Минске? А не упадут ли зарплаты? Войны войнами, а своя шкура ближе к телу. Это наш менталитет (информационная программа «Пропаганда»).*

Когнитивные тактики. Когнитивные тактики, проявляющиеся преимущественно завуалированно, помогают навязать свое видение и отношение к предмету разговора (референту) аудитории.

Тактика «обезличивание». Эффективным средством выражения негативного отношения к партнеру является отказ от идентификационной номинации – «обезличивание оппонента» [1, с. 574]. Таким образом, если телекоммуникатор не использует имя для обозначения своего оппонента, это является частью его коммуникативного намерения. Вместо общепринятого вежливого обращения чаще всего используются следующие средства обезличивания: а) «гиперонимические» номинации: человек, субъект, люди; б) обозначение по половому признаку: молодой человек, женщина, дама, парень и т. д.; в) обобщенные номинации (представители разных профессий, организации, политики):

А. Лазуткин, автор рубрики: *А какая ситуация в Украине? Вы популярный актер, хорошо сыграли роль в кино и за вас голосует 70 % избирателей. Да, они голосовали не за нацистов, а за мир и за русский язык. Но потом вы становитесь президентом, и вдруг оказывается, что силовой блок вам не подчиняется. Потому что в этих структурах работают нацисты, у них там бизнес, например, они занимаются охраной и служат в МВД. Или ходят под СБУшниками, выполняют политические убийства и отжимают собственность. И финансируют их не какие-то волонтеры, а государственный бюджет, они все военнослужащие. Вас не устраивает, что у вас вот такие вооруженные силы, это фанатики, которые выполняют те приказы, которые сами хотят. Или вы решили, например, поменять министра МВД или генерального прокурора. А вам звонят из американского посольства и говорят: так*

делать не надо, вся кадровая политика должна быть согласована с нами (рубрика «Занимательная политология» новостной программы «24 часа»).

Тактика «логический эллипсис». Речевые отношения строятся по законам логики. «Логический эллипсис» иногда используется как средство эмоционального воздействия на зрителя, при котором адресант провоцирует оппонирующую сторону или обвиняет ее.

М. Марков, герой программы: Ведь два года назад, ведь именно Китай был обвинен Трампом в том, что оттуда пошла зараза. А сейчас возникает вопрос не чей Крым, а чей ковид? И 6 миллионов погибших, полмиллиарда заболевших... за это тоже кто-то должен нести ответственность. Особенно если выяснится, что Украина к этому имеет непосредственное отношение (дискуссионная передача «Клуб редакторов»).

Герой программы использует сложноподчиненное предложение с придаточным условия. По законам логики, исходя из вышеприведенного факта (6 миллионов погибших от ковида), связывает два события, одно из которых (а если Украина к этому причастна?) занимает позицию условия, а другое (кто будет нести ответственность) — положение последствий, которые не связаны между собой. Такая логическая языковая форма заставляет зрителей ток-шоу видеть эту связь.

Тактика «создание неологизмов». Вербальная агрессия адресанта также может быть связана с актуализацией одного из компонентов смысловой структуры концепта. Ведущий придумывает новые слова, имеющие известную негативную коннотацию, по отношению к непосредственному агрессору, перенося таким образом общечеловеческое значение на частное. Цель телекоммуникатора — принизить своего виртуального оппонента в глазах большой аудитории и, как следствие, «вербовать союзников» [1, с. 587].

А. Муковозчик, автор рубрики: Грета — школьница, неизвестная миру еще год назад, — уже подала документы на регистрацию своего имени в качестве товарного знака. Предлагаю не отставать от цивилизованного мира: давайте представим, что некоторые наши земляки пошли той же верной дорогой. И для начала зарегистрировали товарный знак «федута». Хотите сказать, чтобы человек не делал из себя обиженного, потому что сам во всем виноват, скажите просто: «Не строй из себя «федуту!»» А экономическое состояние будем оценивать в «романчуках»: «С такой закредитованностью вашему колхозу «романчук»». От «романчука» шарахается любой руководитель, вот их компетентность будем мерить в «чалых». «Что-то директор у вас какой-то «чалый»», — значит, о вверенном ему предприятию он может толком рассказать лишь на пальцах. Бизнесмен, который заработал денег, а теперь хочет на них сходить в политику, — это «черечень». «Ну ты, брат, прямо «черечень» какой-то!» — в вечерней бане это дружеская оценка неправильного конца бизнес-плана. Неспokoйные члены общества, что постоянно зовут выйти хоть на какой-нибудь митинг, будут «северинцы». Если такой «северинец» предложит вам на улице хором помолиться или спеть гимн, не отказывайтесь, там реакция непредсказуема. Хорошо бы, издали распознав в толпе «северинца», держаться от него подальше. Те, кто уверен, что у «северинцев» «абсолютно нет стыда», — это «пазняки» (рубрика «Накипело» новостной передачи «24 часа»).

Как правило, при употреблении неологизмов с негативной коннотацией у человека возникают определенные ассоциации, не поддающиеся под верификацию.

Тактика «Негативная информация». Проявлением активных, но непрямых агрессивных действий со стороны адресанта можно считать перенасыщение своей речи негативной информацией. Отрицательный тон, вызывающий негативное отношение к явлениям действительности, провоцирует появление у массового адресата депрессивного настроения, пессимистического мировоззрения.

Алена Сырова, ведущая: Понятное дело, что большинство изменений направлено на нас самих, внутрь. И все же, с учетом того, как будут реализованы нормы, прописанные в Конституции. Петр, как считаете, Беларусь со стороны как будет восприниматься, как изменится?

Петр Петровский, политолог: Смотря кем.

Кирилл Казаков, ведущий: Смотря снизу, с Запада, с Севера, — вокруг только одни враги сейчас (ток-шоу «По существу»).

Отметим, что такая агрессивная тактика в данном случае оправдана, она объясняется конкретной эмоцией — именно возмущением — и направлена не на оскорбление, а на экспрессивное воздействие на сознание и эмоции аудитории.

Рассмотрим также пример из программы «Понятная политика» на канале «Беларусь 1». Тема сюжета, о котором рассказывают ведущие, «Твой Telegram! Оружие нашего времени». В анонсе они обещают рассказать о методах манипулирования сознанием с помощью мессенджеров («Как мы пытаемся манипулировать своим сознанием? Давайте рассмотрим на конкретных примерах»). Однако в тексте при-

водятся веские доводы об опасности некоторых Telegram-каналов и говорится об их запрете в России, но тут же эта информация ставится под сомнение, поскольку есть цитата П. Дурова о бесперспективности этого решения и незаконной блокировке. Ведущие Telegram-каналы в Беларуси представлены только с отрицательной стороны. Подчеркивается, что многие из них созданы для создания паники и психоза в обществе. При этом называются конкретные каналы и их статистика. Цель такой тактики — предостеречь белорусов от фейковой информации, которую сегодня так часто можно встретить в интернете.

Таким образом, агрессивное поведение представляет собой многовекторное явление, включающее языковой, коммуникативно-прагматический, когнитивный аспекты, а выбор тех или иных речевых стратегий и тактик адресантов в телепрограммах напрямую влияет на формирование агрессивного коммуникативно-прагматического типа речевого поведения у аудитории. Характеризуя речевую агрессию на телеэкране, необходимо подчеркнуть ее осозанный характер: это целенаправленное, мотивированное, негативное воздействие, определяющее выбор как речевых стратегий, так и языковых средств.

Агрессивное речевое поведение адресантов в кадре — явление, все чаще характерное для отечественного телевидения. Агрессивные стратегии и тактики, как правило, реализуются в телепередачах с целью воздействия на сознание зрителей и настойчивого разъяснения реальной ситуации происходящего. Для достижения своей коммуникативной цели участники коммуникации используют «обвинения оппонента в некомпетентности», дают негативную оценку его деятельности, прибегают к «обезличиванию партнера», используют вопросительно-риторические конструкции.

Список использованной литературы

1. Воронцова Т. А. Речевая агрессия, толерантность, вежливость / Т. А. Воронцова // Язык СМИ и политика (коллективная монография); под ред. Г. Я. Солганика. М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. С. 569–611.
2. Интервью Лукашенко японскому ТВ: мир на Украине, ядерное оружие в Беларуси, санкции, Китай и США [Электронный ресурс]: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-E99fuhCvr8> (дата доступа: 20.03.2022).
3. Сидорова Е. Ю. Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление / verbalnaya-agressiya. [Электронный ресурс]: URL: [verbalnaya-agressiya-kak-kommunikativno-pragmaticeskoe-yavlenie.pdf](#) (дата доступа: 20.03.2022).

Об авторе

Хмель Елизавета Романовна — Белорусский государственный университет (БГУ), заместитель декана факультета журналистики Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук; Elizaveta_chmel@mail.ru. Тел. +375 (29) 607-42-00.

Khmel E. R.
Belarusian State University

Aggressive Speech Behavior on Belarusian Television

Aggressive speech strategies are considered when covering the Russian-Ukrainian conflict on Belarusian television. Cognitive tactics are singled out, as well as tactics with a direct expression of thoughts, which are used by the presenters and heroes of television programs in order to influence the minds of the audience and persistently explain the real situation of what is happening.

Keywords: speech behavior, aggression, TV program, tactics, telecommunicator, addressee, Belarusian TV air.

About the author

Khmel Elizaveta Romanovna — Belarusian State University (BSU), Deputy Dean of the Faculty of Journalism, Candidate of Philological Sciences; Elizaveta_chmel@mail.ru. Tel. +375 (29) 607-42-00.

Философия имени в повести В. Быкова «Сотников» (1970)

Впервые в науке предпринята попытка проанализировать текст повести В. Быкова «Сотников» сквозь призму философии имени, созданную в начале XX века А. Ф. Лосевым, П. А. Флоренским и др. Автор приходит к выводам о глубокой связи белорусского писателя советского времени в выборе имен главных и второстепенных героев повести с теорией русских религиозных мыслителей. Анализ имен позволяет позиционировать В. Быкова как писателя, развивающего и продолжающего духовные традиции русской классики XIX в.

Ключевые слова: В. Быков, А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский, философия имени, повесть «Сотников», имена героев, духовные смыслы повести.

Повести В. Быкова, и в частности повесть «Сотников», неоднократно исследовались, особенно в советское время: как «лейтенантская проза», в жанровом отношении [15], как особый подход в изображении человека на войне [12], в контексте гуманистического пафоса советской литературы [13], в контексте категории трагического [6] и т. д. Но до настоящего времени сквозь призму философии имени повесть «Сотников» и ее герои не были предметом исследования.

Задача статьи заключается в том, чтобы осмыслить повесть В. Быкова и ее героев в свете работ русских религиозных философов А. Ф. Лосева и П. А. Флоренского, разрабатывавших теорию имяславия. Тем более что на эту теорию обращают внимание современные ученые, например, Э. М. Афанасьева, применяя идеи названных философов к анализу творчества писателей и поэтов XIX века, отмечает, что «осмысление имени в контексте логосно-энергийного взаимодействия с миром стало основой философского подхода, оформившегося в трудах А. Ф. Лосева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского как реакция на споры об имени Божиим» [2, с. 4].

В одном из ранних произведений А. Ф. Лосева «Философия имени» (1923) сказано: «В слове, и в особенности в имени, — все наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков; и не может быть никакой психологии мысли, равно как и логики, феноменологии и онтологии, вне анализа слова и имени. В слове и имени — встреча всех возможных и мыслимых пластов бытия; <...> и еще не было дано достойного анализа имени, хотя уже во многом установлены и соответствующие методы и найдены некоторые формулировки» [9, с. 8]. Отдельно А. Ф. Лосев говорит о значении имени: «В имени — средоточие всяких физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер. Здесь сгущена и нагнетена квинтэссенция как человеческо-разумного, так и всякого иного человеческого и нечеловеческого, разумного и неразумного бытия и жизни» [9, с. 8].

Развивая мысль А. Ф. Лосева, П. А. Флоренский говорит о значении имени для человека вообще и в процессе развития его личности: «Ведь то, что в собственном смысле называется именем, есть средоточное ядро личности, ее существеннейшая форма: воплощаясь, эта форма обрастает кольцом второстепенных ономастологических символов, которые своею совокупностью и совместно с тем, главенствующим, символом образуют полное имя данной личности» [14]. Н. В. Козловская подчеркивает значение в философии П. Флоренского бытийности имени, имеющего определенное влияние на формирование личности, ее поведение, жизненный путь и т. д. Она считает, что: «<...> в философии Флоренского <...> каждое имя — это архетип, инвариант человеческой личности, предопределяющий (наряду с некоторыми другими факторами) нравственные, физические признаки и даже жизненный путь носителя имени. Высший уровень философского обобщения Павла Александровича Флоренского: имя — начало бытия...» [8].

Современный ученый А. А. Гируцкий также считает «важнейшей частью учения П. А. Флоренского об именах» «ономастологию», «главным тезисом которой является утверждение о том, что именем выражается тип личности, ее онтологическая форма» [5]. Ученый рассматривает учение философа в преломлении в область словесного творчества, исследуя функцию имени в художественном мире лите-

ратурного произведения: «Для П. А. Флоренского художественные образы суть не что иное, как имена в развернутом виде, а все произведение — это, прежде всего, пространство силового поля соответственных имен. Полное развертывание этих свитых в себя духовных центров осуществляется целым произведением». Таким образом, ученый признает, что «имя образует основу как художественных образов, так и произведения, объединяя их в единое целое» [5].

Для данной статьи важен этот вывод: он определяет вектор нашего анализа, сквозь призму имени погружающегося в область литературного творчества писателя В. Быкова, примененного к смыслу художественного произведения в целом и к значению и функции героев в частности. Нам важен целый ряд важнейших наблюдений П. А. Флоренского о том, что «<...> в литературном творчестве имена суть категории познания личности, потому что в творческом воображении имеют силу личностных форм» [14], а также о том, что имена влияют на писателя в самом начале творческого замысла и в его развитии. Флоренский приходит к выводу: «Кто вникал, как зачинаются и рождаются художественные образы и каково внутреннее отношение к ним художника, тому ясно, что объявить имена случайными кличками, а не средоточными ядрами самых образов, — все равно, что обвинить в субъективности и случайности всю словесность как таковую, по самому роду ее» [14].

Философ уверен, что «<...> в искусстве — внутренняя необходимость имен — порядка не меньшего, нежели таковая же именуемых образов. Эти образы, впрочем, суть не что иное, как имена в развернутом виде. Полное развертывание этих свитых в себя духовных центров осуществляется целым произведением, каковое есть пространство силового поля соответственных имен» [14] [курсив автора — Н. Ц.].

Совершенно очевидно, что философ обосновывает методологию исследования, в основе которого он предлагает анализ литературного произведения сквозь призму значения имени героев. Используя методологию П. А. Флоренского, его сочинение «Имена», в котором автором дано подробное осмысление имени одного из главных героев анализируемой повести В. Быкова «Николай», обратимся к ее анализу, опираясь на значения имен ее героев. Тем более что сам автор повести признавался в непростой задаче, касающейся изображения в ней человека. В. Быков писал о повести «Сотников»: «Прежде всего, меня интересовали два нравственных момента, которые упрощенно можно определить так: что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?» [4].

В такой ипостаси писатель изобразил тех, кто перед казнью оказывается вместе в подвале дома в небольшой белорусской деревне на территории, захваченной фашистами. Это партизаны Рыбак и Сотников, а также с ними связанные, вовлеченные в эти же обстоятельства деревенский староста Петр, прятавшаяся у него еврейская девочка Бася, мать троих малолетних детей Демчиха. Исходя из судеб названных героев, В. Быков отвечает на вопрос: «На что он (человек) способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?» [4].

Партизан Николай Рыбак в самом начале действия повести кажется совершенно стойким «перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств»: он физически здоров, вынослив, опытен. Он, на первый взгляд, надежная опора идущему вместе с ним на задание больному Сотникову. Но при этом внутреннее неодобрение в отношении к товарищу в Рыбаке есть: «Он уже знал, что тот не признается, хотя и занемог, будет бодриться: мол, обойдется, — чтобы избежать чужого участия, что ли? Уж чего другого, а самолюбия и упрямства у этого Сотникова хватило бы на троих» смерть невозможно?» [3]. Николай Рыбак не понимает, почему больной Сотников идет на задание, объясняя: «Потому и не отказался, что другие отказались». «Рыбаку это было не совсем понятно» [3], — говорит автор.

Подробная характеристика имени «Николай» в книге Флоренского удивительным образом раскрывает и объясняет этот образ в самой его сути: в мыслях, в мотивах поступков, в самих поступках. О человеке по имени Николай Флоренский пишет: «Его жизнь — в деятельности. Деятельность эта безостановочна, потому что Николай не дает себе ни отдыха, ни сроку, почитая ее своим долгом. Но самый долг понимается им рассудочно и внешне, и понятие о нем возникает не из глубины, где соприкасается мир здешний с миром иным, а на поверхности морализма. У Николая редко бывают сомнения, что хорошо и что плохо. Антиномии внутренней жизни далеки от него, как и вообще его мало занимает углубляться в области, где трудно дать, или во всяком случае трудно ожидать четких и деловитых решений» [курсив мой — Н. Ц.].

В этих выводах Флоренского объясняется рассудочность Рыбака, его стремление быть в постоянной деятельности, но глубоко не задумываться над моральной стороной жизни и человеческих поступков. Отсюда непонимание причины, по которой Сотников, будучи больным, идет на задание,

почему у Сотникова нет зимней шапки, которую так легко взять силой и вообще непонимание нравственной основы, свойственной Сотникову. Притом что Рыбак человек добрый, старается выполнить задание для отряда: он несет добытую овцу, несмотря на трудности пути и обстоятельств. Он не хочет конфликта со старостой: пусть его накажут другие. Прямолинейно его понимание того что «наверное, смысл партизанской борьбы заключался в том, чтобы, отстаивая собственную жизнь, чинить вред врагу, и тут он чувствовал себя полноценным партизанским бойцом» [3]. И что бы с ним не происходило, в его сознании всегда побеждает тревога за собственную жизнь, которая оказывается его нравственной и физической сущностью. Вот его размышления о себе и Сотникове после допроса: «Теперь лишь бы повезло, и совесть Рыбака перед ним была бы чистой — не мог же он в таких обстоятельствах спасти еще и раненого» [3]. Или вспомним переломный момент в судьбе убегающих от полицаев партизан: «у Рыбака что-то сдвинулось внутри — он уже знал: удачи не будет. <...> И Рыбак с поникшей душой смотрел, как медленно и неуклонно занималось зимнее утро <...>» [3]. «Поникшая душа» — ключ к пониманию всех последующих поступков героя: и сделки с полицией, и согласие стать полицаем, и участие в казни. Флоренский замечает приземленность носителя имени Николай, отсутствие интереса к миру нравственному: «потребности, душевные противоречия и запутанности, все индивидуальные заострения внутренней жизни, Николай не только не захочет принять в расчет и исключит из своего попечения, но даже, по-мужицки трезво, осудит, как баловство, экзотику и мечты от безделья» [14]. Как будто развивая мысль Флоренского, В. Быков пишет о мыслях героя, находящегося в подвале: «Как в жизни, так и перед смертью у него на первом месте твердолобое упрямство, какие-то принципы, а вообще все дело в характере, так понимал Рыбак» [14].

Мысль об отсутствии у Николая потребности в анализе своих внутренних чувств и поиска смыслов своих поступков и своей жизни вообще не один раз подчеркивает и объясняет в своем труде П. Флоренский. Так философ как будто говорит о поведении героя Быкова в момент выхода из подвала, когда он так торопится заявить о своем согласии служить в полиции, так торопиться выполнить все последующие приказы вплоть до участия в казни Сотникова. Флоренский пишет: «Ему чужды тщательно обдуманые жизненные ходы, выжидающие благоприятного момента; ему не только скучно распутывать жизненные узлы, но и враждебно как нечто, в чем он подозревает не то интригу, не то политику, не то хитрость. Между тем, Николай прямолинейно и нарочито честен, нарочито прям, волит иметь горячую честность и честную горячность. Тут свои склонности он стилизует в себе и склонен делаться программно-честным, программно-прямым и программно-горячим. И без того склонный горячиться, не слыша музыки бытия, он еще подкидывает дров под себя и себя разгорячает, считая, что тут-то и достиг вершины человеческого достоинства» [14].

Писателю же В. Быкову важны в героях именно «вершины человеческого достоинства», нравственные сущности, которые определяют самое главное в человеке перед лицом неминуемой смерти. Сотников в повести изображен как сгусток нравственной энергии, заложенной в его имени. Автор называет героя и его отца только по фамилии, образованной от слова «сотник».

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова читаем: «СОТНИК, сотника, муж. 1. Офицерский чин в казачьих войсках, соответствующий чину поручика в пехоте (дорев.). 2. Командир небольшого войскового подразделения, сотни (ист.) Стрелецкий сотник» [11].

Подобное объяснение найдем в словаре Т. Ф. Ефремовой: «Сотник м. 1. Офицерский чин в казачьих войсках, соответствовавший чину поручика в пехоте (в Российском государстве до 1917 г.). || Лицо, имевшее такой чин. 2. Командир сотни сотня II 1. 3. Начальник сотни» [7].

В «Библейской энциклопедии» сказано: «СОТНИК (Мф 8:5) — звание воинского начальника в римском войске, имевшего под своею командою сотню, или сто солдат» [10].

Таким образом, исходя из этих определений слова «сотник», приходим к выводу, что это воинское звание, ведущее свое существование с античных времен до описываемых писателем событий XX века. Оно может быть воспринято как символ вечного служения во имя человеческой жизни: такими изображены герои повести отец и сын Сотниковы. Их военная служба происходит в разные периоды истории Отечества. В. Быков не случайно называет их только по фамилии. П. Флоренский пишет, что «...отчество подчеркивает в имени духовную связь с отцом, фамилия — с родом. В известном возрасте, когда личность еще не усохла и не выступили в ней индивидуальные линии, то могут поверхностному наблюдению быть особенно явными черты родовые, и именно отцовские...» [14]. В повести Быкова показано значение отца в личностном росте сына, например, эпизод с маузером, который вспоминает в мельчайших подробностях Сотников в важнейший момент своей жизни, когда ему совершенно ясно, что он обречен на смерть.

Как родовое влияние на формирование личности героя можно рассматривать книги Писемского и Станюковича в семейном сундуке. Это Писемский, в душе которого, по словам Ю. Айхенвальда, «не заглохло осуждение мещанства, стремление к нравственной романтике» и Станюкович с его высокими гражданскими идеалами. А на комодке матери, которая и в советское время каждое воскресенье ходит в церковь, лежит Библия как символ высокой нравственной ценности. Родовое имя освещает принадлежность Сотниковых к исторической государственности, и в то же время оно имеет надвременное значение.

В. Быков изображает Сотникова «перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств» особым образом: герой находится в состоянии интенсивных внутренних поисков, постоянно думая о собственной смерти. На кладбище он вспоминает седого полковника, не дрогнувшего перед врагами, смерть которого стала «триумфом, его последним подвигом, наверно, не менее трудным, чем на поле боя» [3]. На кладбище Сотников думает и о том, что «жизнь – вот единственная реальная ценность для всего сущего и для человека тоже. Когда-нибудь в совершенном человеческом обществе она станет категорией-абсолютом, мерой и ценою всего» [3]. Именно на кладбище Сотников задает вопрос о человеке: «...кто определит возможности его духа? Кто измерит степень отваги в бою, бесстрашие и твердость перед лицом врага, когда человек, начисто лишенный всяких возможностей, оказывается способным на сокрушающий взрыв бесстрашия?» [3] [курсив мой — Н. Ц.].

Но Сотников находится не в бою, а в плену. Он не теряет бесстрашия, твердости духа на допросе и во время пыток. И все же важнее своей физической боли для него оказывается чувство нравственной вины перед Рыбаком и Демчихой. Сострадание к Демчихе и не только к ней охватывает его в подвале, не отступает, и он принимает решение взять вину на себя: «Вы можете поступить с нами как вам заблагорассудится, — сказал Сотников. — Но не примешивайте сюда женщину. Она ни при чем» [3].

Сотников, в отличие от Рыбака, постоянно погружен в мысли о поступке. В то же время он погружен и в поиск ответов на нравственные вопросы, перед которыми В. Быков ставит всех героев повести. Но Сотников оказывается способным перед лицом смерти наиболее зрело и глубоко в нравственном поле осознавать значение жизни и смерти человека, его поступков перед лицом вечности: «Сотников не мог согласиться с мыслью, что его смерть явится нелепой случайностью по воле этих пьяных прислужников. Как и каждая смерть в борьбе, она должна что-то утверждать, что-то отрицать и по возможности завершить то, что не успела осуществить жизнь. Иначе зачем тогда жизнь?» [3].

В состоянии болезненного забвения Сотников вспоминает отца, у которого рождаются, как ему кажется, произнесенные им, атеистом, слова из Библии:

«Был огонь, и была высшая справедливость на свете...» [3]. Движение к Богу происходит как у отца, так и у сына. В утро казни приближаясь к виселице, Сотников, под впечатлением предательства Рыбака, мучительно думает: «Но те, кто только и жаждет любой ценой выжить, заслуживают ли они хотя бы одной отданной за них жизни? Сколько уже их, человеческих жизней, со времен Иисуса Христа было принесено на жертвенный алтарь человечества, и многому ли они научили это человечество? Как и тысячи лет назад, человека сдает в первую очередь забота о самом себе, и самый благородный порыв к добру и справедливости порой кажется со стороны по меньшей мере чудачеством, если не совершенно дремучей глупостью» [3]. Но именно «самый благородный порыв к добру и справедливости» Иисуса Христа Сотников принимает как высшую истину, прощая нравственную слабость Рыбака.

Фамилия «Сотников», таким образом, в тексте повести разворачивается в тип, в «духовную конкретную норму личностного бытия», в «идею», как писал П. А. Флоренский. С Сотниковым, идущим на казнь, в «пространстве силового поля» имени Христа находятся староста Петр, постоянно живущий с Библией, босоногая Бася, имя которой происходит от древне-еврейского «Батья» и означает «дочь Бога» и Демчиха. Для нее имя Бога звучит по-бытовому и привычно: «Ой, Божечка!» [3.] Единство их определено именем Бога, к которому обращается в своих предсмертных думах Сотников, с которым прошел всю свою жизнь Петр, имя которого в переводе с греч. означает камень, ассоциируется с нравственной твердостью и с апостолом Петром. Петр совершенно органично остается и во время оккупации человеком, читающим Библию, перед самой смертью он кланяется людям, как делают это в церкви перед исповедью. Петр спасает девочку Басю, которая, в отличие Рыбака, никого не предала, не сказала на допросе, кто ее еще, кроме Петра, прятал.

— Чего ж они добивались от тебя? — помолчав, тихо спросил Петр Басю.

— Чтоб сказала, у кого еще пряталась.

— А-а, вон как! Ну что ж... Это так. А ты не сказала?

Бася затаилась, будто обмерла, молчала.

— И не говори, — одобрил погода староста. — Нельзя о том говорить. Мое дело все равно конченное, а про других молчи. Если и бить будут. Или тебя уже били?» [3].

Рыбак слышит рассказ Баси о себе самой и воспринимает его как исповедь. Ее, Сотникова, старосту Петра, Демчиху объединяет энергия имени Бога и связанные с ним вечные нравственные константы. Они искупители, которые отреклись от себя, остались с истиной Христа. Опираясь на выводы А. Ф. Лосева и П. А. Флоренского, Н. В. Козловская пишет: «<...> имя является инструментом познания действительности, который, обладая большой обобщающей силой, формирует человеческие личности и группирует вокруг себя определенные человеческие типы. Таким образом, каждое имя — это архетип, инвариант человеческой личности, предопределяющий (наряду с некоторыми другими факторами) нравственные, физические признаки и даже жизненный путь носителя имени. Высший уровень философского обобщения Павла Александровича Флоренского: имя — начало бытия...» [8].

В финале повести В. Быкова для носителей имен Сотников, Петр, Бася, Демчиха наступает момент, который символизирует «начало бытия», именно они отвечают на вопросы автора: «Что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?»

Список использованной литературы

1. Айхенвальд Ю. И. Писемский // Силуэты русских писателей: В 3 кн. М.: Товарищество «Мир», 1914. [Электронный ресурс]: URL: http://dugward.ru/library/pisemskiy/ayhenv_pisemskiy.html (дата обращения: 04.03.2022).
2. Афанасьева Э. М. Онтология имени в творчестве писателей-арзамасцев, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 32 с.
3. Быков В. Сотников / Пер. с белорусск. — автор. // Быков В. Повести. Днепропетровск: «Проминь», 1987 [Электронный ресурс]: URL: libking.ru/Книги/Проза/Prose_Military/515119-vasil-bykov (дата обращения: 22.02.2022).
4. Быков В. Как создавалась повесть «Сотников» // Литературное обозрение. 1973. № 7. С. 101.
5. Гируцкий А. А. Имя в концепции П. А. Флоренского. [Электронный ресурс]: URL: [elibrary.ru/bitstream.../1/ИМЯ В. А. ФЛОРЕНСКОГО.pdf](http://elibrary.ru/bitstream.../1/ИМЯ%20В.%20А.%20ФЛОРЕНСКОГО.pdf) (дата обращения: 04.02.2022).
6. Гуань Л. Трагические мотивы Великой отечественной. Интерпретация Василя Быкова // Litera. 2020. № 2. С. 18–25.
7. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, 2006. [Электронный ресурс]: URL: [dic.academic.ru/book.nsf/62313041/ Современный тол...](http://dic.academic.ru/book.nsf/62313041/Современный%20тол...) (дата обращения: 24.03.2022).
8. Козловская Н. В. Имя собственное в философской интерпретации Павла Флоренского [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-sobstvennoe-v-filosofskoy-interpretatsii-pavla-florenskogo> (дата обращения: 04.03.2022).
9. Лосев А. Ф. Философия имени // А. Ф. Лосев. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.
10. Никифор, архим. Библейская энциклопедия. М., 1891. [Электронный ресурс]: URL: azbyka.ru/Библиотека/Никифор/biblejskaja... (дата обращения: 24.03.2022).
11. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]: URL: <https://gufo.me/dict/dal/сотник> (дата обращения: 24.03.2022).
12. Топер П. Цена победы: О некоторых аспектах трагического в литературе об Отечественной войне. // Литература великого подвига: Великая Отечественная война в литературе. М.: Худож. лит., 1975. Вып. 2. С. 89–116.
13. Топер П. Гуманистический смысл подвига и проблемы войны и мира в мировой литературе // Гуманистический пафос советской литературы. М.: Наука, 1982. С. 105–127.
14. Флоренский П. А. Имена [Электронный ресурс]: URL: gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Onomast/Flor/ (дата обращения: 24.02.2022).
15. Шагалов А. Василь Быков повести о войне. М.: Худож. лит., 1989. 301 с.

Об авторе

Цветкова Нина Викторовна — Псковский государственный университет (ПсковГУ), доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного, кандидат филологических наук, доцент; tsvetkova48@yandex.ru.

The Philosophy of the Name in V. Bykov's Story "Sotnikov" (1970)

For the first time in scientific practice, an attempt is made to analyze the text of V. Bykov's story "Sotnikov" through the prism of the philosophy of the name, created by A. F. Losev and P. A. Florensky at the beginning of the 20th century. The author of the article comes to the conclusion about deep connection of the Soviet era Belarusian writer's choice of hero and character names with the theory of Russian religious thinkers. The analysis of the names makes it possible to position V. Bykov as a writer who develops and continues spiritual traditions of Russian classics of the 19th century.

Keywords: V. Bykov, A. F. Losev, P. A. Florensky, philosophy of the name, the story "Sotnikov", names of heroes and characters, spiritual implications of the story.

About the author

Tsvetkova Nina Victorovna — Pskov State University (PskovSU), Associate Professor of the Chair of Philology, Communications and Russian as a Foreign Language, Candidate of Philological Sciences; tsvetkova48@yandex.ru.

Научное издание

«Homo faber — Homo loquens — Homo scriptor.
Россия — Беларусь:
Ценности единого научно-образовательного
пространства приграничья»

Материалы международной научно-практической конференции

г. Псков
24–25 марта 2022 г.

Электронное сетевое издание

Технический редактор: Е. В. Ковалых
Компьютерная вёрстка: Е. В. Ковалых, Н. А. Васильева

Подписано в печать: 05.04.2023. Формат 90×60/8.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 12,75.
Заказ № 6134.

Адрес издательства:
Россия, 180000, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4^а, корп. 3^а.
Псковский государственный университет